

**СКАЗЫ
и
СКАЗКИ
БЕЛОМОРЬЯ
и
ПИНЕЖЬЯ**



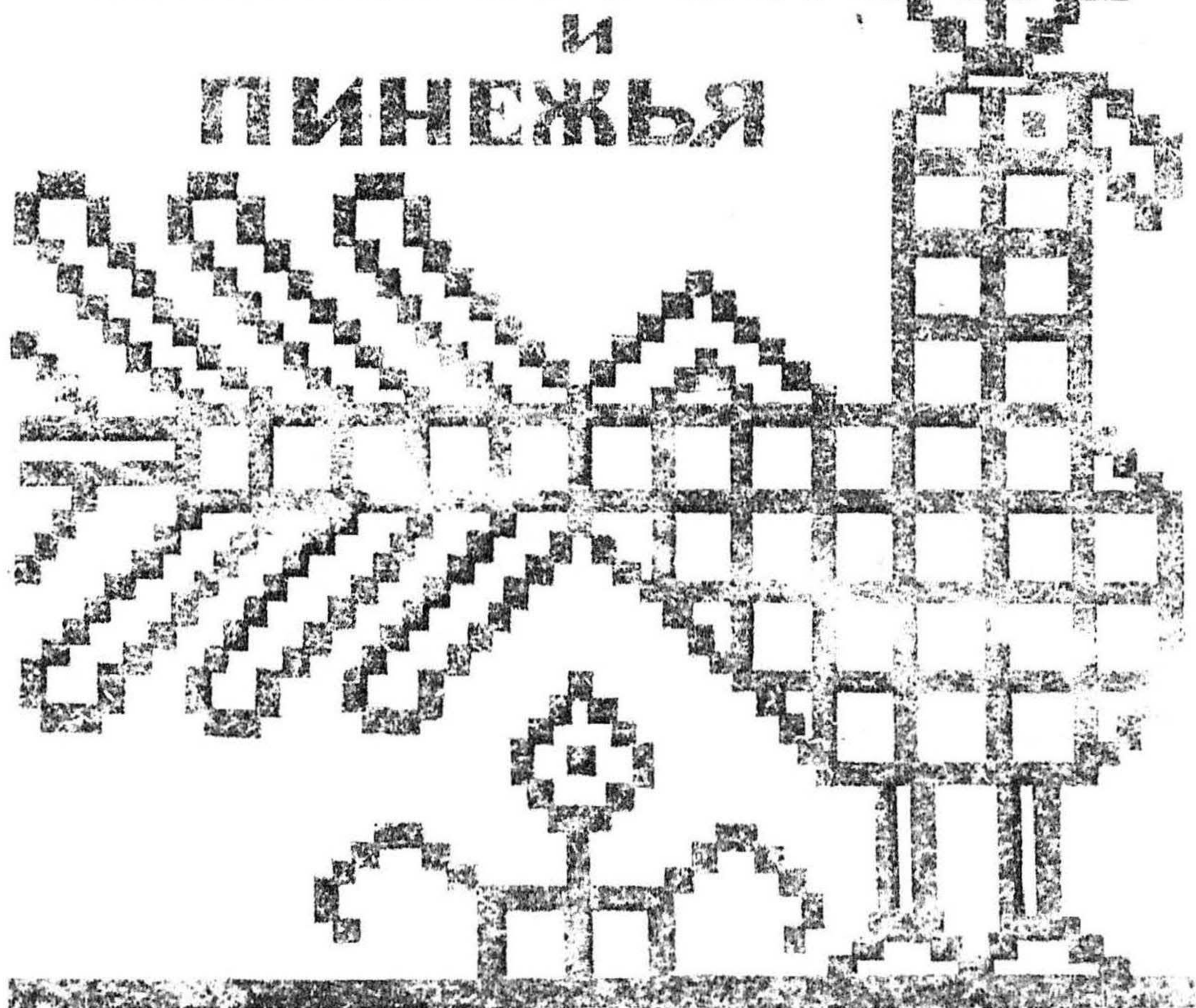
С-444
6421

СКАЗЫ
И

СКАЗКИ

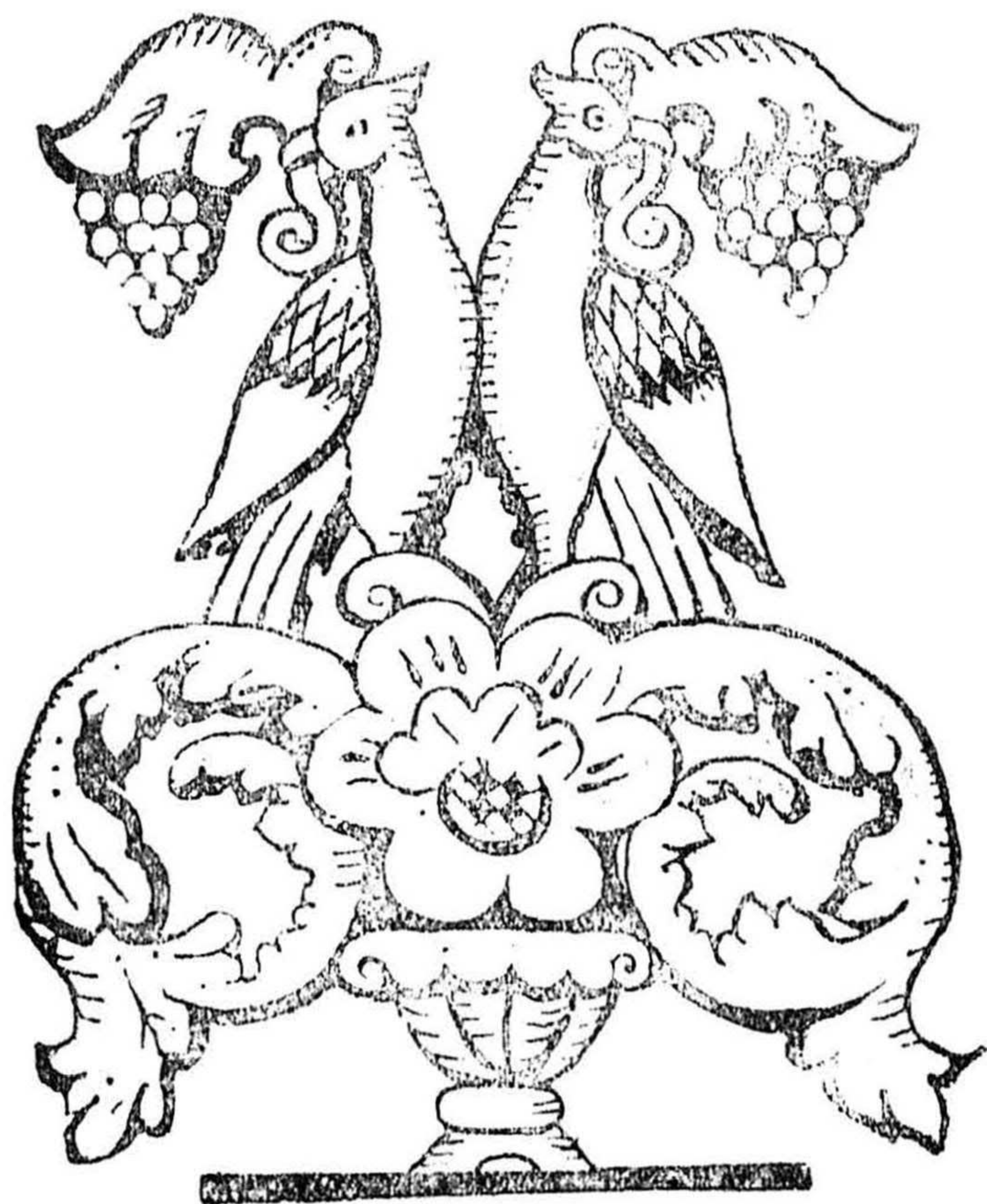
БЕЛОМОРЬЯ
И

ПИНЕЖЬЯ



СКАЗЫ И СКАЗКИ БЕЛОМОРЬЯ И ПИНЕЖЬЯ

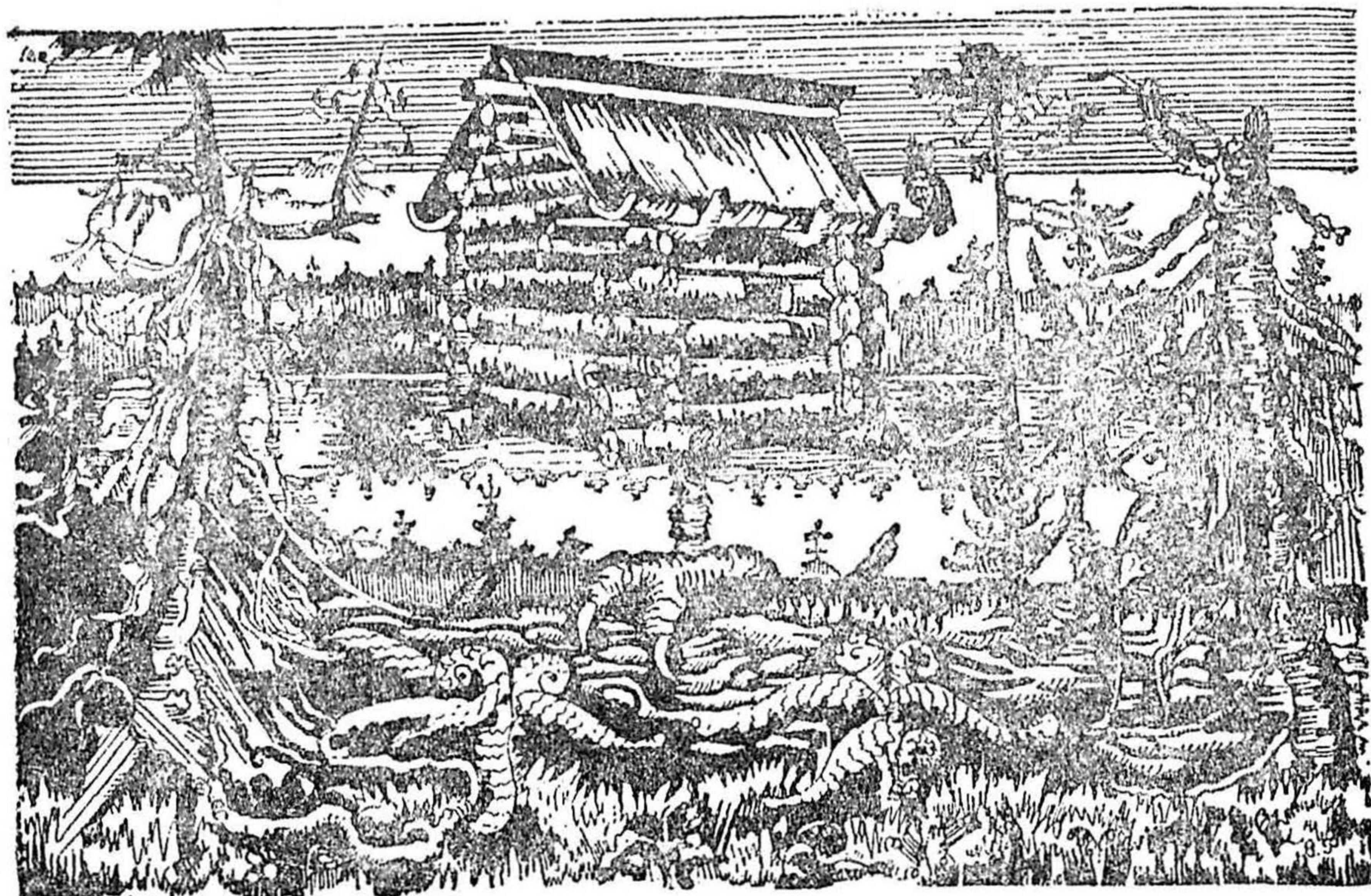
Запись текстов,
вступительная статья
и комментарии
Н. И. Рождественской



ОГИЗ . АРХАНГЕЛЬСК . 1941

1966 г.

147519.



ОНЕЖСКИЙ РАЙОН

Олена Кирилловна Калинина. Дер. Нянда

38. МАЧЕХА И ПАДЧЕРИЦА

Вот жили-были мужик да жонка. У его померла жена—осталась дочка. Женился опять—мачеха возненавидела падчерицу. Отправила ей на реку полоскать ниток; она полоскала-полоскала да ниточку и уронила, мачеха ей прогнала за это.

Вот она и пошла по пути—по дорожке. Шла-подошла, пастухи пасут свиней:

— Девушка, девушка,
Подпаши под нами,
Подгреби под нами,—
Добро тебе будет.

Девушка подпахала-подгребла, поклонилась—пошла. Шла-подошла, пастухи овец пасут и говорят:

— Девушка, девушка,
Подпаши под нами,
Подгреби под нами,—
Добро тебе будет.

Подпахала-подгребла, поклонилась—пошла. Шла-подошла, пастухи коров пасут и говорят:

— Девушка, девушка
Подпаши под нами,
Подгреби под нами —
Добро тебе будет.

Девушка опять подпахала-подгрребла, поклонилась—пошла.
Шла-подошла, пастухи лошадей пасут:

— Девушка, девушка,
Подпаши под нами,
Подгреби под нами,—
Добро тебе будет.

Подпахала-подгрребла, поклонилась и пошла.

Шла-подошла, до избушки дошла. Стоит избушка на курьей ножке—на петушьей головке:

— Повернись, избушка, к лесу глазами—ко мне воротами, чтобы лъзя зайти и вытти!

Избушка повернулась, девушка зашла; сидит одна старушка:

— Куда ты,—говорит,—девушка-голубушка, пошла?

— Да вот пошла, куда меня голова понесет, не знаю теперь, де и жить буду.

— Давай, отдохни, да баинку истопи, да детей моих перемой.

Вот она назавтри баню топить, истопила баню,—та наклала решето мышей, она и ушла в баню с има—мыть-перемывать этих всех мышат. Принесла их старухе, старуха-то и спрашивает:

— Ну, деточки, каково вас новая няня намыла?

— Хорошо,—говорят,—нас новая-то няня намыла: всех гладила да никакого не ушибла.

Она потом наклала ей решето тараканов, и вот она понесла—их всех перемила там.

Принесла домой, опять старуха:

— Ну, каково вас новая няня намыла?

— Хорошо нас новая няня намыла: всех гладила—крылышка не оторвала и ножки не сломила.

— Ну,—говорит,—я с тобой сейчас рассчитаюсь.—Дала ей сундучок—сундучок с золотом. Девушка взяла и домой пошла.

Шла-подошла и дошла,—пастухи коней пасут: ей пастухи дали кобылку с жеребенком. Спасибо сказала да пошла.

Потом дошла, што и коров пасут пастухи: ей дали коровку с теленком, она поблагодарила,—пошла дальше...

Там пасут овец пастухи: ей дали овечку с ягненком, она опять поблагодарила и пошла...

Дошла, што и поросят пасут: дали ей свинью с поросенком, вот она поблагодарила и домой пошла.

Домой пришла к отцу—со скотом всяким, со всем имуществом; отец обрадел, начал обирать скота... Открыл сундучок,—золото, как солнце, пекет!

Мачеха обзавидничала—отправила свою дочку тоже с нитками:

— Иди,—говорит,—полощи нитки, урони нитки и домой не ходи; поди по той же дороге, по которой падчерица шла.

Та пошла нитки полоскать; нитки—в воду, и сама по той дороге, по которой падчерица шла.

Шла-подошла, пастухи свиней пасут:

— Девушка, девушка,
Подпаши под нами,
Подгреби под нами,—
Добро тебе будет.

Она говорит: „Есть тут и без меня“,—и пошла дальше. Также и овец пасут пастухи,—она то же само отвечала... Коровьим и лошадиным—то же само...

Вот дошла до избушки. Стоит избушка на курьей ножке—на петушьей головке:

— Повернись, избушка, к лесу глазами, ко мне воротами, штобы лезя зайти и вытти!

Зашла,—сидит старушка... Как и той—там велела баинку истопить, баинку истопила—решето мышей наклала...

Намыла—приносит их домой, а старуха:

— Ну, деточки, каково вас новая няня намыла?

— Ой, мамушка,—говорят,—всех нас новая няня покалечила: у какой вырвала лапу, у которой—хвост отвернула.

Потом и решето тараканов перемила; мыла да парила, водой поливала... К старухе принесла, а старуха:

— Ну, деточки, каково вас новая няня намыла?

— Ой, маменька, мыла да парила, да новых ошпарила... у кого вырвала ногу, у нового—крыло оторвала. Худо нас новая няня намыла...

Вот девушка заходила домой, старуха дала тоже сундучок:

— Там тебе расчет за то, што ты детей перемила.

Взяла—домой пошла.

Вот пошла—до пастухов дошла, пастухи ей ничего не дали; так и вторых прошла, и третьих, и четвертых—всех...

Вот приходит домой с радостью. Матка обрадела—сундучок открыли, а там жабами наполнено.

39. МАЧЕХА ВОЗНЕНАВИДЕЛА СНОХУ

У одного мужика парень женился,—мачеха возненавидела сноху. Всячески ей умаривала... а куда ни посылала—все придет. Она потом решила отправить ей к бабы-яги за бёрдом,¹ от которой никто никогда не врачивался.

Услужлива и послушлива была молодушка, вот и пошла по пути по дорожке. Шла-подошла, в лес зашла—до избушки дошла. Стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке; она сказала:

— Повернись, избушка, к лесу глазами, ко мне воротами.

Избушка поворотилась, она зашла,—сидит старушка:

— Куда ты, молодушка, пошла?

— Да вот,—говорит,—матушка послала к бабы-ягой за бёрдом.

— Ой, так она тебя послала к бабы-ягой на съедение. Вот пойдешь, голубушка, по дорожке, — нападут гуси на тебя; возьми житца ²—им брось, и они пропустят тебя.

Она ишо подошла—гуси напали на ей, она жита покидала, они и пропустили ей. Шла-подошла, до избушки дошла.

Стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке... Зашла,—сидит старушка:

¹ Деталь ткацкого станка.

² Жито — ячмень.

— Куда, молодушка, пошла?

— Матушка послала к ягой-бабы за бёрдом.

— Не за бёрдами послала, а на съедение.— От дала ей хлебца:— Собаки нападут на тебя, ты им покидай хлебца,—пропустят.

Она и пошла,—собаки-то напали на ей, она хлебца дала,—ее и пропустили. Вот пошла по пути по дорожке, до избушки дошла. Стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке... Зашла,—тут старушка, спрашивают:

— Куда ты, молодушка, пошла?

— Матушка послала к ягой-бабы за бердом.

— Дак она послала на съедение тебя. Возьми,—говорит,—грибочек; пойдешь—будет чаша така страшная,—тебе и не протти; брось этот грибочек,—будет тебе дорожка.

Шла-подошла, до чаши дошла. Така чаша — невозможно было протти; вот грибочек она бросила — ей открылася дорожка — зимничек, она и пошла по этой дорожке.

Вот шла-шла, к бабы-ягой пришла.

— Бабушка, меня за бердом матушка послала.

— Ладно, молодушка, ночуй,—утро вечера мудренее.

У ей было три дочери, у бабы-ягой, и говорит:

— Дочки, вы ложитесь ко стенке, а молодушка на крайчик, а я в подполье пойду — крупы молоть. — А сама ушла зубы точить.

Легли дочери ко стенке, она — на крайчик, они уснули, — ей не спится, сердце чусьвует, што на съедение отправлена...

Мышка из подпечья выскочила:

— Молодушка, молодушка, сама повались ко стенке, ейну дочку повали на крайчик, наложи колпачок.

Она так и сделала. Баба-яга пришла, ко кровати подошла да дочку и съела свою.

Вот наутро выстали, она видит, што молодица жива, и говорит:

— Курва,..., догадка, ладно,—берда отдам тебе завтра, ночуй ишо ночку.

Вот ввечеру и велела своим дочкам:

— Ложитесь ко стенке, а молодушку на крайчик, а я в подполье пойду — крупы молоть.

Они так и сделали — повалилися, она ушла зубы точить.

Молодушке не спится... Мышка выскочила:

— Молодушка, молодушка, повали ейну дочку на крайчик, а сама ко стенке, колпачок наложи.

Она так и сделала. Баба-яга пришла да дочку и съела с крайчика.

Наутро выстали, баба-яга видит — молодушка жива, она опять и говорит:

— Курва,..., догадка, ночуй ишо ночку, завтра берда отдам. Ввечеру опять и говорит:

— Дочка, ты ложись ко стенке, молодушка — на крайчик... —

Опять то же...

Ночью мышка вышла:

— Молодушка, молодушка, ейну дочку повали на крайчик, сама повались ко стенке.

Она так и сделала. Опять баба-яга пришла из подполья да с крайчика дочку и съела.

Утром встала опять: молодушка жива.

— Ладно,—говорит,—курва, ..., догадка, ишо ночку ночуй,—тогда и берда отдам.

Ну, а ишо ночь ночевать—одна осталась только... Баба-яга заходила: „Пойду в подполье крупы молоть“,—опять ушла.

Молодушке не спится... Мышка выскочила:

— Молодушка, молодушка, возьми ножик—срежь берда да убегай скорее,—говорит.

Вот она и побежала зимничком, пробежала в тот конец, и зарос зимничек частой рощей.

И вот бежала-бежала, собаки ей завидели—пропустили, до избушки добежала—ночевала у бабушки; гуси пропустили—и опять до следующей избушки добежала...

Баба-яга за ей в догоню, до чащи дошла—грызть стала: надо прогрызть ей было зимник. А пока грызла—молодушка в то время домой убежала.

Ну, вот прибежала домой с бердом, старуха забранилася... Приходит с работы сын и спрашивает:

— Де ты была?

Свекровка послала, а он и знать не знал...

— Ходила к бабы-ягой за бердом.

— Да оттуда же никто не ворачивается, кто тебя послал?

— Матушка послала.

Загрешили они, сын с мачехой-то, зассорились да разделились. Вот и сказка вся.

40. ПРО БЕДНОГО И БОГАТОГО

Было два брата—один богатый, другой бедный. У бедного жена умерла, осталось детей много. Женицца ему не пришлось,—никто не идет на детей. Вот он дожил до того, што у его не стало возможности жить, дети голодны, морховаты¹... „Пойду,—говорит,—утоплюсь от жизни от такой“, побрел в реку. Бредет,—идет мужик по берегу и спрашивает:

— Куда ты, мужик, побрел?

— Топиться.

— Не топись, дурак, иди, в дуль кокни, — што-нибудь выпадёт.

Он пришел—кокнул, ему выпала краюшка хлеба. Он ту краюшку резал-резал, нарезал только хлеба—детей накормил, продал... Напился пьяный и ходит с песенками по деревне.

Брат увидал и спрашивает его:

— Што, брат, не весело взяло тебя эдак?

— Ох, братан, у меня есь краюшка,—дак я изрезать ей не могу.

¹ Морхи—лохмотья.

— Дай мне,—богатый брат попросил.

— Возьми,—говорит. (Сам наелся, дак как не дать брату?)

Брат у его взял да и не отдал ему краюшки-то.

Вот он дожил, опять у его нсь нечего стало, ребята голодны.

„Пойду,—говорит,—топиться“.

Бредет,—мужик по берегу идет и спрашивает:

— Куда ты побрел?

— Топиться.

— Не топись, дурак, иди, в дуль кокни—што-нибудь выпадет.

Пошел—в дуль кокнул, выпал кошелек; тряхнул—посыпались деньги оттуда. Зажил хорошо опять с этима деньгами: хлеба накупил, одежды накупил ребятам и выпил опять.

Идет с песнями, опять богатый брат встречу, и спрашивает:

— Де ты, братан, расстарался, што таку выпивку устроил?

— Да вот,—говорит,—у меня есь кошелек,—не могу вытрясти денег: колько ни трясси,—все летят.

— Дай мне потрясти,—брат опять богатый.

— Возьми, братан, потряси.

Брат взял кошелек да и не отдал.

Ну, опять дожил до того, што ничего не стало: „Пойду топиться“.

Вот бредет, уж глубоко забрел, поглядывают—никто не идет, а утонуть неохота; обратно отбрел—и опять в реку побрел, уж вот стала в рот вода заливаться... Идет человек по берегу и говорит:

— Куда ты, мужик, побрел?

— Топиться.

— Не топись, дурак, в дуль кокни—быват што выпадет.

Вот он сходил—в дуль кокнул, выпала киса; он тряхнул—думал деньги, а выскочило три дьявола оттуда и давай его бить, он говорит: „Комон в сумку!“¹—и они в сумку заскочили. Он и думат: „Я эту кису наделю брату“.

Пришел домой и притворился пьяным, и вот идет с песнями по деревне, а богатый брат опять встречу:

— Де ты выпил?—говорит.

— Ох, братан, мне кака киса выпала,—дак я и не могу вытрясти из ей!

— А дай мне потрясти.

— Возьми, братан.

Вот взял—тряхнул, выскочило три дьявола и давай этого брата молотить! Бедный и говорит:

— Бейте его, бейте дурака, он у меня краюшку украл, кошелек с деньгами.

— Брателко, отойми, пожалуйста, я тебе все возвращу обратно, и хлеб и кошелек—все отдам!

Бедный брат и говорит потом: „Комон в сумку“. Ну, они в сумку зашли,—богатый брат ему все возвратил.

Зажил со своима детьми—с хлебом, с деньгами, очень хорошо зажил.

¹ Комон—смысл: ступайте в сумку.

41. [ПРО ПАРНЯ]

Были старик со старухой, не было детей у их... И вот вышел человек, человек вышел из дурного воздуха и говорит: „Поись, мама, дай-ко“. Хлеб съел; што было сварено картошки — съел; квашонку с раствором скушал; в конце концов мать съел.

Пошел по деревни—с именинами¹ девка идет. Он и говорит: — Што ты, девка, думаешь, я тебя съем.

— Да где же тебе съись—маленький такой.

Он взял — съел. Потом женщина идет с полосканья — с ведрами идет.

— Што ты,—говорит,—думаешь, я тебя съем.

А она:

— О, какой маленький, далеко тебе меня съись.

Ну, и съел женщину эту. Потом едет мужик с сеном... он и мужика съел с лошадыю и с сеном...

Вот дошел до избушки, тутотки живет старушка. Зашел, говорит:

— Бабушка, дай мне поись.

Она ему сколько хлеба было — все скормила; он потом говорит:

— Да я ишо тебя съем.

А она:

— Ложись с богом спать — дак завтра приготовлю пораньше тебе обед, каши наварю да накормлю тебя.

На то и решился, успокоился—повалился.

Наутро она стала, да чугунок кипяточка пораньше скипятила, да на пузо ему и вылила. Пузо лопнуло: вот выходит матка; потом девка выходит с именинами: „Спасибо бабы-ягой“; потом женщина с ведрами: „Спасибо бабы-ягой“; мужик с сеном выехал, тоже: „Спасибо бабы-ягой“.

Он мертвый оказался — ошпарен. Освободила всех старуха, и сказка вся.

42. ЛЕНИВАЯ ПРЯДЕЯ

Дочка прясть была ленива. Ну, вот, проезжала однажды царица и слышит ссору в избы. Приходит — спрашивает:

— За што ты бьешь дочку?

— Да вот,—говорит,—настолько прилежна к пряжи — никак отбить не могу.

— Пойдем,—говорит,—милая, ко мне, у меня для тебя пряжи хватит,—два чулана больша: будешь прясть тонкую чудесную пряжу, и я тебя возьму за своего сына.— Вот и увезла.

Привезла — она на первый день не начала ничего; приходит к ей царица и спрашивает:

— Ну, што, милая, не начала ничего?

— Да не начала, по роины скучаю.

Она ей по головы погладила за это. Ничего не поделала и на второй день, и никто ей не проверил. Тут пришли три тетушки чужи, говорят:

¹ Носить родным угощения—местный обычай.

— Пригласишь на свадьбу, и мы опрядем тебе два чулана льну, сделам тонкой чудесной пряжи.

Вот на третий день они приступили к работы и опряли. Вот царица приходит — удивляется: готово дело — все опрядено.

Вот и свадьба началась. Вот приходят тетеньки на свадьбу — на царский пир, вот уселись за стол. У одной был нос длинный, у другой — палец толстый, у третьей — нога толстая... И спрашивает молодой:

— Почему же, тетенька, у тебя такой нос длинный?

— А я кудельку тяну — носком упираю, оттого.

Вот и спрашивает втору:

— Отчего, тетенька, у тебя такой палец толстый?

— Я, — говорит, — ниточку сучу.

У третьей:

— Почему, тетенька, у тебя така нога толстая?

— Оттого, — говорит, — што я прялочку качаю.

Он испугался:

— Ну, ты, жена, не пряди, а то у тебя будет такой же нос длинный, и палец толстый, и нога толстая.

А ей-то того и надо было, штобы не прасть-то.

43. ВАРУШКА И АНЮШКА

Были-жили две подружки Варушка да Анюшка, жили в деревне. Варушка уехала в лес, ей на хутор видно захотелось на жительство. Анюшка поскучала о Варушке о подружке и сдумала итти в гости, вот и пошла.

Шла-пошла, попадат мужик: конь красный, воз красный и мужик красный.

— Куда, Анюшка, пошла?

— К Варушке в гось.

— Не ходи к Варушке в гось, — Варушка съес.

Она и говорит:

— Нет, мы все ходим да гостимся, и друг дружки не едим.

Вот шла-подошла, попадат встречу мужик: конь белый, воз белый и мужик белый.

— Куда, Анюшка, пошла?

— К Варушке в гось.

— Не ходи к Варушке в гось, — Варушка съес.

— Нет, мы все гостимся — друг дружки не едим.

Шла-подошла, попадат мужик встречу: конь черный, воз черный, мужик черный:

— Куда, Анюшка, пошла?

— К Варушке в гось.

— Не ходи, — Варушка съес...

Шла-подошла, пришла к избушке; пришла к лестнице — нога лежит, она ногу присторонила — прошла; в лестницу поднялася — рука лежит, руку присторонила — прошла; в сени зашла — в сенях кишки висят, она кишки отодвинула — в избу зашла. А Варушка сидит — дожидат добычу уж видно...

— Здравствуй, подружка Варушка.

— Здравствуй, Анюшка, проходи — садись.

Вот сидела-посидела и сказывают ей:

— Варушка, как я к тебе в гось шла, — мужик встрету попался: конь красный, воз красный и мужик красный, сказал: „Не ходи к Варушке в гось, — съес“; я ему и говорю: „Все ходим — друг дружки не едим“.

А Варушка:

— Говори и не проговаривайся, это — мое утро.

Она опять сидела-посидела и заговорила:

— Варушка, как я в гось к тебе шла — мужик встрету попался: конь белый, воз белый, мужик белый... (Тут так же.)

— Говори — не проговаривайся, это — мой день.

Она опять сидела и говорит:

— Варушка, как я в гось к тебе шла — мужик встрету: конь черный, воз черный, мужик черный...

— Говори да не проговаривайся, это — моя ночь.

Она и говорит:

— Варушка, как я в гось к тебе шла, к лестницы-то пришла — нога лежит.

— Говори да не проговаривайся, это моя кичига.¹

Опять сидела-сидела да и говорит:

— На лестницу-то поднялась — рука лежит.

— Тут мои грабли.

Она опять сидела-сидела и говорит:

— Как я к тебе в сени зашла — кишки висят.

— Тут мои нитки.

Потом Варушка и говорит:

— Поди садись паужинать, госьюшка.

Посадила ей паужинать. Налила супу мясного, ну, вот она стала суп хлебать — ковырнула со дна, а там попала рука; эту руку бросила под лавку, а Варушка и говорит:

— Ручка ты, ручка, где ты?

Ручка-то отвечат:

— Под лавкой.

Варушка руку-то достала да ей в суп и положила: „Ешь“, — говорит. Анюшке противно кажется, незаметно вытянула да за пазуху сунула. Варушка опять и говорит:

— Ручка ты, ручка, де ты?

А та:

— В запазухе.

Варушка взяла из запазухи да опять в суп — ей и потчует: „Ешь“, — говорит. Анюшка опять незаметным образом вытащила да за окошко и бросила. Варушка и спрашивает:

— Ручка, ручка, де ты?

— За окошком.

Варушка из-за окошка принесла да в суп спустила, да по-чествовала госью...

А госья не заела — она и госью съела.

¹ Орудие для разравнивания земли.

44. ЛЕШИЙ УНЕС ТРЕХ ДОЧЕРЕЙ

Старик ездил по дрова в лес — зимой, и вот приходит леший к костру:

— Я тебя убью здесь.

— Не бей, што тебе надь — я то и даю.

— А дай, — говорит, — девка взамуж.

— Даю.

— А чего здесь оставишь в залог?

— А кушак оставляю хоть.

Ну, вот приехал домой:

— Бежи-ко, — говорит, — Манька девка, за кушаком, — у костра оставил.

Прибежала, а леший стоит (совсем его и нет — все вранье):

— Куда ты, — говорит, — девка?

— А за кушаком, тата кушак оставил — забыл здесь.

— Не за кушаком, а за меня взамуж...

Привел домой и говорит:

— В ту клеть ходи, в ту клеть ходи, а которая лычком завязана, ... запечатана, — не ходи.

Он ушел, она в две клетки сходила и в третью зашла: там котел золотая кипит. Мышка выскочила: „Девушка, девушка, спичкой, красная, красная, спичкой-спичкой!“ Она взяла — пальцем помешала, попробывала и обожглась...

Леший приходит домой:

— Жона, — говорит, — поищи-ко у меня в головы.

Она говорит:

— У меня палец болит.

— Покажи-ко, — говорит. Посмотрел да ее и в подполье бацнул туда.

Ну, и побежал опять к тому же костру, а старик и приехал по дрова. Леший говорит:

— Старик, я тебя убью здесь.

— Што тебе нужно — того и даю, не бей только.

— Дай девка взамуж.

— Даю.

— А чего оставишь в залог?

— Дак уж рукавицы оставляю.

Оставил и приехал домой без рукавиц:

— Полька, опять рукавицы забыл у костра, бежи-ко.

Старуха забранилася: „Ту отправил куда-то безизвестно, да и другу опять отправляешь!“

Пришла опять к костру, а леший тут у костра:

— Куда, — говорит, — девушка пошла?

— За рукавицами...

— Не за рукавицами, а за меня взамуж.

Вот и увел опять домой. Привел и говорит:

— В ту клеть ходи — в ту клеть ходи, а которая лычком завязана, ... запечатана, — не ходи.

Леший ушел — она того не послушалась, сходила в две да и в третью сходила, — там котел золотая кипит. Выскочила мышка:

„Девушка, девушка, спичкой спичкой, красная-красная, спичкой-спичкой!“ Пальцем опять попробывала да палец и обожгла.

Вот приходит леший с работы и говорит:

— Жона, поищи в головы.

Она говорит:

— У меня палец болит.

— Покажи.—Посмотрел, да опять и ту в подполье.

Опять к тому-то костру побежал, да опять и стоит, дожидается старика.

Вот приехал старик, а леший опять говорит:

— Чего думаешь,—я тебя убью.

— Не бей, што тебе нужно—того и даю.

— Даешь девка взамуж?

— Даю.

— Чего здесь оставишь?

— Ну, шапку оставляю.

Домой приезжает:

— Давай-ко, Оля, девка, бежи за шапкой, у меня шапка у костра оставлена.

Матка бранится: „Двух проводил — остатну провожат куда-то безизвестно“.

Вот она пошла к костру, а тут леший стоит:

— Куда ты, девушка, пошла?

— А тата,—говорит,—это-то шапку оставил—забыл.

— Не за шапкой,—говорит,—а за меня взамуж.

Вот привел:

— В эту клеть ходи, в эту клеть ходи, а котора лычком завязана, ... запечатана,—не ходи.

Леший ушел—в те две сходила и в третью зашла—там котел золота кипит. Опять мышка выскочила: „Девушка, девушка, спичкой-спичкой, красная, красная, спичкой-спичкой“.

Та подогладивей, взяла спичкой и помешала, помешала да и не обожглась.

Вот приходит муж с работы. Пришел и говорит:

— Поищи, жона, у меня вшей в головы, вшей накопил—напарил.

А она в подполье-то высмотрела—сестры, у ей смекнуто было, што сделать: задумала выпихнуть сначала сестер... и говорит:

— Муж, я завтра именинница, снеси таты да мамы именины.

Он говорит:

— Ладно, приготовь.

Вот он ушел опять на работу, она взяла да в сундук положила сестру, пришел—вот и понес, а она вслед-то и наказывает:

— Ты смотри, именины не ешь (и ей научила—если он будет собираться ись—скажи: „Не ешь, снеси татке да мамы“).

Он бежал-бежал да ись захотел:

Сесть бы на пенек—
Сьись бы пирожок,
Жонино печенье,
Тещино подаренье.

А сестра-то из сундука:

— Нет, не ешь,—снеси татке да мамы.

Подумал: жонка,—боле не ел. Принес да на сени как брякнул!—а сам обратно... Те думают: „Што тако за гром сделался?“ Посмотрели—там сундук лежит, в сундуке дочка старша... Обрадовались отец с матерью, што дочка вернулась.

Леший—домой, назаври уходит на работу опять; ушел—жона-то опять ящик приготовила: сестру-то другу положила спать в ящик. Приходит—она и говорит:

— Сегодня ты именинник, снеси именины таты да мамы. Он схватил ящик и попер опять. Шел-шел, ись захотел:

— Сесть бы на пенек,
Съись бы пирожок,
Жонино печенье,
Тещино подаренье.

А сестра из сундука:

— Не ешь, снеси татке да мамы.

А он думат—ему с дома кричат, жонка кричит с дому... Опять пошел... Опять бряк ящик на сени! Свекор вышел со свекровой, а там ящик; открыли—опять дочка...

Вернулся домой—жона и говорит:

— Завтра—мамы именины, придешь с работы—снеси ящик; а я полезу сажы пахать—буду там на хоромах стоять—ты не дожидай.

Тот с работы—ящик взял и попер. (Видит, што жона на хоромах; а она обрядила полено—чучело устроила, во свое платье одела, сама в ящик залезла,—как он ушел на работу.)

Бежал-бежал да опять:

— Сесть бы на пенек,
Съись бы пирожок,
Жонино печенье,
Тещино подаренье.

Она из ящика:

— Не ешь,—говорит,—снеси таты да мамы.

А он думат—она с крыши кричит. (Оманула дурака.) Ну, пришел—ящик бросил, те посмотрели—остатня дочка тут.

Он домой вернулся, кругом дома ходит и кричит:

— Жона, жона, слезай!—Она ничего не отвечает ему.

На хоромы залез, кофту-то за рукав дернул, да ему полено в лоб. Голову разбил—вот тут и заревел.

Ну, вот и сказка вся.

45. ЖИТИНКА

Были-жили старик со старухой. Вот они посеяли житинку в подполье. Житинка росла да росла да до полу выросла,—они и пол прорубили; потом до потолка,—они и потолок прорубили; потом уж и до крыши доросла,—они и крышу прорубили. Вот житинка росла, да росла, да росла, да росла, да росла, да до неба выросла.

Старик услышал, што на небе вши дороги, а коровы дешевы, вот и полез по житины вшей продавать, а коров покупать.

Накупил там коров, дак вот как спуститься-то тепереча,—думат. Стал он коровушек свежить, кожу резать на ремни да связывать ремни; и вот, сколько было коров—он перерезал, да кожу на ремни изрезал, ремней насшивал да и с неба попускал: нехватило километра два ли—три ли до земли...

Вот он спускался да спускался по этим ремням,—пал сильный ветер, он до конца-то допускался да и держится... Вот ветер-то сильный пался,—его и закачало: из Москвы до Питера да из Питера в Москву и помахиват на ремнях; ремень-то сорвался, да он в болото и оборвался: одна голова видна—так застрял в болоте, мякнуло. („Вот уж это кому-то не лень было врать“, скажут.) А ведь знашь, раньше у стариков волосы были длинные—не резались шариком (уж размазывать, дак размазывать), утка свила гнездо в головы-то и насадила яиц.

Старик сидит в болоте, не знат, как вылезти оттуда, и мечтат-думат: „Уж кто-нибудь придет яйца кушать“, дожидат божьей милости.

Вдруг, откуда ни возмись, пришел медведь к этому месту, на головы у старика яйца съел; медведю неохота оттуль отойти—вертится все, старик видит. Медведь задом повернулся, он тихонько руки вытянул и захватился ему за хвост, да как крикнул: „Вывези, мишенька!“ Да мишка как рванулся—из болота вытянул. Медведь-то убежал, он-то и остался.

К старушки и пошел, ну, вот пришел—и стали жить да быть; теперь живут, без коров и безо вшей.

46. БАЛЬКА ДУРАК

Были два брата: один брат умный, а другой брат дурачок. Вот умный брат задумал жениться, дурака послали на базар: на свадьбу горшков закупать.

Он закупил—как нести? Их неудобно так нести—в руках, он взял да навтыкал донья—на кол наложил и понес домой.

Принес—мать спрашивает:

— Ванька, де горшки?

— Да вон там, на колу висят.

— Ох, ты дурак, ты дурак, лучше бы ты коробок взял да в сенцо уложил. Сходи теперь на базар, купи булавок для косынки.

Вот пошел Иван покупать булавок, булавок купил—в коробок в сено уложил все и принес.

— Де булавки-то?—спрашивают его.

— Вот тут в коробу, ищите подьте, в сене—по отдельности ложены.

Ну, вот не могли в сене разыскать никакой булавки.

— Ванька, ты бы их в бумажку овертел и в карман положил, ох, ты дурак, ты дурак! Сходи-ко на базар за маслом, принеси масла постного.

Он и говорит: „Ладно“.

Сходил—купил постного масла; в бумажку вылил—бумажку в карман, вот и принес потом в кармане. спрашивают:

— Ванька, де у тебя масло?

— В кармане,—говорит,—в бумажке.
— Ох, ты дурак, ты дурак, пошто в бумажку-то положил?
— Ну, теперь,—говорят,—надь ехать к венцу. Сени закрой, никого не запускай; потом открой—када мы придем от венца.
Вот Ваня накрепко закрылся и сидит; а пиво в бочке ворчит—ходит... Он и говорит:

Пиво, не ворчи,
Ванька с печи не дразни.
Ванька скочит—
Все обручи склотит.

А пиво все не успокаивается.
Он опять говорит:

Пиво, не ворчи,
Ванька с печи не дразни,
Ванька скочит—
Все обручи склотит.

А пиво все буркат. Сходил за топором, взял топором да по обручам бац! Вот пиво и пошло... Ванюше што делать? Принес корыто, сел да и давай в корыте ездить:

„Вот,—думает,—де я погуляю теперь“.

Приходят от венца—кричат:

— Ванька, открой!
— Подождите, из шолнуши¹ выезжаю ишо.
— Ванька, открой!
— Подождите, в большой угол еду.
— Ванька, открой!
— Ко дверям подъезжаю, подождите.
— Да што,—говорят,—он за дурак, на чем ездит? — Ванька, открой!
— Подождите, в сени выезжаю.

Да выехал, да как сени-то открыл, да пивом-то свадьбу и залило.

47. ПРО ПОПА И ПРО КАЗАКА²

Жил-был поп, у попа был работник; а матушка имела знакомство с дьяконом. Казак стал говорить:

— Батюшка, у тебя гуляет матушка с дьяконом. —Он и не верит.— А вот,—говорит,—я тебе докажу на факти,—ты сам увидашь.

— Как же увидаю?

— Да так, очень просто: я тебя завяжу в солому — унесу в избу, ты лежи только—не шевелись.

Вот завязал его, кубач³ соломы занес в избу и под лавку:

— Солому-то, нарезку занести батюшка велел.

Ну, зашел, а тутотки уж и дьякон в гостях был: самоварчик согрет, закуска приготовлена и выпивка есь; и казака пригласили за кампанию...

¹ Шолнуша—перегородка, отделяющая часть избы с русской печью.

² Казак — наемный работник.

³ Кубач—охапка.

Они выпили, и казачок выпил тут изрядно, и песенки запевали. Казак условился:

— Я какую песню спою—дак вы спойте обои; я спою в первых, вы—за мной.

— Ладно,—говорят,—споем.

Вот и начал петь:

Слушай-ко, солома,
Что деется дома:
Дьякон-от на лавке,
Да попадьюшка на скамье,
Полуштофник на столе,
А безмен-от на стене—
Да походи-ко по спине.

Сначала казак спел, потом матушка спела, и до дьякона очередь дошла. Как дьякон кончил—солома зашевелилась, поп-то вылез и безмен со стены взял,—давай охаживать дьякона, ну, и проводил гостя.

48. ЛАПОТЕК

Жила старушка в ветхой избушке, на улице ребятишки играли—окольную сломали. Вот она вышла—на их забранилась, вот пошла—лапотек нашла, подняла этот лапотек, и с этим лапоточком вперед опять пошла—до избушки дошла; стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке.

— Повернись, избушка, к лесу глазами—ко мне воротами, чтобы лезя зайти и вытти.

Зашла в избушку—живут хозяин с хозяйкой; спросила:

— Хозяин-хозяюшка, куда мне лапотек положить?

— Положи лапотек к лапотькам,—хозяин ответит.

— Нет,—говорит,—мой лапотек не живет с лапотьками—живет с гусьтками.

— Ну, положи к гусьткам.

Наутро старушка встала, святой водой умылась—богу помолилась:

— Хозяин-хозяюшка, отдавайте мне гусьтка.

— Што ты, бабка, ты ведь ложила лапотька.

— Нет, у меня был гусьтко.

Ну, што, поссорились со старухой, и пришлось отдать гуся; гуся взяла и пошла с гусем вперед, дошла до избушки. Стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке.

— Повернись, избушка, к лесу глазами—ко мне воротами, чтобы лезя зайти и вытти.

Избушка повернулась, она и зашла. Опять хозяин с хозяйкой живут.

Она и спрашивают:

— Хозяин-хозяюшка, куда мне гусьтка посадить?

— Посади гусьтка к гусьткам.

— Нет, мой гусьтко не живет с гусьтками—живет с курушками.

— Дак посади к курушкам.

Вот она к курушкам посадила.

Опять наутро выстала, святой водой умылась — богу помолилась:

— Хозяин-хозяюшка, дайте мне курушку.

— Што ты, бабка, у тебя гусятко был.

— Нет, — говорит, — у меня курушка была.

Ну, погрешили-погрешили, и старухе пришлось отдать курушку. Вот она с курушкой пошла вперед, опять так же — до избушки дошла. Стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке.

— Повернись, избушка, к лесу глазами — ко мне воротами, штобы лъзя зайти и вытти.

Вот она зашла — опять хозяин с хозяйкой.

— Хозяин с хозяюшкой, куда мне курушка посадить?

— Посади курушка к курушкам.

— Нет, моя курушка не живет с курушками, — живет с барашками. (Уж надоть выше забираться.)

Наутро опять выстала, святой водой умылась — богу помолилась:

— Хозяин с хозяюшкой, дайте мне барашка.

— Што ты, бабка, у тебя курушка была...

Заспорили — барана взяла и опять с бараном вперед, опять так же дошла до избушки.

Стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке.

— Повернись, избушка, к лесу глазами — ко мне воротами, штобы лъзя зайти и вытти.

Зашла — опять хозяин с хозяйкой.

— Хозяин с хозяюшкой, куда мне барашка поставить?

— Поставь барашка к баранам.

— Не живет с баранами, — живет с бычками.

— Ну, так поставь к бычкам, — говорят по простоте...

Наутро выстала:

— Отдавайте мне бычка. (От лаптя, видишь, куда поднялась.)

— Што ты, бабка, у тебя баран был.

— Нет, у меня бычок был...

Заспорила опять — пришлось быка отдать.

Ну, вот старуха думат: „Теперича я стара — итти устала, запрягу быка и поеду“. Сани выпросила у попа, оглобли — у дьяка, дугу взяла у просвирни, хомут — тот украла; вот запрягла и поехала.

Ехала-подъехала, попадат заяц встрету:

— Бабушка-задворенка, пусти-ко подъехать.

Она говорит:

— Садись на копыл, ¹ — волокись позади, — и рассказыват зайцу:

Сани поповы,
Оглобли дьяковы,
Дуга просвирни, —

Бежит не смирно,
Хомут не свой, —
Погоняй — не стой.

Заяц сел — едет дальше, вот попадат лиса встрету и говорит:

— Бабушка-задворенка, пусти-ко подъехать.

¹ Колышки между полозьями.

Опять так же подчуёт:

— Садись на копыл—волокись позади.—Опять начинают:

Сани поповы,
Оглобли дяковы,
Дуга пресвирии,—

Бежит не смирно,
Хомут не свой,—
Погоняй—не стой.

И лиса уселася, троима едут.

Ехали-подъехали, попадают волк встрече... (так же все тут опять), и волк сел.

Едут вот уж вчетвером,—попал медведь встрече... опять так же, одно и то же...

Ехали-подъехали, завертка сорвалась.¹ Вот бабка посылает зайца:

— Поди-ко, принеси вичку² на завертку.—Заяц принес тонкую вичку.—Ой, ты,—говорит,—глупый,—ехать любишь, завертки вырубить не толкуёшь! Лисица, ступай за заверткой—тащи вичку.

Вот лисица тоже вичку притащила тонкую,—старуха опять так же:

— Ехать так любишь, а завертки вырубить не толкуешь! Ступай, волк, ты.

Волк—тот лесину принес, тоже не годится... Потом медведя отправляет:

— Ступай, медведь, ты.—Тот с корнем вырвал толстую деревину—притащил, припер... Вот старуха заругалась во-всю...

— Храните быка-то, так я сама пойду.—Пошла.

Ушла, медведь начал:

— Ребята, давайте, завернем быка: шкуру сдерем, соломой набьем—бабке оставим, а мясо съедим.

Они так и сделали, все тут за компанию старались: соломой набили быка, осторожили—поставили, мясо съели и сами убежали в разные стороны (успели, пока старуха ходила). Пришла с вичкой—все убежали. „Завертку сделаю—лучше поеду одна“. Завертку сделала—села в сани:

Ну, бычок,—говорит,—рободановичок,
В подгорку бежи,
Хомут, трещи,
Дуга, вережки.

Да хлопнула—понюжать стала, да он и пал. Вот она и загоревала, што бычок—мертвый. Потом увидала, што соломой набит, соломой выдернула, да кожу на бато³ навесила, да и в деревню.

Вот сказка вся.

49. ПРО РЕПКУ

Жил старик со старухой. Они посеяли на баньку репку. Репка росла-подросла, с копеечку выросла, потом и с две выросла копеечки, и с три копеечки выросла репка... росла да росла—с пятак выросла... росла-росла-росла-росла, вот уж выросла большая-пребольшая. Старичок слазил—посмотрел:

¹ Ею привязаны оглобли.

² Прут.

³ Палка.

— Ну,—говорит,—старуха, у нас и репина выросла большущая какая, надоть рвать лезти.

— Дак вот мне не вылезть будет,—я не замогу.

— А вот,—говорит,—старуха, ты садись в мешок, а я мешок в зубы да тебя и подниму.

Старуха—в мешок, старик — мешок в зубы, и полезли. Старухе в мешке тяжело сидеть, она и спрашивает его:

— Старик, скоро?—говорит. Молчит. Недолго думая, опять:— Старик, скоро ли?—молчит. Третий раз старуха:— Старик,—говорит,—скоро?

— За поток ¹ захватываюсь.

Только успел ответить—мешок вырвался да старуха на землю бац!—убилась.

Старичок старушку в клеть стащил — заложил, ² и пошел плакальщицы наживать.

Шел-подошел, попал зайка встrelu:

— Куда,—говорит,—старик, пошел?

— Плакальщицы наживать, старушка умерла.

— Возьми-ко меня.

— Как ты плачешь?

— Тю-рю-рю-рю-рю! (Тонко.)

— Нет,—говорит,—плохо ты плачешь.

Пошел дальше, попадают волк встrelu:

— Куда, старик, пошел?

— Плакальщицы наживать, старушка померла.

— Возьми меня.

— Как ты плачешь?

— У-у-у-у-у! (Тут уж с протяжением.)

— Не возьму я тебя.

Пошел дальше старик,—медведь встrelu:

— Куда, старик, пошел?

— Плакальщицы наживать...

— Возьми меня.

— Как ты плачешь?

— У-у-у! (Посердитее.)

— Не возьму тебя.

Шел-подошел, лиса встrelu, и спрашивает:

— Куда, старик?—говорит.

— Господь понес, плакальщицы наживать, — старушка померла.

— А возьми меня.

— Как ты плачешь?

— У-ры поуры,
По старичковой старушке.
У старичка была старушка,
Больши просьни ³ пряла,

На криво мотовило мотала,
Красенцы ткала,
Старичка обувала-одевала,
Порточки, рубашки шила да мыла.

Пондравилась старику плакальщица: „Пойдем“,—говорит.

— А где у тебя старушка-то?—лиса спросила.

¹ Желоб (?).

² Дверь заложил.

³ Простень—количество льна на одно веретено.

— В клетю.
— Дак ты меня в клетю-то запусти да и клетю закрой покрепче.
Старик запер лису покрепче, сам начал гроб делать. Делат-моделат, придет к двери — спросит:
— Много ли, лисичка, оплакала?
— Ручку оплакала.
Погодя немного старик опять спрашивает:
— Много ли, лисичка, оплакала?
— Другу ручку оплакала.
Немного погодя опять приходит:
— Много ли, лисичка, оплакала?
— Ножку оплакала.
Опять спрашивают...
— Другу ножку оплакала.
Старик своей работой подзаялся долгонько... пришел — попроведал:
— Много ли, лисичка, оплакала?
— Головушку оплакала...
Потом ишо спросил:
— Много ли, лисичка, оплакала?
— Всю, — говорит, — оплакала.
Надо двери открывать таперичко. Старик клетю открыл, а лиса прыгнула да и в лес. Старик посмотрел — и старухи нет, и старушка съедена. Вот старик погоревал-погоревал да делать нечего, и стал жить один. Вот и сказка вся.

Марфа Степановна Дьячкова. Дер. Тамица

50. [ХИТРЫЙ МУЖИК]

Мужик в лесе ходил — на охоты, нашел ящык с деньгами, тамотко ящык и оставил: не смел домой принести — жонка разбалякат; жонка плетень, ничего терпеть не могла, што знает, — все в люди скажет.

Пришел домой, жонке и говорит:

— Напеки мне подорожников: пирогов, шанег да блинов.

Она напекла всего — все склал в сумку и пошел.

В лес зашел, и пироги-то повесил на деревинке, и опять вперед пошел. Шел-подошел да потом опять шаньги развесил по деревинкам — по елкам. Шел-подошел да блины развесил: на елку улепит да куда сунет... потом и домой пошел. Домой пришел — спать повалился; обночевал — на другой день жонку созвал: „Пойдем сегодня мы с тобой в лес“, и пошли с жонкой.

В лес-то зашли, увидели — пироги на деревинах висят:

— Муж, што тут пироги-то висят, это зачем?

А он говорит:

— Это пирожно облако летело, дак нальнуло пирогов, бог с неба нарыл.

Пироги обрали они — вперед пошли. Опять шли-шли, а шанег нальнуло на деревину:

— Да муж, гляди, шаньги-то, шаньги-то почему?

— Это,—говорит,—шанежно облако летело, дак шанег на-
льнуло, бог с неба нарыл.

Ну, опять шанешки-то обрали, опять вперед и пошли. Опять
шли да подошли—блины висят.

— Гляди-ко, муж, блины-то висят, блины-то висят, это почему?

— А это блинно облако летело — блинов нальнуло...

Блины обрали и дальше пошли. Шли-шли, ящык с деньгами:
вот этот ящык и домой понесли. Сам деньги убрал куда, а ей
сказал:

— Не болтай, никому не говори.

Далеко ей не болтать. Она в суседы пришла да хвастат:

— Мы,—говорит,—с мужем ходили в лес — нашли ящык
с деньгами...

Суседы тоже ведь стали говорить везде, и до начальсва
дело дошло; мужика и на допросы:

— Какой ты ящык с деньгами нашел?

— Никакого не нашел,—говорит.

— Как не нашел, жонка сказыват, што нашел.

— Слушайте у моей жонки, наскажет моя жонка журава
на сосны.

Ну, потом и жонку на допросы, обоих с мужем заодно.
Вот жонка пришла, жонку спрашивают:

— Ходили в лес, нашли ящык с деньгами?

— Нашли,—говорит.

А мужик:

— Ты што врешь, когда находили ящык?

— Да врешь — не врешь. Помнишь, шли, дак в то время
пирожно облако летело, пирогов-то нальнуло, помнишь?

— Слышите, миряна, она што плетет: „Пирожно облако ле-
тело...“

Она опять говорит:

— Помнишь, дале-то шли, шанежно облако летело, тогда-то...

— Вот слушайте у ей, она што плетет!

А тут все смеются, им смешно кажет...

— А ишо-то шли, блинно облако летело, блинов-то нальнуло,
дак вот тогда-то.

Все смеются, в глупы ей поставили,—плетет старуха-то
не так; мужики видят — жонка глупа, не толкует ничего, за
мужиком оставили все.

51. [СВЕКОР И СНОХИ]

У мужика был сын, задумал жениться. Надь ему кака
взять — батьку не надь та; все-таки дал батька-то волю ему,
женился на какой хотел — на той.

Поженились, да пожили мало ли — много: запоходили в шалгу¹
дров рубить старик-от с сыном. Старик запоходил — молодицы
и говорит:

¹ Шалга — лес.

— Молодушка, вымоешь пол — гузенком лавки высуши. Ну, вот, старик ушел — она пол вымыла, начала гузенком лавки сушить: сядет, де просохнет — сойдет с того места опять на друго. День-то без дела просидела — просушила лавки (не-вострая была башка).

Старик с сыном приходят из лесу:

— Што, молодушка, вымыла пол?

— Вымыла, — говорит.

— Лавки гузенком сушила?

— Сушила.

Жили-пожили, эта жоночка и померла, молодушка. Сын стал на другой жениться, на той, которой батька-то было надь, ту девушку и взял.

Ну, взял, жили-пожили, старик с сыном пошли опять в шалгу дров рубить. Пошли, старик и говорит:

— Молодушка, пол-то вымоешь, гузенком лавки высуши.

— Ладно, батюшка, высушу.

Они ушли, она пол вымыла, взяла прялку — к окошку на сыро место села с прялкой; у окошечка посидит — простень нарядет, на окошечко простень и наставит... опять к другому на сыро место пересядет, тоже опять простень нарядет — на окошечко и поставит... Дак колько окошек было, она на кажно по простеню нарядяла.

Потом старик с сыном и пришли из лесу:

— Што, молодушка, пол вымыла?

— Вымыла.

— Лавки гузенком сушила?

— Гузенком, батюшко.

Вот и показала простни-то; свекор похвалил:

— Ладно сделала, не без дела сидела молодица.

52. БЕДНЫЙ МУЖИК ДЕВОК ВЫБИРАЛ

Мужик холостой был, дома жил двоима с маткой. Ну, жили они бедно — худо.

Вот задумал жениться — пошел на вечеринку девок смотреть. Пришел да и ходит по избы — хвастат:

— Што-то мне сегодня отыгается на сыр да на яйца, на парено молоко да на говядинку.

Вечеринка прошла, днем пришел на девке свататься на одной. Девка сказала: „Понорови, погоди“; сама задумала сходить — по-проведать, как живет, жиры¹ посмотреть. На другой день обрядилась старушкой: одела костыч,² колпачошко наложила на голову, батожок в руки, и пошла.

Вот и пошла (не в той деревне-то); пришла, а матка одна:

— Пусти ко меня ночевать.

Она пустила и говорит:

— Покормить-то нечем, только кислый квас да редечка.

Вот на печку зашла да и спать. Ишо не уснула — мужик-то и пришел, говорит:

¹ Жиры — житья; жиры смотреть — местный обычай, теперь исчезнувший.

— Мама, поись бы чего-нибудь.

Она и говорит:

— Дак чего? Только кислый квас да редька.

Она принесла ему кислого кваса да редьки, — он наелся, повалился.

Свет стал, утро пришло, старушка выстала и домой пошла. Пришла домой, разделась, и опять девка стала хороша. Вечер пришел, обрядилась и на вечереньку пошла.

Сидят, а молодец-то и пришел, жених-то; да и ходит по избы — рассказывают, хвастант:

— Што-то мне отрыгается на сыр да на яйца, на парено молоко да на говядинку.

А она-то и говорит:

— Што-то мне отрыгается на кислый квас да на редечку.

Он и догадался, догадался и убежал со стыдов, как с пи-рогов. Сказка вся, боле врать нельзя.

53. ПУСТОДОМКА

В Карпове доме жила пустодомка. Девки пойдут на вечериньку — эту пустодомку и кличут:

— Крестова, пойдём на вечериньку!

Она кричит:

Скоро буду — не забуду,
Квашню мешу — не домешу,
Солю — не досолю,
Печку топлю — не дотоплю,
Житники похтаю — не допохтаю,
В печку сажу — не досажу,

Пеку — не допеку,
Вымаю — не довымаю.
Стол обираю — не дообираю,
Обдаю — не дообедаю.
Скоро буду, не забуду.

На ту вечериньку сходили, — она тут ишо не пришла. Девки на другой раз пошли, опять ей зовут:

— Крестова, пойдём на вечериньку!

Она опять:

— Скоро буду — не забуду.
Квашню мешу — не домешу,
Печку топлю — не дотоплю,
Житник похтаю — не допохтаю...

(Опять то же).

Потом опять девки третий раз пошли на вечериньку, пошли да опять и кричат:

— Крестовушка, пойдём на вечериньку!

А она:

— Скоро буду — не забуду... (опять то же самое) — с горячей отвечат, недовольничала... а девки все смеются.

Девки пришли, хозяйке и говорят:

— Мы пустодомку звали на вечериньку, пустодомка придет сегодня — посулилась.

А хозяйка:

— Зачем раздражали пустодомку, придет — всех переколотит.

Она видно хитра была — хозяйка: стол поставила — на стол положила скатертку портяну, на скатертку положила мякушку

хлеба — коврижку, на краюшку хлеба — солонку с солью. Потом девкам всем по горшку дала и ишо по клубку пряденого дала:

— В горшки положьте клубки, и на головы горшки наложите. Эта пустодомка придет — вас по головы хлеснет, горшок рассыплется, а вы падайте — будто убились.

Девки за прялки-то и сели; прядут девки, а горшки на головах. Пустодомка потом идет с большинской прялкой; зашла в избу — едва прялку затянула — толь мала прялка!

И стол заговорил:

— Меня топором рубили,
Меня и стружкой стругали,
Да меня и долотом долбили, —

я все терпел, а ты вот чего незлюбила девок?

Потом и скатерть заговорила:

— Да меня-то трепали,
Да меня-то чесали,
Да меня-то ткали,
Да меня-то иглой сшивали,
Да меня-то и на стол постлали, —

я все стерпела, а ты вот чего не стерпела, незлюбила девок?

Потом мякушка заговорила:

— Меня-то, — говорит, — колотили-молотили,
На мельницы мололи,
В квашню склали да растворили,
Да меня и в печке пекли.
Меня на стол положат,
Меня-то ись станут, —

я все стерплю, а ты девок не стерпела.

Потом и соль сговорила:

— Меня-то и на огне варили,
Мною рыбу солят,
Мной и волнухи солят,
Меня везде едят, —

я все терплю, а ты чего незлюбила девок?

Пустодомка с прялицей у дверей стояла, а тут пошла по девкам, девок колотить; да придет — каку девку хлеснет прялкой по головы-то, горшок с девкой на пол падут: горшок язлится, а клубок укатится, думат — у девки голова катится. Так всех переколотила до каждой девки, ну, и сама ушла; а девки все выстали живящи... Хохотали, смешно ведь; только убыток сделала — горшков набила, а боле што...

54. [НЕБЫЛИЦА]

Было три брата; одного звали Василием, другого — Ильей, третьего — Ефимом. Вот эти братья пошли на охоту; идут — расхвастались, жонами хвастаются. Один говорит: „У меня жона хорошая, пойду — всего накладет, и огнивца положит — никогда не забудет“ (тогда ведь спичек не было); также и другой хвастал: „Всегда всего накладет, и огнивца не забудет“; также и третий...

Ходили — день весь проходили, ночка пришла — в избушку почевать. Надь огонь доставать — печка тэпить; старший стал огнивце смотреть в сумке, искал-искал, а найти так и не мог... Потом и другой — тоже найти не может... Вот и третий, Ефим, — не может найти тоже, нету: „Еко, — говорят, — всегда клали, — уж забыли“. Ну, вот, не знают, как печка истопить, видят — чад маленько идет де-то в лесе, подумали — огонек, дак хто-нибудь есь уж. Вот старший брат и пошел за головешкой; идет, а у огоничка лежит старик — кругом овился в три ряда. Василий и говорит:

— Старик, дай огня.

— А скажи небылицу — даю огня.

Подумал-подумал, не знает ничего сказать, он головеночки ему не дал; пришел, братьям сказал, што: „Я огня найти не мог“.

Потом пошел Илья, Илья пришел — тот же самый старик сидит, кругом огня три раза овился; он и говорит:

— Старик, дай огня.

— Скажи небылицу — даю огня.

Он подумал-подумал, никакой небылицы не знает, старик ему головешки не дал, — он так и ушел; к братьям пришел: „Не мог найти огня“.

Вот и третий брат походит, Ефим. Пришел, — опять тот же старик, кругом огня три раза овился...

— Старик, дай огня

— Скажи небылицу, дак дам огня.

— А как я небылицу буду сказывать, дак тебе ни... и ни... и ни тпрукнуть ни нукнуть; а ежели ты... либо...¹, и тпрукнешь либо нукнешь, дак тогда я у тебя вырежу ремень во всю спину. — Старик и согласился.

Вот он стал ему небылицу сказывать.

— Вот, дедушко, мухи дороги, а за морем коровы дешевы. Я бывало мух-то наимал, наимал — полный мешок наклал, этот мешок через море перекинул; да ишо муху поймал большу, а на муху на большу сам сел — через море перевезла, перелетел я с ей. И вот, — говорит, — тамотко на кажну муху я выменял по коровы, а на большу-то муху быка выменял большого; и вот я этих коров стал через море перекидывать: кидал-кидал, всех и перекидал (интересная это сказка!), на большого быка сел, — меня бык через море перевез. Ну, вот этих я стал коров свежить, всех коров-то освежил — из кож стал лисницу шить (а старик ни... ни..., ни тпрукнет, ни нукнет), да эту лисницу я сошил до неба и по этой лисницы залез на небо. На небо зашел, а на небе ходят боги без сапогов, святы и богородица без башмаков. Из кожи-то, из лисницы, немножко отрезал — сошил всем богам по сапогам, святым и богородицы по башмакам, сам стал спускаться.

Спускался-спускался, мне лисницы и нехватило, нехватило лисницы и не знаю, как мне спуститься. А потом мужик веет, — мякины летят, дак я мякины хватаю — веревку выю. Я эту ве-

¹ Выпущены слова в виду неудобства воспроизведения их в печати.

ревку свил да стал по веревке спускаться на землю; спускался-спускался, да у меня веревка-то и сорвалась, я упал да в мох, только одна голова видна. А потом на моей-то головы утка гнездо свила и стала яйца класть, а гнездо узнала лисица. Утка посадит — она придет и съест яйцо. (Старик сидит и ни..., ни..., и ни тпрукнет, ни нукнет, ничего не говорит.) Потом я кое-как да руки-то и вытянул из мха; лисица пришла яйца-то ись, как я за лапу ей схватил — меня лисица-то и вытащила...

А старик стерпеть-то не мог да и скрычал: „Ну!“

— Вот ты,— говорит,— не мог удержаться.

Взял у его ремень и вырезал во всю спину... Да головеночку взял, и пошел с головеночкой, с огоничком...

Печку истопили да всего наварили, наелись-нахлебались.

И сказка вся.

55. [КРЕСТЬЯНИН И ЖУРАВЛЬ]

Поехал мужик по дрова, приехал к речонке. Кобыла передернул за хвостенко на другую сторону, к дровам-то приехал, а журав на сосны сидит; у его ружья нет,— он и поехал опять к речонке. Кобыла передернул за хвостенко на другую сторонку, сам в сани сел и поехал домой, за ружьем. Приехал домой:

— Подавай, жонка, ружье!

Жонка подала ему одну ложь. Он взял ложь и поехал с одной ложью. Приехал к речонке. Кобыла передернул за хвостенко на другую сторонку... А журав все на сосны сидит. Надь стрелять-то, взял ружье, а одна ложь — дула нету, за дулом поехал. Приехал к речонке. Кобыла передернул за хвостенко (то же опять)...

Приехал домой, старухе-жонке и говорит:

— Подавай мне дуло!

Жонка подала дуло, он и поехал. Опять приехал к речонке. Хватил кобыла за хвостенко... А журав все на сосны сидит. Взял дуло-то, опять рогов с порохом да с пулями нету, поехал обратно за рогами. Приехал к речонке. Кобыла передернул за хвостенко на другую сторонку...

Приехал, опять старухе говорит:

— Подавай рога!

Жонка подала рога — он обратно с рогами поехал... А журав все на сосны сидит. Он дуло положил в ложь, да ружье-то зарядил, а шомпора нету, поехал обратно за шомпором.

Приехал домой:

— Подавай, жонка, шомпур!

Жонка подала шомпур, — он обратно с шомпуром.

Приехал к речонке... к дровам-то подъехал, а журав все на сосны сидит. Он как шомпором там пыжи-то забил, да как хочет стрелять-то в журава, журав и улетел, и полетел: „Кыр-лы-лы!“ крякнул.

Проездил — кобылу заездил. Обратно поехал домой-то, до реки доехал, через реку-то хотел кобылу передернуть; за хвост-от дернул да с кобылы шкуру сдернул. Кобыла тут на берегу и осталась без шкуры, домой пришел без кобылы.

56. МИКИТА ВЫСОТА

Был-жил Микита Высота; бедный был, одежды на себе ничего не было. Ходил по молочельникам, у кого молоченье молотит, тот и платит. Одну гривну вымолотит да и ту проест на куски. У его был свой домишко маленький. Дома был — лисица к нему пришла и говорит:

— Микита Высота, я пойду к царю — попрошу мерки, деньги у тебя смерить.

Он ей не спускает:

— Кого, лисица, мерить у меня, одну гривну вымолочу — мерить нечего.

Ну, она все-таки:

— Нет, я схожу.

Пришла к царю и говорит:

— Дай полумеры, Микиты Высоты деньги смерить.

Подивился — дал, она и принесла.

Взяла эту гривну и в полумеру — в шелку и улепила, обратно и понесла к царю, а Микита и жалеет:

— Што ты у меня последню гривну-то!

— Ладно, Микита Высота, будет у тебя гривен.

Принесла полумеру царю:

— Спасибо, царь, добрый человек, — дал полумеры, Микиты деньги смерить.

Побежала назад, а царь кричит:

— Лисица, лисица, гривну-то в щели оставила!

Она:

— Ладно, у Микиты Высоты не столько есь ишо...

Пришла к Микиты Высоты:

— Стану тебя женить, к царю поеду свататься.

А он:

— Да што ты, лисица, даст ли царь за меня, за бедного.

— Даст, — говорит, — я высватаю.

Сбегала к царю:

— Я пришла за добрым делом — за сватовством, у меня жених есь — Микита Высота.

Деньги меряны, дак царь думат: „Богатый уж“; согласился.

Пришла:

— Микита Высота, я невесту тебе высватала у царя.

Ну, царь и начал невесту сгразлять: платья шить...

Микита Высота и говорит:

— Ты, лисица, высватала, а мне одеть нечего, не в чем и на свадьбу-то ехать.

Она и говорит:

— Ох, ты, Микита Высота, я схожу к царю под окошко — наберу лоскутков и тебе рубаху сошью.

Сходила, лоскуточки швеи накидали, — принесла, рубаху ему сошила из лоскуточков из разных; и потом сели в розну лодку — поехали двоима.

Маленько не доехали, она лодочку раскачала — стали тонуть, заплывали. Она и закрычала: „Свадьба тонет... свадьба тонет!..“ У царя народ и выбежали, лисицу-то переняли и жениха, да и завели в комнату к царю. Царь и говорит лисицы:

— Што же у его на плечах платья нету — в одной рубашке? Она и говорит:

— У нас все утонуло, што легко только — на себе осталось.

От царя ему принесли одежду хорошу, его обрядили во все платье: в брюки, в рубашка и в костюм, во все, што следует. Его обрядили, а ему порато хорошо кажет — не дярживал на веку, все поглядыват на себя; а царь лисицы:

— Што это он на себя все смотрит, — ему разве не ндравится?

А лисица говорит:

— У ты, царь, добрый человек, у нас он в эдаком платье молотить ходит, — ему все худо кажет.

То раздели платье — друго принесли, ишо лучше; ну, лучше принесли, — он ишо пуще на себя глядит... Опять царь и говорит:

— Што, лисица, ему верно худо платье кажет?

— Эдако-то платье держит — только с молоченья придет.

Третье платье принесли — уж само хорошо, а лисица-то его и тыкнула:

— Микита Высота, больше не смотри на платье.

Ну, переодел он, не смотрит больше — стоит, как надь.

Ну, потом стали свадьбу играть — пир пировать; свадьбу сыграли, — лисица и говорит:

— Вы пируйте это-то, а я пойду домой приготавливаться, — и потом побежала по дороге.

Бежала-бежала, пасут пастухи свиней стадо, она и говорит:

— Пастыри, пастыри, чьи вы есь пастыри?

А они отвечают:

— Мы есь пастыри от змея Горыни.

— Не говорите — от змея Горыни, а говорите — от Микиты Высоты. Не скажете —

Царь едет с громом,
Царица — с моляньей;
Царь хочет в плен взять,
Царица — пожегчи.

Ну, они:

— Ладно, будем говорить, што Микиты Высоты.

Бежала-бежала, опять пастухи — коров стадо большо пасут.

— Пастыри, пастыри, чьи вы есь пастыри?

— Мы есь пастыри от змея Горыни.

— Не говорите — от змея Горыни, говорите — от Микиты Высоты. Как не скажете —

Царь едет с громом,
Царица — с моляньей;
Царь хочет в плен взять,
Царица — пожегчи.

Опять бежала-бежала, — коней пасут стадо, опять таким же побытом крычит...

Бежала-бежала, до большого дома добежала, а в доме змея Горыня и живет. В дом зашла, а у ей всего уж сколько. И потом она этой змее и говорит:

— Царь едет с громом,
Царица — с моляньей;
Царь хочет в плен взять,
Царица — пожегчи...

Дак тебя, — говорит, — в плен возьмут.

А змея-то и испугалась — забегала... — Я-то куда?

Лисица и говорит:

— В овин ухоронись.

Ну, в овин ухоронилась. А лисица овин зажгла да и змею сожгла, да и кричит:

— Свадьба едет, свадьба едет, свадьба едет!

А свадьба в ту пору и едет.

Свадьба приехала — она и завела, и стали пир пировать.

Я на том пиру была — пиво пила, по усам текло — в рот не попало.

57. СПИРЬЮШКА

Сказка помазка,
Еловая бумажка,
Елов крестец,
Побежал в кустец,
Заломил в хвостец.
Спирьюшко-Спиридонушко,
Наварил пивца на три денежки.
Приехала сова из Нова-города.
„Што привезла?“
„Щуку-лопату,
Корову горбату,
Курицу хохлату,
Петуха-топтуна“.

Курица, не пой, —
еретница, не пой,
Пой, петушок
золотой гребешок,
Подавай голосок
на боярский двор.
Да бояра-то живут,
кафтанчики кроят,
Кафтанчики кроят —
не докраивают.
Они шапочки пушат —
не допушивают.
Там кашку едят —
не докушивают.

Василий Андреевич Калинин. Дер. Кянда

58. ЦАРЬ-ЧЕРНОКНИЖНИК

Ведь в прежнее время занимались чернокнижием.

В некотором царстве — в некотором государстве жил-был царь-чернокнижник, имел он при себе телохранителей: Матвея, Петра, младшего — Николая. В одно время он сказал им:

— Кто сумеет скрыться от моего царского взора — получит в замуж царевну, прекрасну мою дочь, и будет наследником моим — вторым лицом; если не скроется — голову показню.

Матвей сказал:

— Попробую, наверно скроюсь.

Вот он и пошел, прошел город, а по загороду бани. В последнюю баню зашел — запихался под каменку, под каменкой вырыл яму—в эту яму повалился и землей зарылся.

Ну, вот наутро царь и выстает. Выстал — умылся, полотенцем утерся, гребешком расчесался, в зеркальце посмотрелся, потом в черну книгу посмотрел и указал:

— Ну, верные мои слуги, пойдите и найдите телохранителя Матвея, он находится в последней бане за городом. Посмотрите под каменку,—у его выкопана яма, он в этой яме лежит—зарылся землей.—Слуги пошли, пришли в эту баню и нашли его под каменкой, взяли его и привели к царю. Царь грозный был—сразу голову показнил.

И вот на второй день царь опять сказал:

— Кто сумеет скрыться... (Тут опять так же.)

Петр сказал:

— Попробую, вероятно скроюсь.

За городом гумно, в последнем гумне — избушка. Заходит в избушку—под каменку, вырыл яму, повалился в эту яму, землей зарылся.

На второй раз царь таким же родом выстает поутру. Выстал—умылся, полотенцем утерся, гребешком расчесался, в зеркальце посмотрелся, в черну книгу посмотрел и говорит: „Ну, слуги мои верные, отыщите Петра. Пойдите — пройдите гумна, в последнем гумне избушка. Заходите в эту избушку — смотрите под каменку: под каменкой вырыта яма, в той яме он и находится.

По сказанному—как по писанному: слуги пошли—его тут и нашли. Привели, к царю представили. Царь показнил у его голову...

Потом вот Николай ему сказал:

— Вот попробую, может и скроюсь,—говорит.

Вот Николай пошел тоже, той же самой дорогой.

Прошел город весь, от города он отошел версты две,—ему попалась тропина лесная. И много он лесом по той тропины прошел, ну, наконец она привела его к вороньему гнезду (деревину с корнем вырвало, под этой древесиной у вороны гнездо свито). А у вороны дети большы—на полете, только бы летать. Он повалился к вороньему гнезду — дети вороньи закаркали: „Кар-кар-кар!..“ (они думали, што мать прилетела с пищей). Они закаркали—он червяков накопал и червяками их накормил.

Вот через полчаса времени летит ворона, они ей отговариваются:

— Вот, мамаша, это-то добрый человек, он накопал червяков и накормил досыта,—мы сыты.

Ворона сказала ему человеческим голосом:

— Если ты сумел накормить моих детей, — я сумею спасти тебя от царя-чернокнижника. Садись ко мне на крылья, я понесу тебя и скрою.

Вот он сел на крылья, она кверху и начала подниматься, высоконько она вылетела и говорит Николаю:

— Ну-ко, посмотри на землю, большая ли тебе земля кажется?

— Мне кажется земля с хлебальну чашку.

Ишо столь же высоты кверху вылетела и потом говорит:

— Посмотри, ну-ко, сейчас, Николай, близко ли тебе земля кажется?

— Сейчас земля мне кажется с хлебальну ложку.

Ишо таку же часть она кверху поднялась и говорит:

— Теперь посмотри...

— Сейчас,—говорит,— земля мне кажется с хлебную крошку.

Вот когда уж земля с хлебную крошку ему показалась—вот сейчас она с той высоты запустилась на землю—прямизну выбирала. Порядочно времени летели, што часть пролетит—то смотрит... прямо в сад к царю-чернокнижнику, превратила Николая в драгоценный камень и сама скрылась.

На третий день царь-чернокнижник выстал—умылся, полотенцем утерся, гребешком расчесался, в зеркальце посмотрелся, в черну книгу посмотрел и своим слугам верным говорит:

— Ну-ка, верные слуги, сходите—отыщите Николая; пройдите город, от города отойдите две версты,—пойдет тропина, и эта тропина доведет до вороньего гнезда.

Вот они и пошли, как по сказанному,—так по писанному; вот тропа их и довела до вороньего гнезда. Пришли они к вороньему гнезду, пришли, а Николая нет,—одно пустое гнездо.

Ну, и вот к царю приходят—докладывают: так и так... Тогда царь-чернокнижник и подумал: „Он тут был, а тут скрыл его кто-нибудь“.

Вот царевна-то пошла с мамушками—с нянечками по саду прогуливаться и нашла драгоценный камень, и принесла домой. Вечером пришел царь-чернокнижник, вот она и показывает ему:

— Сегодня я, папаша, ходила-гуляла, вот какой красивый камешок нашла в саду.

Царь-чернокнижник тут догадался: „Драгоценный камень—это Николай тут и есь“.

— Этот камешок, ну-ко, брось-ко легонько о пол, што из него получится—увидишь.

Вот она этот камешок о пол легонько бросила, и вдруг из этого камешка образовался такой прекрасный молодец—ни в сказке сказать, ни пером описать, такой необычной красоты.

Вот тогда царь сказал:

— Ну, Николай телохранитель, сумел скрыться от царского взора, я тебя не мог найти, можешь получить мою дочь себе в супруги, можешь жениться на ней.

Николай на это согласился. Вот начали делать свадьбу—устроили великолепный пир на весь мир. На этом пиру я был—мед и водку пил, по усам текло, а в рот ни капли не попало.

59. КУЗЬМА ФАРАФОНТЬЕВИЧ

В одном селе жил-был крестьянин с женой. Он помер—вдовицей осталась, сын остался небольшой—Кузьма.

Вот он стал расти-подрасти—скоро и вырос, семнадцати годов стал. Когда ему исполнилось семнадцать лет—он поехал в поле пахать: после Петрова дня—в самую оводовщину.¹

¹ То-есть когда много оводов.

Лошадь у его была худа — такая кляча; пахал он поле, до пахал кое-как, насело на лошадь мошки, комара, оводов! Он как притяпат одной ладонью о лошадь — за раз убил сорок оводов, комара и мошки — сметы нет: считал — не мог сосчитать. И сказал он себе: „Я сейчас сделался сильный богатырь: сорок богатырей с одного маху побиваю, а мелкой силы — сметы нет“.

Он приезжат домой вечером, своей матери и говорит:

— Вот, мамаша, я больше не буду у тебя дома жить; сходи в клеть — неси-ко старый костыч,¹ да старый окосок² ишо там на сарае в щель положен.

Мать принесла.

— Ну, вот, мамаша, пеки подорожники, завтра в утри оседлаю свою кобылицу и поеду, куда голова понесет.

Мать было его не спускала:

— Куды, дитятко такой малолетный, поедешь, оставишь меня не при чем. Ну, никак не могла унять: „Поеду“, — говорит.

Настало утро, вот и оседлал он свою кобылицу, сел на кобылицу — выехал на трактову дорогу и по трактовой дороге поехал. Ехал порядосьно времени и доехал, — лежит камень о дорогу, у этого камня три ростани расходятся, на камне надпись: „По прямой дороге-то в город ехать — богатому быть, вправо ехать — жениться, влево ехать — быть убитому“; он возьмет да эти письма на камне сотрет, напишет свою крупными буквами: „Проехал по этой дороге такой-то сильный богатырь Кузьма Фарафонтьевич, сорок богатырей с одного маху побивал, а мелкой силы — сметы нет“.

Вот с полчаса времени прошло, — Самсон богатырь едет, и на этом камне читат эту надпись; прочитал — прямо удивился: „Што тако за сильный богатырь, сколько ни сражался я — не встречал такого“. Пришпорил он своего коня и моментально догонил Кузьма Фарафонтьевича, догонил — надъехал прямо к нему, отдал ему честь:

— Здравствуй, сильный богатырь Кузьма Фарафонтьевич.

А тот дурака корчит:

— Здравствуй, Самсонко.

— Разве побратаемся? — Самсон богатырь говорит... Снимает крест и дзет крест ему: — пускай я буду младшим братом твоим.

Кузьма Фарафонтьевич сказал: „Можно“, дал соглашение.

Вместях и поехали; Кузьма Фарафонтьевич вперед, конечно, едет, а Самсон сзади, у того кляча еле-еле шевелится: пресного молока не прольешь.

Вот через час времени Илья Муромец едет по той же трактовой дороге, самый сильный русский богатырь был. Доезжает до этого камня и на камне читат, што: „Проехал по этой дороге сильный богатырь Кузьма Фарафонтьевич, сорок богатырей с одного маху побивал, а мелкой силы — сметы нет“.

Илья Муромец удивился тоже: „Сколько я ни сражался с богатырями — не встречал такого“. Пришпорил своего коня и

¹ Узкий сарафан без сборов, теперь носят самые старые старухи.

² Коса.

моментально догонил Кузьма Фарафонтьевича. Догонил — надъехал на его — отдал ему почтение:

— Здравствуй, Кузьма Фарафонтьевич, сильный богатырь. А тот дурака покорчил:

— Здравствуй, Ильюша.

Илья Муромец и говорит:

— Разве побратаемся, Кузьма Фарафонтьевич, с тобой?

— Отчего не так, побратаемся, ты будешь моим средним братом.

Илья Муромец крест золотой снял — ему отдал.

Вот втроем все и поехали по трактовой дороге; Кузьма Фарафонтьевич вперед едет на своей кляче, а они сзади тихонько ползут — делать нечего.

Вот таким манером долго ехали, но наконец доехали до одного царсьва, а на это царсьво три государсьва напали; оно все окружено войсками, война идет, царя в плен хотят взять. Приехали — царь кланяется:

— Пожалуйсто, помогите моему горю; на меня напало три государсьва, несметная сила войска, меня разорят — через три дня разобьют.

Братья и говорят:

— Просите нашего старшего брата Кузьма Фарафонтьевича, если он согласится, то и мы поможем.

Тогда царь обратился к Кузьме Фарафонтьевичу и стал просить его, Кузьма Фарафонтьевич согласился. Царь угостил, отвел им помещение, а они поставили палатки в начале чистого поля. Ну, вот поставили палатки, с вечера поспали — утром рано выстали, значит сейчас спрашивают у Кузьмы Фарафонтьевича старшего брата — кому ехать в чисто поле сразиться с неприятельской силой. Кузьма Фарафонтьевич говорит:

— Сегодня, — говорит, — Самсонка, ты поезжай.

Самсон из палатки вышел, свистнул свистком — егонный богатырский конь ему немедленно явился. Оседлал он его и поехал в чисто поле сразиться с неприятельской силой. Приехал и начал на своем коне разделывать направо и налево; проедет он — переулок неприятельской силы, как ковыль-трава, летит... повернется — целая площадь.

Таким родом он много побил и к вечеру горазно устал. Вот он к вечеру приезжает к палатке, коня в чисто поле отпустил, а сам не пил — не ел, спать лег — до того устал.

На второй день богатыри обоим выстаивают, опять и спрашивают у Кузьмы Фарафонтьевича:

— Сегодня кому ехать в чисто поле сразиться с неприятельской силой?

Кузьма Фарафонтьевич и говорит:

— Ты сегодня, Ильюша, поезжай.

Вот Илья Муромец свистнул свистком, откуда ни возмись его богатырский конь явился. Оседлал и поехал в чисто поле сразиться с неприятельской силой. Приехал и начал сражаться; как проедет — так переулок валится неприятельской силой, как снопы... повернет своего коня — площадь людей свалилась. И вот

таким родом он много побился, к вечеру горазно устал. Вечером приехал, коня отпустил в чисто поле, сам не пил—не ел, так и лег спать.

Значит войска-то много побили, больше половины потратили за два-то дня. На третий день утром обои богатыри встают, у Кузьмы Фарафонтьевича спрашивают:

— Сегодня кому ехать в чисто поле сразиться с неприятельской силой?

Кузьма Фарафонтьевич говорит:

— Сегодня я сам поеду.

Он вышел из палатки—свистнул, свистнул—кляча кобылица приползла, тихонько. Костыч он одел на себя, под руку взял старый окосок—взял и поехал. Еле-еле ползет кобылица.

У одного неприятельского царя был богатырь, сорок годов во своем царсье в тюрьмы сидел—свету не показывали, он как сорок лет сидел, волосы у его были длинные.

И вот этот богатырь приехал в чисто поле и стал ожидать богатырей—сразиться с има; двенадцать дубов было, к этим к двенадцати дубам его конь железными цепями прикреплен; сидит ожидает.

Кузьма Фарафонтьевич едет, подъехал к самому: видит—богатырь, эдакий тучный, думат: „Помру я“, и он повалился на кобылицу и наладил свою голову так, штобы тот богатырь отрубил его голову, повалился и смерти ожидает, а тот-то богатырь сам себе и подумал: „Русский богатырь с хитрости эдак делат, давай и я так же повалюсь“; повалился тоже на своего богатырского коня—растянул шею.

Вот он повалился на своего богатырского коня, растянул шею, волосьями запутался около шеи лошади: „Пускай отсекает голову и только всего, все равно смерть мне“. В то же время Кузьма Фарафонтьевич (он не храбрый был, а очень сильный) не зевал, немедленно выдернул окосок ржавый и начал пилить богатырскую голову окоском. Пилил-пилил он голову, много времени, вдруг богатырский конь испугается и толь сильно рванет—все двенадцать дубов с корнем высадил; и побежал по чистому полю и бегат, как бешеный..., и двенадцатью дубами все войско побил. Кузьма Фарафонтьевич прямо в радость пал, думат—на его fortuna выпала, повезло ему...

Поехал обратно, подъезжает к царскому дворцу—его встречают с музыкой, с барабанами. Сейчас царь приказал ему в гости, всего было нааношено: всяких водок, всякой закуски.

Вот пир-то собрали, его и богатырей егонных угостили хорошо, и вот царь сказал Кузьмы Фарафонтьевичу:

— Ну, што тебе надо, то и даю, награжу тебя; если жалеешь—единственная у меня есь дочь прекрасная, то и дочь за тебя выдам.

Кузьма Фарафонтьевич на это согласился—начали играть свадьбу. Вот Кузьма пригласил своих братьев—Самсона богатыря и Илью Муромца—попиrowали хорошо.

Каким-то родом я попал, мед и водку пил, по усам текло, а в рот не попало ни капли.

60. ЛЕШИЙ

В одном селе жил крестьянин; он имел хорошее хозяйство, хлеба у его родилось много. Вот он хлеб весь свозит на гумно и за раз молотит. Ну, насадил он первую насадку в овин, пришел молотить — вымолочено все;¹ вот другу насадку насадил, приходит утром — тоже все вымолочено; вот третью — тоже вымолочено; четвертый овин насадил — тоже нет ничего, все вымолочено: соломы — ничего, пылинки нет нигде — чисто... Думат: „Хто-то тако у меня молотит“.

Поразговаривал со своей со старухой, старуха и говорит: — Поди-ко—сходи к знахарке, она узнат, хто тако молотит.

Он сходил — она ему сказала:

— У тебя молотит хлеб леший, и я тебе помогу — скажу, как надо сделаться. Вот в двенадцатом часу ночи приходи ты в гумно, сядь к избушке — к дверям, возьми крестик. Леший все обелье² будет выносить из избушки на три охапки; когда он третью охапку понесет, то к избушке три снопа из охапки выронит, он наклонится за этима снопами, — ты во-время торопись положить крестик ему на шею, он будет твой раб.

Ну, вот старик так и сделал: в двенадцатом часу ночи приходит в гумно, садится к избушке и крестик держит. Сидит он, вдруг в двенадцать часов ночи поднялся великий шум, великий ветер... леший. Ну, и вот, когда пришел — моментально он начал таскать обелье, за раз по целой трети на охапку; первую охапку вынес, вторую охапку вынес, третью охапку понес — у дверей три снопа выронил, за этима снопами наклонился — наклонил голову, в то время ему старик наложил на шею крестик.

Леший замолился старику:

— Пожалуйсто, отпусти, никуды твое не делось, — все тебе отдам назад; сделай большие дровни, штобы за раз все схватить, и я помогу — утащу все к тебе домой. Вот у меня тут все складено — лесок за овином, в этот лес носил — в яму складывал.

Старик сделал большие дровни; сколько было намолочено, солому — все склади на эти дровни, леший запрягся — за раз все старику привез. Старик этот хлеб собрал в амбар, солому — в житницу.

Опять стал просить леший:

— Отпусти меня, пожалуйста, сойми крестик.

Старик говорит:

— Не сойму ишо сейчас, у меня дров нету, — пойдём-ко дрова рубить.

Вот они пошли в лес; леший толстящий дуб, в аршин толщины — в тридцать сажен длины, срубил на два маха, и вот этот дуб он навалил себе на плечо и понес, старик этот сел на конец дуба — он вместе с дровами и старика несёт. Принес этот дуб к дому, старик сошел — дуб он бросил, опять же и говорит:

¹ Молотят обычно с утра, насаживают — за несколько часов до молоченья.

² Солома.

— Старичок, сойми крестик, спусти меня на волю.

— Нет, не спущу; эти дрова разрежь мне, да наколи, да в костер сложи.

Ну, моментально он тут разрезал, да наколол, да в костер сложил: эдаких три костра накла тут! Опять же у его просит:

— Сойми крестик, спусти меня на волю.

— Нет,—говорит,—погости ишо у меня, поработай с недельку: на той неделе свадьба, племянница будет выходить замуж — со мной на свадьбу пойдем.

— Ну, и што, делать нечего.

Вот свадьбу начали делать — на смотренье¹ пришли старика звать, он и лешего тянет: „Пойдем со мной“. Вот и пошли; пришли — старика провели в большой угол, как большой родник, а леший ему сказал:

— Я это-то у дверей постою — посмотрю на свадебных людей, мне никакого угощения не надо (а никто его не видит).

Ну, а вот последни-то блюда когда носят, вот девка понесла кашу, а друга девка—красива—понесла молоко кисло в чашке, леший возьмет да эту девку подкрутит—она и падет... молоко пролила. Леший в это время далонями затыпал, засмеялся во все горло: забавно ему показалось, што девка пала...

Таким родом и узнали, што леший у их на свадьбы. Все свадебные люди остались недовольны на старика, што он привел такого гостя.

Кончилась пирушка — разошлись все, и старик ушел — гостя увел. Пришел домой, тогда леший опять начал проситься:

— Старец, сойми крестик, спусти меня на волю.

Тогда старик отпустил его, ну, и ушел леший в лес опять — больше к старику не приходил, а старик стал жить попрежнему.

(В прежно время верили, а теперь не верят ничему.)

61. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СОЛДАТ

Это бывальщица, это на самом деле было.

Один человек служил при Петре Великом пятнадцать лет (при службы был царским поваром, на царя готовил пищу). Выслужил срок своей службы, пришел домой — в село, собрал угощение, родных и суседей созвал на угощение. Подвыпили тут, другие порядосьно выпили, вот и говорят ему некоторые:

— А што, ты в глаза царя видал ли?

— Нет, — говорит, — я для самого царя готовил пищу, а в глаза не видал его.

Они стали с укором:

— Эх,—говорят,—за пятнадцать лет да ни разу не видал!

Он на это им ответил:

— Не видал, так нарочно пойду смотреть.

Утром рано встал и пошел, приходит в Петербург на другой-то день; пришел в девять часов — аккурат Петр Великий занимается учебой, учит солдат. Выстроил всех во фронт, коман-

¹ Часть свадебного обряда.

дует: „Направо... налево!..“ Ну, потом остановился, промежуток времени минут в пять с солдатами покурил.

Петр Великий простую одежду носил всегда, не имел никакой отлички — все одно, што простой солдат. Ну, вот он в это время подходит,—Петр Великий спросил:

— Што ты за человек, зачем ты пришел суды?

Он ему сказал:

— Я пришел царя посмотреть, служил пятнадцать лет при царе и в глаза не видал.

— Если не видал—смотри.—Он на его и посмотрел.—Ну, што, теперь убедился?

— Да, убедился.

— Вечером приходи ко мне.

Ну, Петр Великий призвал на квартиру, сразу и сказал:

— Вот я тебе загану загадки; перва: широка ли земля?

Он ему сказал:

— Солнце кругом земли обходит в двадцать четыре часа, должно быть земля не очень узка.

Ну, вот он втору загадку заганул:

— А высоко ли небо от земли?

Солдат, не долго времени думая, ему:

— На небе стукнет—суды на землю слышно, так должно быть не порато высоко небо от земли.

Он третью загадку ему заганул:

— А глубока ли земля?

Мужичок, не много думая, опять:

— Был у меня дед девяноста лет, в землю ушел — сейчас его нет, дак уж верно не мелка земля.

Ну, а Петр Великий ишо спросил его:

— Когда ты служил в Петрограде—каку службу правил?

— Я был на кухне поваром.

Петр Великий на это ему:

— Умеешь теребить рябчиков?

— Ишо бы,—говорит,—как ни уметь.

Ну, Петр Великий вынимат ему пятьдесят рублей:

— Поди в город — недельку времени погулай, через неделю приходи ко мне.—На неделю отправил его.

Вот он призвал к себе три генерала, заганул он три загадки им, те же самы,—они не могли ему ответить. Вот и говорят:

— Петр Великий, дай нам строку — по книгам справится, посмотреть в книгах, тогда, может быть, вам и ответим мы.

Вот неделя времени прошла, через неделю пришел Иван, он взял да его в тюрьму посадил. Вечером посадил—утром он посадил рядом с им трех генералов. Вот они и стали спрашивать у его:

— Нам царь заганул три загадки, не знаешь ли, как разгадать?

Он им и сказал:

— Я знаю, сколько дадите мне за это? По тысячи рублей с каждого, — тогда вам объясню эти загадки.

Они и говорят:

— Мы не пожалеем тысячи рублей, даем каждый, — только объясни нам эти загадки.

Дали по тысячи рублей каждый, вот солдат и говорит:

— Первая загадка — „широка ли земля?“ Солнце кругом земли обходит в двадцать четыре часа, должно быть земля не узка. Вторая загадка — „высоко ли небо от земли?“ На небе стукнет — суды слышно, значит не гораздо высоко небо от земли. „Глубока ли земля?“ Был у меня дед — девяноста лет, в землю ушел — сейчас его нет, так уж верно не мелка.

Ну, и вот на другой день Петр Великий выпустил этого солдата, да и их выпустил, всех вдруг выпустил. Выпустил и спросил:

— Так ты был у меня на кухне поваром, говорил, што теребил рябчиков, отеребил ли ты рябчиков?

— Как же, ваше царсьво-величесьво, отеребил я рябчиков.

— По многу ли ты с их взял?

— Я по тысячи рублей с каждого взял.

— Молодец, хорошо умеешь теребить рябчиков.

Ну, и вот Петр Великий от себя ишо дал триста рублей:

— Поди, — говорит, — теперь домой. — Иван пошел.

После этого Петр Великий генералов призвал к себе и спросил у их:

— Ну, што, господа генералы, справились по книге, знаете теперь таки загадки, которые вам загадывал?

— Знаем, — говорят.

— Ну, знаете, так поясните, што за загадки.

От ему они начали говорить, это само все и сказали — чему солдат научил.

— Ну, ребята, ладно.

И отпустил их, и больше ничего не сказал.

62. ПРО БОГАТОГО И БЕДНОГО

Вот жили-были в селе два брата, богатый и бедный. Как он бедный, пробиваться-то некак ему, к богатому брату в казаки поступил. Ну, а богатый жил, как богатый — пара лошадей, на пары пахали поля.

Бедный-от поехал пахать на пары лошадей, а у его пословица была: „Ну, бох с вами, мои конички, давай — поскорее похаживайте!“ Пашет он — богатый брат пришел посмотреть. Ну, вот пришел — это не пондравилось, што он называет егоиных коней своими коничками.

А у бедного брата была кляча — кобыленка своя худа, он рассердился на бедняка и, ничего не говоря, взял топор, пошел и убил его лошадь; ну, и бедняка прогонил от себя — отказал от работы. Бедный брат пришел, видит — лошадь у его убита, он взял содрал шкуру — мясо вышвырнул:

— Эх, — говорит, — сороки да вороны, налетайте суды — вам пищи много!

Взял эту он шкуру, пришел домой — на печи высушил, скрывает — как музыка играт. Вот хозяйке и говорит своей:

— Хозяйка, пеки мне подорожники, я завтра утром рано выстану и пойду с кожей,—где ли могу ей продать.

Вот хозяйка напекла подорожники, он утром рано выстал, шкуру—в кису и отправился в путь-дорогу.

Шел близко ли—далеко, прошел он город, а от этого города версты три жил помещик—дом большущий. Вот и приходит он вечером, уж не рано; поколотился—кухарка пришла:

— Кто там такое колотится?

— Да вот такой-то прохожий идет, нельзя ли,—говорит,— мне переночевать будет?

И от она сходила—спросила у хозяйки; хозяйка говорит:

— Поди отопри, можно.

Ну, вот запустила кухарка, хозяйка и думат—куды его спать повалить: да вот на вышку.

Вот на вышку он туда пошел спать значит, ну, и што-то не спится ему, долго так не спит. А на вышке-то аккурат была щель против стола хозяйской комнаты; в одиннадцать часов там заколотилось, кухарка сходила—отперла, а дружок к барины. И вот тут самовар согрет, тут всего уж было приготовлено: разных водок, закусок, всего было наварено-нажарено—свинятины, поросятины и всякого мяса.

Дружок пришел и начали угощаться, по стакану выпили—по другому, ну, уж весёлы стали... а потом вдруг опять у ворот заколотилось. Хозяйка кухарке говорит: „Хозяин приехал“; дружок и говорит: „Мне-то куды?“ Ну, моментально его выпустили задним ходом, бутылки с разныма винами-водками в шкаф, разного жареного на семи блюдах в печь спрятали, а он все это видел там.

Кухарка сходила—отперла хозяину. Ну, хозяин коня убрал как следует быть, сам зашел—кухарке сказал, штобы самовар она грела. Кухарка сейчас, моментально, поставила самовар; скоро он согрелся—самовар понесла на стол, ну, и хозяйка тоже кое-што принесла закусить.

Хозяин стакан налил, спросил у кухарки—што из наследников нет ли кого.

— Есь какой-то мужичок, на вышку мы его отправили спать.

— Быват, не спит—ись хочет?

Она сходила на вышку—созвала. Он пошел с вышки, лошадинну шкуру взял с собой. Вот он сел за стол с хозяином чай пить, а эту шкуру себе в подноги и положил. Стакан чаю выпил, другой-то стакан налил хозяин ему, а он возьмет—ногой нажмет под столом шкуру-то. Што раз нажмешь, то шкура и скрипанет; так десять раз под ряд нажал эту шкуру—она десять раз под ряд и проговорила, потом ишо семь раз нажал и опять семь раз тоже скрипанула.

Хозяин ему говорит:

— У тебя што тако там?

— У меня шкурка-самознайка, знает, што у тебя в доме есь. Вот десять раз скрипанула—отоприте шкаф и в шкапике десять бутылок разных вин. Семь раз скрипанула—посмотрите в печку, в печке там семь блюд разного жаренья.

Ну, вот хозяин отложил шкапик, и действительно там десять бутылок разных вин, печку открыл и посмотрел — там на семи блюдах разного жаренья. Все это жаркое и вино он приказал кухарке на стол тут сносить. Ну, мужичок с хозяином поели тут как следует быть и вина не одну бутылку выпили. Тогда хозяин говорит мужику:

— А што у тебя за шкурка-самознайка, покажи-ка мне ее.

Сейчас из-под стола он достал эту шкуру и показал хозяину. Хозяин говорит:

— Продай эту шкуру.

— Отчего не продать, с удовольствием.

— Много ли она стоит?

— Эта шкура стоит четверик серебра.

Он, ничего не говоря, отмерил ему четверик серебра.

Ну, мужичок полну сумку набил деньгами, распрощился с хозяином и пошел домой.

Пришел домой — ночь переночевал, поутру выстал рано. Вот старшего парня и посылает к брату:

— Ну-ко, Ваня, сходи к дяде — попроси четверика.

Ну, тот моментально сходил:

— Дай, — говорит, — дядюшка, четверика.

— А куды с четвериком, разве батька взял худого житьишка?

— Не знаю, — говорит.

Ну, он дал четверика. Бедный-от брат взял да в этот четверик по щелью везде серебра навтыкал:

— На, — говорит, — Ваня, к дяде неси четверик.

Парень принес четверик — богач смотрит: „Четверик наверно закоптел порато, копотно житьишко меряно“. Сглянул он — там блестит серебро-то. Он говорит сам себе: „Откуда он денег набрал столько?“

Сейчас прибежал к ему, таким ласковым языком:

— Братан, де ты естолько денег-то добыл? — говорит.

— Ой, братан, ты у меня кобылу-то убил, я свез на базар — мясо продал, четверик серебра за мясо выручил.

Он, ничего не говоря, сейчас побежал домой. Пара у его лошадей хороша: как сиги, гладки, хороши... Взял топор — обухом по лбу обоих зашолнул. Ну, вот взял тут у суседа лошадь — запряг, завалил их в сани и повез на базар. Приехал на базар — стал накликать покупателей: „Не надо ли лошадиного мяса!“ Полиция набежала, его захватили — сейчас в тюрьму засадили, а это егонно мясо отвезли в лес — закопали в яму (лошадь суседову полиция отобрала).

Через месяц его выпустили

Ну, пошел из города, пришел домой с великим гневом: „Свалю в мешок и потоплю“.

Он в субботу пришел — уж всю ночь не спал, в таком гневел.. Мешок заготовил. Поутру-то в воскресенье его и увидал рано. Как увидел — сразу в мешок запихал и понес топить. О речку была церковь, — утренняя шла; и вот мешок-то он оставил, сам зашел в церковь, думает: „Грех будет — человека топлю; за его помолюсь, свечку поставлю — бог простит“.

Ну, вот минут десять пробыл он в церкви, а akurat в то время пастух коров гонит—гайкат. Пастух спросил:

— Кто такое в мешке там?

Бедный брат пастуху ответил:

— Святой,—говорит,—меня несет в царство небесное.

Пастух говорит:

— Я горазно грешный человек, непростительны грехи у меня, я жалаю в царство небесное.

— Ладишь в царство небесное—ментально лезь в мешок; святой выйдет из церкви и понесет.

Пастух развязал мешок—тот из мешка вышел. Пастух в мешок зашел, тот мешок завязал и сам скрылся—ушел скорее. После того каких-нибудь минуты три прошли—богач из церкви выходит. Сейчас с яростью мешок хватил и попер. Пришел на мостик, и с мостика середка реки мешок и бухнул,—только пузырьки завывали кверху, на дно пошел. Богач и говорит сам себе: „Все-даки изжил, больше обманывать не будет меня уж“.

Через три дня он бедняка и увидал: у двора ходит. Тут прибежал толь ласковый, вроде как с радостью:

— Братан, я тебя утопил—ты вроде живой!

— Ой, ты, братан,—говорит,—ты не потопил меня, ты в царство небесное меня снес, я ведь три дня там был. Коль хорошо в царстве небесном, не так, как здесь: ангелы-то там окружают, архангелы, райские песни поют—всяко утешают. Чего, если жалаешь—я снесу.

— Жалаю.

— Дак садись в мешок.

Богач, значит, сел в мешок, он мешок завязал и попер. Дошел до этой речки—пришел на середка мосту. С мосту бросил его в реку—только пузырьки кверху. Богатый брат пошел ко дну. Ну, а бедный брат пришел домой—стал жить да поживать да добра наживать.

63. ПРО ПОПА ЖУКОВА

В одном селе был поп Жуков, он занимался ворожбой. К священнику приходят люди—ему все рассказывают, воры воровали—ему все рассказывали: „А вот тут-то и тут вещи“, Жуков платил деньги.

Ну, и слава уж про его распространилась далеко, дошла до царя. У царя потерялась золотая и серебряная посуда, и царь срочно послал ему телеграмму: „Немедленно Жукову явиться к царю“.

Ну, вот Жуков затылок почесал: „Как там буду я ворожить?“ и поехал к царю. Приехал к царю, кухарка доложила: „Такой-то явился“. Царь ему сказал:

— У меня посуда золотая и серебряная пропала, можешь ты отыскать мне?

Жуков сам себе подумал: „Ну, наудалю, што будет—дак все равно: вынесет, дак вынесет, а пронесет, дак пронесет“. Сказал:

— Берусь, вот дайте мне отдельную комнату, в три дня может быть найду тебе посуду.

Царь ему отвел отдельну комнату, он в эту комнату часов с восьми пошел, и не спит—все думат и думат. В двенадцать часов петух запел, он и говорит сам про себя. „Вот один есь“; а слуги украли, они тут следили за ним—как он будет ворожить, и ходили кругом той комнаты—слушали. В двенадцать часов слуга один-то и подошел к окошку, услышал и другим сказал: „Вот ведь узнал он меня“, между собой переговариваются... Вот к Жукову и пришел:

— Батюшка, не докладывай царю, а де посуда—я тебе покажу.

В два часа значит другой раз петух пропел, а он: „Вот второй есь“. Вот и второй слуга то же само говорит ему:

— Не докладывай царю, пожалуйста, мы найдем тебе посуду.

И вот в четыре часа третий раз петух запел: „Третий есь“,—сам себе он... Вот и третий пришел:

— Пожалуйста, отец Жуков, не докладывайте царю, посуда вся цела. Речка есь, через речку мост; на этой стороны моста яма выкопана, в эту яму положена посуда—землей зарыта. Вы поедете и тут найдете посуду.

Поп доволен остался от ихних слов. Вот наутро вышел из комнаты, доложил кухарке там, штобы к царю... Вот к царю пришел:

— Ну, што, отец Жуков, узнал, где-ко посуда находится у меня?

Жуков на это ему ответил:

— У моста яма, в эту яму положена посуда—землей зарыта. Дай лошадь, мы поедем и привезем эту посуду.

Ну, царь дал два работника этому Жукову. Приехали они к этому мостику—посмотрели там под мост, и действительно там яма—зарыта землей. Землю отрыли, и в этой ямы посуда спрятана. Посуду взяли—сложили на телегу, увезли к царю. Отдали царю эту посуду.

Ну, вот, когда он отыскал посуду, царь ему за это пятьдесят рублей дал. Жуков поблагодарил царя и стал домой отпрашиваться, а царь его не спускает:

— Ты хороший, прозорливый старец, поживи ишо; вот через неделю времени я соберу разных гостей и тебя тут же приглашу.

Жуков опять затылок зачесал, думат: „На беду нарвусь, што-нибудь сделается—пропасть мне“. Ну, уж волей-неволей пришлось остаться, не своя воля—не выскочишь.

Вот неделя прошла времени—царь собрал пир, пригласил разных гостей; ну, и отца Жукова пригласил на пир. Ну, стал гостей угощать: по стакану подал водки, по другому. Гостям стало весело. Тогда царь сказал:

— Забавляйтесь, гости, как желательно: кто песнями, может, кто рассказывать будет што-нибудь.

Ну, и вот они песни запели, которы зарассказывали кое-што, царю это все не пондравилось.

— А нет, ребята, мне што-то не весело,—царь сказал.—Вот как у меня в компании есь отец Жуков, прозорливый старец, вот я што в руки принесу, дак он пусть узнат,—гостям сказал.

Сходил он в шкапик, из шкапика взял жучка такого маленького, взял в кулак зажал, так в кулаке и несет:

— Вот,— говорит,— отец Жуков, прозорливый старец, узнат, што у меня в кулаке находится.

Жуков в испуге сказал:

— Попалися жуки в царские руки.

Царь кулак-то рознял, а действительно жук в кулаке-то. Ну, и вот, когда пир кончился, гости все разошлись, отец Жуков стал у царя проситься:

— Пожалусто, отпустите меня домой, в село свое.

Ну, царь его отпустил — тристо рублей ему дал:

— Што уж, я держать не буду, раз не хочешь больше жить.

Вот Жуков приехал в село и опять так же стал жить, но только больше уж с ворами знаться не стал.

Иван Федорович Чичеров. Дер. Кянда

64. СКРИПАЧ МИРОН

На Украине, во время Деникина, жил-был скрипач по имени Мирон; все время ходил по городам, по селам, по станциям — играл на скрипке и этим кормился.

Вот приходит в большой город и играет; подходит к ему один из офицеров и приглашат его к себе.

У того — вечер, и приглашено много народу — полная зала: тут и гармонисты, тут и балалайщики, тут и музыканты были разных видов. Офицер распорядился, чтобы поочередно играли на музыке. Очередь дошла до Мирона играть на скрипке; Мирон так заиграл, што даже старые старухи, которые там были собраны, жоны там офицеров разных — те заплясали.

На пиру был один генерал, ему музыка очень понравилась — пригласил Мирона к себе на службу денщиком; Мирон согласился — поступил. Но Мирон недолго прожил у генерала, он задумал идти в Красную армию: перейти границу и уйти к красным. Мирон перешел границу (можно было тогдашние моменты, фронт не везде был); пришел в один из городов Украины, заходит в штаб полка, изъявляет желание быть в Красной армии. Кряду его не приняли, потому што не было никаких документов, только одна была скрипка: его для испытания взяли на добровольца. Прогоняли на занятия месяц — обучили военному делу и затем направили на фронт. Мирон направился на фронт вместе с другими красноармейцами.

Не доезжая двадцати километров до фронта, Мирон услышал стрельбу и испугался, так как он прежде такой стрельбы не слышал. Приезжат на фронт, их ставят на первы позиции; Мирон пробыл неделю — обтерпелся, к стрельбы привык — как дома жил, обучился стрелять из пулемета.

В одно время белые стали наступать, красные отступили; Мирон остался до последнего — стрелять из пулемета. Мирона взяли в плен, увезли к белым — там начались допросы и пытки. Мирона допросили, он рассказал всю правду: где был и как долго был, и как бежал от белых. Белы не поверили и начали

Мирона испытывать: привели его к колесу, а у колеса было гвоздье, и начали колесо вращать (вроде как Георгия Победоносца в старинных книгах-то религиозных), вращали минут десять — из тела потекла кровь... Мирон сделался без сознания — его с колеса сняли и увезли в тюрьму. В сознание не могли привести его долго, привели маленько в сознание — все время бредил. Через три дня он помер. Сколотили гроб, выкопали яму и повезли хоронить.

Доезжают до могилы — в гробе зашевелилось, из гроба Мирон встает цел и невредим; стража, которая везла, испугалась и пала без сознания. Мирон вышел из гроба и побежал в сторону красных; прибежал в тот же самый полк — его приняли с радостью, дали одежду и отправили на фронт пулеметчиком.

Мирон, придя на первые позиции, из пулемета стрелял за двоих. Белые огня красных испугались и побежали; Мирон бросил пулемет, взял винтовку-наган у мертвых, и побежал вслед за белыми; догонил отряд человек в восемь, стрелял из винтовки — одновременно из нагана, убил всех — побежал дальше...

Приходит в одно из сел, узнает от крестьян, где находится начальство этого отряда белых, они сказали; подошел сзади к хаты и поджег. Ну, начальство в то время было пьяно и спало, — все и сгорело.

Мирон дождался отряда красных, красные забрали остальных белых в плен и пошли дальше в поход. Белые в панике все драли и драли от красных и наконец были побеждены...

Когда Мирона выпустили совсем со службы, он ушел в родной город и там заделался опять скрипачом.

65. СМЕРТЬ

Дело было тоже во время Деникина. Нашлись из красных такие храбрецы, которые пробрались в тыл Деникина; придя в тыл, — они стали вести агитационно-массовую работу среди населения и солдат.

В один из осенних дней, красные — в количестве двух человек — пришли в село и начали агитировать, чтобы крестьяне восстали против Деникина.

В этом селе половина была больна тифом, и слух разнесся по всему селу — каждую ночь, около полуночи, приходит человек, неся на плече косу. Из местных жителей нашлось двое, пошли подкараулить этого человека. Один сел за угол, другой — за столб (на столбе была вывешена доска) аккуратно на ростани, где проходил человек.

Вот время наступает близ полуночи — поднялся шум... Один был более храбрый, стал смотреть и видит — идет человек, неся на плечах косу.

Храбрец спросил:

— Зачем ты ходишь, и што тебе нужно?

А человек с косою отвечает:

— Я смерть и хочу всех до одного человека из вашего села погрести.

Смерть прошла мимо, храбрец с товарищем пошли вслед за смертью, но пробило двенадцать часов—смерть скрылась.

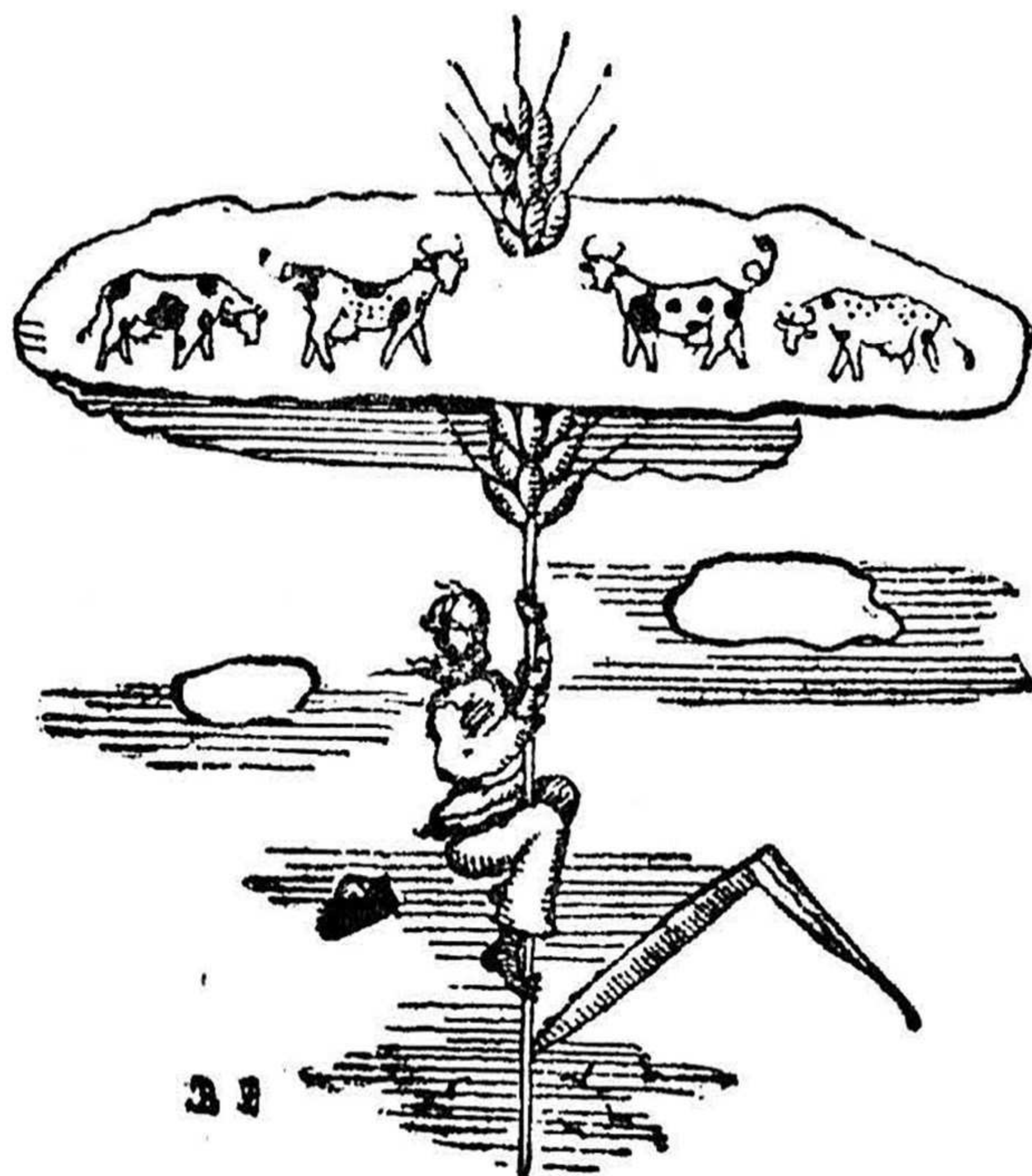
На друго утро рассказали всему населению, што с има было. Все начали сговариваться, как быть дальше, што делать, штобы поймать смерть, решили так: всем до одного мущинам выйти до одиннадцати часов ночи на улицу, взять с собой иконы и святой воды для кропления. Так и сделали; вышли все на улицу—раскидались: кто несет иконы, кто кропит святой водой... а эти два товарища тут и сидят, раньше де сидели...

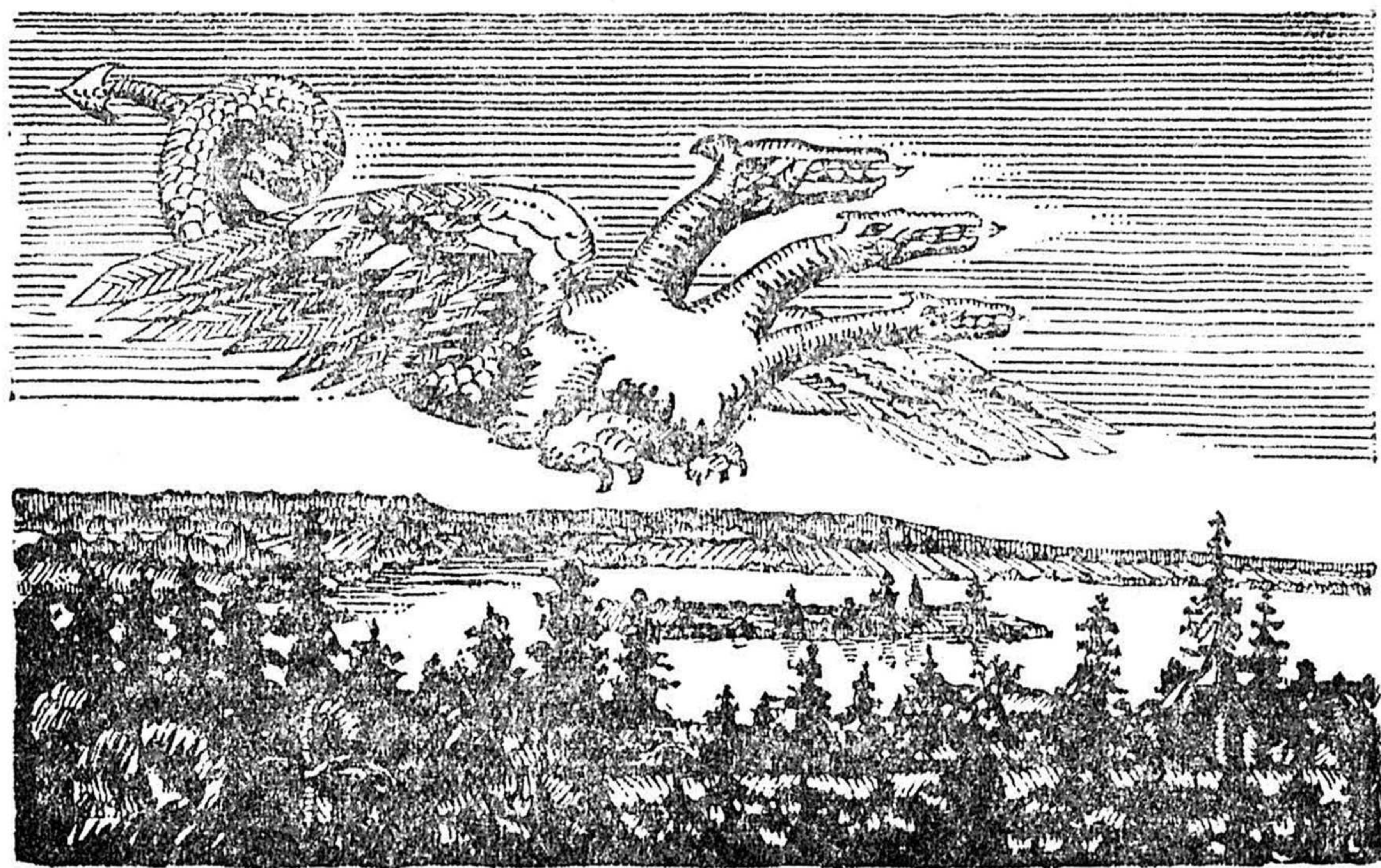
Двенадцатый час — вот смерть подходит, эти два храбреца хватают ей за горло и мучают, но замучить не могли, ибо пробило двенадцать часов — смерть скрылась.

Все ушли — проспали до утра. Наутро собираются опять — приходят агитаторы, заводят речь о восстании на Деникина. Мужички согласились. „Только, — говорят, — с таким условием, штобы уничтожить смерть“.

Агитаторы велели всех больных отправить в больницу лечиться и этим избавиться от смерти. Мужички запрягли лошадей и отправили всех больных.

Смерть, видя, што тут дело не выходит ничего, пошла на фронт, штобы там дело свое вести.





ПРИМОРСКИЙ РАЙОН

Андрей Иванович Бронников. Дер. Дурново

66. КОЛГА, ЖИЖГА И КОНЧАК.

Были три брата Колга—на Соловецких островах Жижга—на Жижгине, Кончак—здесь, по ему будто бы и наволоок назван. В одном котле варили—котел друг дружке через море перекидывали; одной ложкой ели—Колга Жижге передавал, Жижга—Кончаку; одним топором рубили дрова—топор через море перекидывали. У нас тогда, у поморов, знашь,—парусники были, значит его чудовище Колга подтягивал—обирал рыбу, часть брал на пропитание.

Будто бы прошел Миколай-святитель поваром на морском судне; Колга подтянул—судно подошло, он стал рыба брать—Миколай из кубрика вышел „Рыба тебе не следует брать, разве твоя тут доля есь?“ А он: „Ты кок—тебе дела нету“. Миколай его ключкой хлопнул по головы—и пар вышел..

Как Жижга пропал—не помню, а про Кончака: ежели кто женится—отбирал хозяйек, сам спал. Сожительствовавал с попадьей. Попадья стала выпрашивать: „Кака тебе,—говорит,—смерть будет?“ Он говорит: „Мне смерти такой не будет, а будет только смерть на парно тело...“ Она хозяйину то сказала, священнику, баню натопили—он пешню приготовил.

Кончак чуть не сутки парится... Священник с пешней стал перед байной, как он там напарился и вышел—его сейчас ударил

пешней; и он от Байна ручья до Могилицы бежал и тут подох, вот его и зарыли... Поэтому и ручей „Байным ручьем“ назван, и тоня названа „Могилицей“, а де жил — Кончаково.²

Отец-то и сказывал: приезжали начальство — хотели его тело посмотреть, а пришли народом и отставили: „Нечистый дух, — чтобы не воскрес“.

67. О СВЯТОМ НОСЕ

Сейчас говорят — Святой Нос будто ништо, а прежде — как ледоколов не было — очень трудно: туда унесло — едва живы были от качки, ишо червь ото дна проточит — суда и гинули. Того места проходить не могли, и была сделана перетаска через наволоок.

А теперь ходят колько годов уж.

68. ПРО ВИТАЛИЯ

В Соловках-то жил, они носили с мельницы муку, и с робятишками вот зашутил: „Я ети полмешка заброшу на крышу, сколько дадите?“ — и забросил. Ему дали полбулки, только робята² сами испугались — побежали к старшим сказывать. Его на коленки поставили — сказали: „Не надо так силу оказывать, надо смирно жить. Ты к нам как навечно пришел — будешь наш...“

Когда Англия в Соловки палила, отец мой был мальчишком. Россия не знала, как она прошла, воровски прошла разорять, она, ведьма, лукава.

Пароход пришел — сделали собрание монахи... Она просила от ризны ключей (там самое богасьво и есь) и быков. Настоятель соглашался отдать, а Виталий (уж монахом был): „Мой совет — ничего не дать“. Англия сказала: „Вашей обители не будет“.

Виталий говорит: „Сельдяны ворота ишо не закладены, завалить надь“. Взял пятнадцать мальчишек (отец мой тут-то и был) и пошел в кузницу за ломами. Пришел — людей нет, закрыта кузница. „Давай, ребята!“ Схватил за стопу — стопка вылетела, совсем с клином вырвал... в охапку захватил пятнадцать ломов, ребятам — каждому — дал по лому, и ети ворота завалили.

Вот етот Виталий богатырь принес на плечах бабу в сорок пудов, сван быют жалезны (едаку мы с тобой подыдем?), сказал: „Ну, окаянна, как бы только она на рукопашку, попало бы нам — попало бы ей, перебил бы!“ Он ни на кого не надеялся — на себя надеялся.

Она била-палила двое сутки и одной чайки убить не могла, озеро кипело от ядер!

Наши-то как трехдюймовкой шкиперу угодили в ребро — по-решилась прочь отойти.

¹ Названия существуют и теперь.

² В Соловецком монастыре жило временно — „по обещанию“ — много мальчиков-подростков из окрестных деревень; посылая туда детей, семьи освобождались от лишних едоков.

И пошла опять разорять, и дошла до Пушлахты; ¹ выехали на шлюпке—там старики из кременок колько-то выстрелов дали по етой шлюпке, а они всю деревню сожгли—пошли сюда, на Дураково.

Наша-то деревня все в ямы ухсранизала—все выношено было, скот в лес угонен.

Она подходит—вдруг буря нашла така, што все закрыло: с мокрицей—с дождем, темно. Она и высадки не делала ²—обратно.

Уж чуть видно там дымочек—хороша погода сделалась, а не вернулась.

В Лопшеньгу пришла, те согласились—телят дали, говорят. Ето уж не сказка—форменна была.

Александр Васильевич Павловский. Дер. Лопшеньга

69. ПРО ОХОТНИКА

Жил кресьянин, у его был сын один и дочь. Он умер, а сын был охотник—хороший охотник был; кругом своего селения на сто верст он застрелил всю дичь,—ему существовать стало нечем с сестрой, и он придумал пойти в лес на промысел. Собрался, забрал сестру с собой и трех собак, собакам название было: Хватай, Ломай, Держи.

Когда он добрался до того места, где находилась дичь,—он остановился: была избушка старенька така. В этой избушке обпочевал, наутро выстал, забрал своих собак и заотправлялся в лес на охоту.

Когда он ушел, сестра пошла за водой; был родничок—колодец, у колодца—крест. Заглядыват в колодец, там чертенок сидит—дивной красоты. Ей, конечно, он пондравился. Чертенок запросил обрать этот крест: „Тогда я выйду на землю“. Она так и сделала. Обрала, и вышел молодец из этого колодца; и вот начал упрашивать погубить этого брата:

— Как он опять пойдет на охоту—проси оставить Ломая, штобы оставил для веселья.

Она согласилась это дело сделать, он опять же в колодец, крестик—на старо место...

Пришел с охоты брат, дичи принес—можно сказать еле-еле сила забрала тащить. Она, конечно, ему тут кушанье подговорила,—они подшамали хорошо и спокойно, повалился на отдых.

Проспали ночь, он стал опять собираться на охоту, а она начала просить брата, штобы он оставил ей собаку Ломая. Он, конечно, оставил Ломая, а тех собак взял на охоту. И вот, когда скрылся из глаз брат (ей уж невтерпеж), она опять же к этому колодцу. Только подходит к колодцу—чертенок опять там сидит. Она крестик быстро обрала от колодца—выходит

¹ Название деревни.

² Подойти к указанным деревням можно только с моря, иного летнего пути нет.

опять к ей. Ломай увидала это чудовище — быстро побежала в лес к охотнику; побежала — ему ходу не дают, прямо рвет за кафтан. Ну, он подивился, собака можно сказать с ума спала, и подумал: „Што-нибудь неладно с сестрой“; и вот он бросил охоту и направился к избушке.

Когда вышли из леса — собаки и охотник увидали: это чудовище с сестрой разговариват; чертенок заметил — бултых в воду! А она поставила крестик на старо место и вперед брата бросилась в избушку... И вот тогда брат догадался — она с нечистой силой связалась.

— Ты хотела меня убить — не вышло, оставайся в избушке, пока с лавками вровень не накаплешь слез.

И вот сестру оставил в этой избушке и удалился, отдался с собаками, куда глаза глядят.

Бросил он эту саму охоту, и вот пришел он в один город, куда поместиться на квартиру — не знат. И вот, по конец города, видит стара избенка — дряхла: тут как раз жила одна старушка, он и попросился:

— Пусти, бабушка, меня обночевать, мне самому-то как-нибудь, нет ли помещенья для собак?

Она пустила:

— У меня, — говорит, — есь хлевок, была коровушка — отобрали к царю, и туда можно застать их.

Он радешенек; собак накормил-успокоил и сам повалился отдыхать. Не успел заснуть — слышит звон и спрашивают бабушку:

— Што у вас за звон сегодня?

Она ему и говорит:

— Это, дитятко, у царя повозят младшу дочь к трехглавому змею на съедение, повозят на хрустальный мост.

И вот он стал собираться, собрал свое ружье, — бабушка его не отпускает:

— Куда ты ночью пойдешь?

Он ей сказал:

— У вас на речке много уток, — настрелять. — С собаками и пошел.

И вот пошел о речку заходит на хрустальный мост. Заходит на мост — стоит буточка, заходит в эту буточку — в буточке сидит царевна: вся слезами облилась. Она просит его, чтобы уходил прочь:

— Сейчас прилетит трехглавый змей и пожрет нас обоих.

Он ей сказал:

— Красавица, я уморился — повалюсь отдохнуть, и ты меня буди без десяти минут двенадцать ночи. — Он повалился и заснул крепко.

Уж время стало без десяти минут двенадцать ночи, но его разбудить не может; а змей уж, слышит, летит-шурчит... И вот от досады заплакала, и слезы закапали ему на лицо, и он в то время проснулся.

А змей сел на хрустальный мост, — мост так до воды и пригнулся; и вот к будке подходит:

— Фу-фу-фу, я у царя просил одну дочь, а он мне послал двоих.

Но собаки змея до охотника не допустили, быстро начали его рвать; не успел опомниться, как был весь разорван в куски.

Тогда взял этот охотник — отрезал от трехглавого змея все языки из голов и положил под камень, а камень был пудов на пятьдесят. Царевна привязала шолкову ленточку к шее собаке Держи, и распростился охотник с этой царевной и пошел опять ко своей старушке; вернулся ко старушке — повалился отдохнуть.

А там приезжают царские слуги на хрустальный мост, чтобы привезти косье. Когда подъехали, — царевна оказалась жива, и вот они взяли горсть песку:

— Съешь горсть песку — тогда уверимся.

Согласилась съись. Стали спрашивать — кто змея убил, она сказала:

— Проезжал какой-то охотник.

И вот они стали просить, чтобы сказала — они убили змея: „Не скажешь — убьем тебя“, и она согласилась.

От они взяли царевну в карету и повезли к царю. Приводят ей к царю, царь возрадовался, што дочь жива и змей убит.

На другую ночь охотник этот проснулся и слышит опять звон, и вот спрашивают:

— Бабушка, это што у вас часто звоны?

— А это повозят у царя среднюю дочь шестиглавному змею на съедание.

И вот он, ничего не говоря, опять собирается на свое дело. Старуха спросила — опять сказал, што: „Я иду на охоту — на речку“. И вот он забрал опять своих собак и пошел опять на хрустальный мост.

Подходит к буточке, в буточке сидит царевна, вся слезами прямо залилась. И вот начала упрашивать, чтобы ушел этот самый охотник:

— Уйдите прочь, в двенадцать часов ночи прилетит шестиглавый змей и пожрет нас обоих.

И вот он таким же образом научат ей, чтобы она будила его без десяти двенадцать, а сам повалился и заснул.

И время без десяти двенадцать стало, она его разбудить не может; а змей уж шурчит-летит, слышно. У ей слезы закапали охотнику в лицо, и он тогда проснулся.

И вот прилетает шестиглавый змей, садится на мост, — мост так до воды и согнулся. Подходит значит к бутке и говорит:

— Фу-фу-фу, я у царя просил одну дочь, он мне двоих послал.

Собаки увидали этого змея — быстро начали его рвать, и быстро этого змея они разорвали в куски, праху не осталось.

Охотник опять этого змея языки отрезал и положил опять под камень под тот же, и вот заходит в бутку к царевны, царевна пала ему на грудь. Ему эта царевна понравилась, и он стал ей упрашивать, чтобы она стала его женой; она с радостью согласилась на это дело, отдала ему свое имянно кольцо и привязала шолкову ленточку собаке Хватаю. Он с ей распростился и пошел спокойно ко своей старушке на отдых. Уморился, приходит к старушке — повалился опять отдыхать.

Слуги опять от царя посланы, штобы привезли косье. Слуги приехали, а она жива, и дали ей горсть песку опять — бедной, и стали спрашивать—кто убил змея.

Она им сказала:

— Какой-то охотник убил.

Слуги стали просить — сказать, што они победили этого змея: „Если не скажешь — убьем“.

И от они привезли царевну к царю, царь слуг уж я не знаю как и повысил за это дело.

Этот самый охотник поспал спокойненько до вечера, и опять слышит звон, и от у бабушки и спрашивают:

— Што это у вас за звон опять?

Она ему и говорит:

— Повозят у царя старшу дочь двенадцатиглавному змею на съедание.

Он бутылку налил водой, поставил на стол и сказал:

— Бабушка, я сейчас пойду на охоту, ты не спи всю эту ночь; как только из бутылки вода заубывает — ты сразу же ей до-полняй, штобы была полна. — Бабушка, конечно дело, согласилась, и от — он пошел опять со своима собаками.

Опять таким же образом приходит на хрустальный мост, заходит он в эту самую буточку, в буточке сидит царевна, в такой досады, што прямо вся слезами залилась. Просит, чтобы он уходил прочь:

— В двенадцать часов ночи прилетит двенадцатиглавый змей и пожрет нас обонх.

Он повалился к ей на колени и велел будить без десяти минут двенадцать.

Он заснул крепко, так што она разбудить его не могла; когда заплакала, то слезами опять-таки его и разбудила.

Вот он тогда проснулся — змей уж сел на мост: вода так через мост и полилась. И вот тогда он скричал собакам Хватаю, Ломаю, Держи — „Рвите змея!“

Но собаки изнурились — змея зарвать не могут; он в то время тоже боролся с этим змеем, было хорошо ружье — не помогало. Змей поранил Ломая, охотник был весь в крови... силы совсем уж у него не стало, а у змея ишо сбито только три головы. И вот он стал умолять этого змея, штобы отпустил на реку обмыть кровь.

А как раз эта старушка заснула у стола — из бутылки вся вода вытекла. Он умывался у реки — она проснулась, видит, што бутылъ порозна. Она быстро налила эту бутылку полноу воды. Он в то время умылся и опять со старой силой взялся со змеем драться, собаки то же само дерутся без утыху.

И вот он, конечно, с помощью собак, убил этого змея, все языки вырезал — положил опять под тот же камень, зашел к царевны в бутку. Царевна и не знат, чем его наградить за это дело, ему ничего от ней и не требовалось. Она привязала собаке Ломаю ленточку шолкову к шее, он с ей распротился и подался опять к этой старушке, и вот у старушки опять повалился отдыхать.

Слуги приехали за косьем, но она жива. Дали ей горсть песку—опять съела таким же побытом; стали спрашивать—кто убил змея, она рассказала:

— Так и так, какой-то охотник с собаками убил этого змея.

И вот они стали ей упрашивать—штобы она сказала царю, яко бы они убили этого змея, иначе ей убьют. И вот забрали ей в карету и повезли к царю. Когда привезли живу—царь возрадовался.

Охотник пришел ко своей старушке—повалился отдыхать и опять слышит звон, и спрашивают:

— Што это опять за звон?

Бабушка ему сказала:

— То у царя отдают среднюю дочь замуж за одного из слуг за то, што убили трех змеев. Приглашают всех.

И вот он, конечно, тут подумал и стал собираться к царю; попросил закрыть накрепко в хлеве этих собак и пошел.

Когда он подходил к царскому дворцу, там уж торжество—свадьба. Он пробрался в то зало, де у их был пир,—царевна сидела за столом. В то же время собаки разворочали стайку и по следам быстро побежали к охотнику в царский дворец.

Собаки, когда нашли своего хозяина,—сразу же ему заскакали на шею. А царевна обносит гостей чарою,¹ подошла к охотнику—видит—собаки скачут, с ленточками; ему чару подает—признала свое кольцо на евонном пальце.

— Вот, папаша, мой-то суженый,—говорит,—а не те подлецы, которые заставили нас по горсти песку съись.

Слуги при пире—заскакали... И вот она тут сказала им:

— Мое имянно кольцо у его на руке.

Царь засумлевался:

— Как и почему охотник победил этих змеев?

Она своему отцу и рассказала все происшествие, и куда положены языки. Царь и охотник и все поехали.

Когда приехали на этот самый мост, царские слуги найти языков нигде не могут; охотник подходит к камню, отворотил этот камень—достал все языки, тогда царь и убедился:

— Этот ваш спаситель.

Слуг привязали к конским хвостам, разогнали лошадей, и только осталось, што одни тряпки; охотника этого забрали к себе в карету и повезли его.

Он поженился на средней дочери, и царь дал ему полное доверие в царстве.

Он со своей молодой женой жил недолго; вспомнил—рассказал, што:

— У меня есь сестра, оставлена в диком лесу; поеду и эту сестру привезу сюда.

Она его не спускала, но он упросил, согласилась отпустить одного. И вот оседлал коня и помчался в то место, де находилась его сестра.

¹ Невеста обносит чарой с вином (из местного свадебного обряда).

Подъезжает к этой избушке, открывает дверь — ему навстречу вода так и хлынула: ее слезы. Вся в слезах пала ему на шею и стала его просить:

— Возьми, милый брат, меня с собой.

Он, конечно дело, забрал сестру и быстро опять вернулся в свое царство к своей жоны.

И вот, когда он привез свою сестру в царство, — царь сделал пир на весь мир; и я на пиру был — пиво пил, по усам текло, а в рот не попадало.

70. ПОП ОДИЧАЛ

Вот жил-был поп. И он жил-то в деревне, а приход был три версты от его деревни.

Ну, а попы завидны; когда захоходил служить заутреню — жены приказал приготовить корзинку, она спросила:

— Куда с корзинкой?

Он ей ответил:

— Я промежду обедней и заутреней пойду в лес — наломаю грибов корзину. — Дала.

Пришел поп в село, а пономарь тамотко звонит заутреню; он отслужил эту заутреню и пошел в лес. И вот в лесе грибы ломал и заблудился; шалел уж не один день — блудил, не мог найти, как ему выйти домой.

И вот значит он изнурился — жрать тошно захотел; и вот, откуда ни возмись, стрету попадат ему странничек-прохожий, и вот спрашивают:

— Чего, батюшка, ходишь это-то?

— У, ты, дурак, не видишь, што я заблудился? Беди меня на дороге.

Странничек сказал ему:

— Ладно, батюшка, утро вечера мудренее. Вот сейчас, — говорит, — закусим — отдохнем, а утречком я тебя приведу на место.

И вот странничек вынимат из сумочки две просфорки — режет на две части: одну побольше, а другу поменьше; и вот он взял маленькую половинку себе, а большую дал: „Батюшка, вот тебе“. И вот поп видит, што у его ишо одна просфорка в сумочке; повалились отдыхать, странничек притворился, будто спит, а он в то время разрезал у его сумку и достал просфорку — съел. Утром встали и пошли. Странничек одел сумочку — идет позади, у его из сумочки и вытряхнулось там бельишко — сумочка разрезана была. И вот он спросил:

— Батюшко, што это у меня в сумочки-то легко стало?

Поп ему и ответил:

— Ишь, — говорит, — ядрена мать, на сук-от налетел, — из сумки все вывалилось.

И пошли взад: все, что у его было потеряно, — все нашли, а просфорки нет.

— Батюшко, где просфорка?

— А я почем знаю, кака просфорка.

Пришли к речке; странник речку перешел — можно сказать ноги не подмочил. Перешел на ту сторону, махнул платочком — река сделалась быстра и глубока. И от поп побрел через эту реку, и у него ноги не хватили, и он заплывал, просто захлебывается. Ну, странник сжалился над попом, махнул платочком — опять сделалась река мелка, и перешел к ему поп.

И вот приходят в город, в одно царство. В царство пришли, там были наколочены афишки: „Кто возьмется вылечить царевну, тому полцарства или же золота, колько хошь; кто возьмется вылечить да не вылечит — у того голова с плеч“. Странник прочитал и говорит:

— Батюшко, пойдем — вылечим.

Поп сказал страннику:

— А там видишь, што написано: „Кто возьмется вылечить, да не вылечит — у того голова с плеч“; не дорога твоя-то голова, а дорога моя. — Все-даки согласился с им идти.

Приходят к царскому дворцу, заводят их слуги к царю, и царь спрашивает:

— Чего вам нужно?

Вот странник тут ему и сказал:

— Я хочу вылечить вашу царевну.

Царь, конечно, этому обрадел. Странник приказал вытопить ванну, и приказал принести стул и топор — в ванну положить.

Когда это все приготовили, странник и поп вошли в помещение, странник потребовал царевну; когда принесли царевну — помещение замкнули. Этот странник посадил эту царевну на стул и треснул топором — разрубил ей пополам; а поп в то время бегат по помещению и рвет с головы волосья, думат — пропала евонна голова...

И потом странник разрубил ей на мелкие куски, сбросал эти все куски в ванну, размыл и sprыснул мертвой водой — эти куски все сошлись в одно место; а поп одно знат — волосы до-рывает последни, нечего стало рвать уж...

Потом взял — sprыснул живой водой странник эту царевну, и царевна сразу пришла в чувсво. Странник спрашивает:

— Ну, как сама себя чувствуешь?

— Я, — говорит, — не чувствую никакой болезни у себя.

Поп обрадел...

Царевна заколотилась — открыли помещение, и царевна выскакиват навстрету своему отцу...

Тогда царь призвал этого странника и попа к себе и спросил, чего им требуется. Странничек сказал:

— Мне ничего не надо, только милостыньку дадите, — я и за то буду благодарен.

А поп его толкает, ему и шепчет:

— Бери ты золото, бери ты.

Странник сказал:

— А мне, царь, золота дайте немного — сколько сойдется.

И вот царь открыл погреб с золотом; и вот странник спустился в погреб — горсточку взял и вылезат обратно, а поп в то время и пихнул странника опять в погреб:

— Бери ты, в карманы — сумку больше накладывай!

И вот странник накла, и поп забрался — и до того добрали, што больше класть некуда уж...

Царя поблагодарили за золото, распростились и пошли. И вот опять подходят к той же самой речке, и вот значит странник высыпал золото и приказал попу высыпать тоже, в одну кучу. И вот высыпали это золото, и стал странник делить на три кучки. Вот тут поп сам себе и думат: „Если возьмет странник две кучки себе, то зарежу“.

Вот когда разделил странник это золото — сказал:

— Вот, батюшко, бери ты кучку, и я возьму кучку, а та кучка пусть останется тому, кто просфорку съел.

И тут поп третью кучу в свою-то кучу и загребат:

— Я, — говорит, — просфорку съел; я, — говорит, — просфорку съел!

И вот тут так было: когда забрал золото, странник сразу же от него скрылся... И он очутился дома, этот поп, безо всякого золота, в рваном подряснике.

Федор Егорович Петров. Дер. Лопшеньга

71. ИВАН ЗАПЕЧИНА

Был кресьянин — имел три сына; два умных — один нехитрый, те двое женаты — он холостой.

В деревне жили. Была у них посеяна пшеница; эту пшеницу хто-то начал травить. Ну, от отец говорит:

— Надо, ребята, караулить вора. — Ну, вот старшего сына и посылат: — Иди, — говорит, — ты карауль сегодня.

Старший сын пришел на поле, забрался в зарод и так всю ночь и проспал. Отец спросил:

— Были воры?

— Никого не было.

Посылат второго на другу ночь. Пошел — то же само сделал. Отец и этого спросил:

— Были воры?

— Никого не было.

А пшеница, отец замечат, все хуже и хуже.

Ну, вот значит этого Иванушка посылат:

— Ну, — говорит, — Ваня, сегодня ты поди — твоя очередь.

Ну, вот Иван пришел на поле — не стал спать, в пшеницы спрятался — стал караулить.

Вдруг в полночь прилетат златогривый и златохвостый конь. Не столько ест — больше топчет пшеницу. Ну, Иванушка видит: „Вот, — думат, — воры-то каки“. Сделал аркан из веревки. Конь близко к нему набегает, и он крадется к коню, вот подкрался и набросил на шею аркан. Конь рванул, но Иванушка сказал:

— Не тут-то было!

Конь говорит:

— Ты меня спусти, я больше не буду в вашу пшеницу ходить.

— Нет,—говорит,— не спущу. А вот мало ли в каком случае помощь потребуется, дак мне послужи — тогда спущу.

Когь говорит:

— Я тебе в любо время услужу; как занадобится — выйдешь в поле, скрычи: „Сивка-бурка, вещий каурко, стань передо мной, как лист перед травой!“ Я тут и буду. Влезай мне в право ухо, а в лево вылезь, и сделаешься таким молодцом — прям куды.

Иван коня спустил — распростились, а сам пошел к отцу с докладом. Отец спрашивает:

— Ну, што, видел вора?

— Видел,—говорит:— какой-то конь прибегал — все равно как ветер... не столько ест, сколько топчет. Я его прогонил — больше не будет ходить.

Рассказал отцу, што как было, — сам на печку. И с той поры пшеница стала справляться, стала расти.

Ну, вот значит время прошло, может быть, с год. В их королевсьве король стал жениха дочери искать. Объявил:

— На тако-то число являйтесь все в город. Кто может доскочить до балкона, высоты шесть — может быть семь метров, и она заможет поцеловать и перстень одеть в то время, — будет ей жених.

Братья на конях уехали, а Иванушко взади засобирался.

— Невестки,—говорит,— дайте мне лукошечко, я пойду за грибами.

Вышел в поле, лукошечко поставил — крикнул своего коня:

— Сивко-бурко, вещий каурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь летит — земля дрожит, из носу пламя — из ушей огонь. И прибежал к Иванушку — стал:

— Влезай,—говорит,— мне в право ухо, а в лево вылезь.

Одежда притворилась хороша и сам сделался красивый. Ну, конь говорит:

— Садись — поезжай, куды тебе надь.

Ну, Иванушко сел и помчался; подъезжает — публики полно, — земля колыбалась, сколько было.. Царевна на балконе сидит во всем фрунте. Вот подъезжает на своем кони и дал прыжка: не мог достыгнуть на три венца¹

А публика — никто не решается скакать, и братья стоят — тоже глядят. Ну, и все обратно. Как поехали братья, Иванушко обоих по пути плеткой ошпарил и уехал...

Опять приехал на то место: в лево ухо влез, а в право вылез, и сделался таким же опять — чучелой.

Взял лукошечко, наломал мухоморов поганных и принес:

— Вот вам, невестки, грибки.

— У,—говорят,— шальной,— уж уведи леший!

Пришел, лукошко поставил, сам — только печь шорчала: поляживат на печки Семейство ужинают, братья рассказывают отцу, што:

— Вот так и так, какой-то был...

¹ Венец — один из рядов бревенчатой кладки в деревянной архитектуре.

А Иванушко с печки-то:

— А не я ли там был?

— Лежи, знай, на печке — пересыпайся золой, ты там был — тако рыло!

Ну, вот значит наутро опять братья поезжают (на второй день), ну, они срядились и уехали; Иванушко опять оболосся в лохмотьишко оборванно, лукошечко у невесток взял и пошел.

Опять вышел в поле, крыкнул своего бурка, — бурко прискакал. Иванушко опять в право ухо влез — в лево вылез, сделался таким красавцем; и сел на коня и опять помчался к балкону. Прыжка дал и не мог достыгнуть на два венца.

Ну, тут публика — крычат: „Держи, держи его!“ Да где, Иванушка след простыл. Как поехал — братьев не позабыл — опять плеткой огрел. Уехал в то же место, в лево ухо влез, а в право вылез, — сделался таким же чучелой, как и раньше был. Опять наломал мухоморов и принес, а братья уж дома. Лукошечко поставил — снохи заругались, он на печку полез — поляживат.

Приехали вечером — опять стали ужинать. Братья и рассказывают отцу:

— Сегодня приезжал такой — дак прямо любо, и немножко не достал до царевны... И тут крычала публика, што: „Держи, держи его!“ — а его уж и след простыл.

Иванушко и говорит:

— Не я ли там был?

— Лежи, шалей опять, не с твоим рылом.

А Иванушко и помалкиват.

Ну, опять ночь прошла, наутро в последний раз братья собираются ехать, собрались и поехали. Уехали — Иванушко опять оболосся, лукошечко взял у невесток и отправился. Пришел в поле, поставил лукошко, крикнул коня:

— Сивко-бурко, вещий каурко, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь летит — земля дрожит. Прибежал к Иванушку — остановился. Иванушко в право ухо влез — в лево вылез, сделался таким молодцом — прям куды! Ну, от — сел на коня и поехал.

Подъезжает, а публики уж тут!.. Подъехал, конь к балкону махнул — сразу достал. Пospела царевна поцеловать его и на палец кольцо сунула в тот момент и скрычала: „Держите, держите его!“ А где? Иванушка и след простыл.

Ну, значит домой опять, а братьев все равно не позабыл — по разку ударил в третий раз.

Опять приехал в поле, конь остановился — Иванушко слез с коня; в лево ухо влез, а в право вылез — сделался опять таким же Иванушка-чудачком.

И опять наломал этих самых грибов и отправился к дому. (В лесу там палец тряпками завязал — штобы перстень не светил). Снохи спросили:

— Што опять, шаляка, руку-то овертел?

— Што? — так: сучком напорол...

И на печку опять забрался; а братья уж дома — приехали. Опять ужинать стали и начали отцу рассказывать:

— Все один ездил-ездил, а сегодня и достал — до царевны доскочил.

Опять Иванушко:

— А не я ли там был?

— Э, шалей, не с твоим рылом там быть, такой и был молодец, как ты.

Ну, значит, теперича уж все прошло. Король наколачиват везде афишки, штобы весь народ приходил к королю на пир: хочет узнать, кто был этот молодец.

Ну, от публика скопилась — богатые и бедные, никому не было отказу. Братья тут на пиру, Иванушко тоже пришел — в каком платье дома был, в рваном; рука завязана тряпицами грязныма. У дверей и стал на последнем месте.

Ну, за столом сидят — королевна обносит чару с водкой. Всех обносит, не может признать, какой был. Тут и до Иванушка очередь доходит, она и не думат, што тако чадо было.

Значит ему чарка поднесена — надь брать. Ну, стал он с подноса брать — рука заверчена в таку тряпицу вроде портянки. Она приказала: „Отвязать тряпицу“; братья глядят — смеются.

Ну, вот тряпицу развязал — так и воссияло все зало от перстня. Царевна, конечно, тут свой именной перстень признала, подумала: „Больше все, этот человек“.

Публика смотрит, братья глаза-то и уставили... И значит слуги подцепили тут его; приодели, причесали, приумыли, как полагается. И тогда пир пошел. Я там был, вино и мед пил: по усу текло — в рот не попало.

Так Иванушко с королевной и стали жить.

72. ПОП, ДЬЯКОН И ДЬЯЧОК

Поп и дьякон и дьячок служили все в одном приходе, жили около одного места все. Близко от их был колодец, одна крестьянка — красива, молода женщина ходила за водой. Они все встретились, стало-быть надь им всем ходить к ей.

Значит священник говорит:

— Когда же, суседушка, придти к вам в гости?

— А,—говорит,—сегодня часов в восемь вечера: муж в лес уедет.

И потом дьякон то же само:

— Когда бы, суседушка, к вам в гости зайти?

Она говорит:

— Сегодня, часов в десять.

Потом дьячок то же спрашивает:

— Когда, суседушка, к вам в гости зайти?

— Вот сегодня,—говорит,—уедет муж в лес, часов в двенадцать зайти.

Ну, пришла домой и рассказала мужу все — сговорились. Ну, значит, мужик будто вечером запряг лошадь и поехал. В восемь часов является батюшко, поколотился,—вышла:

— Кто тако?

— А я, суседушка,—батюшко.

Ну, запустила. Стол собрала, самоварчик согрела — чайку, принесла молока. (А в молоко налила масла, дак уж прям гольное масло — молоко.) Ну, батюшке молочко очень ндравится, пьет да хвалит.

— У нас, батюшка, пестронежка гольным маслом доит.

— Продай, суседушка, эту нам корову!

— А што, можно, батюшка.

Вот тристо рублей он ей дал: „Наутро, — говорит, — приведешь“.

Ну, немножко там попиrowали, два часа не прошло — колотится дьякон.

— Это хто тако? — священник говорит.

— Наверно муж воротился из лесу.

— А куды теперь я?

— Вот, — говорит, — на палатах, — там есть короб с перьем большой, дак туда.

Ну, он туда и бухнул поскорее.

Вышла открывать, а там дьякон:

— Милости просим, идите — милости просим.

Ну, запустила. Поп слышит, што не муж, а дьякон: „Вот сукин сын, ишо этот пришел в гости“.

Самоварчик сейчас моментально согрела — на стол поставила, опять того же молочка принесла и угощаются.

Ну, значит, дьякону тоже ндравится это молочко, ну, дьякон и говорит:

— Ну, у вас, суседушка, и молочко, я такого отроду не хлябывал. (Гольно-то масло.)

— А у нас, — говорит, — отец дьякон, пестронушка гольным маслом доит.

— Вот што, суседушка, продайте мне ее.

— Ну, отчего — можно, хозяин приедет, дак можно продать.

Пониже чином — подешевле, двести рублей всего тут же отдал: „Завтра приведешь“.

Ну, тут немножко посидели, а меж тем дьячок идет там — забрякался. Ну, дьякон:

— Хто, хто тако?

— А наверно, — говорит, — муж воротился из лесу.

— Куды я теперь? — испугался.

— А вот, — говорит, — полезай на палати, там короб есь с перьями, дак туда залезь.

Ну, дьякон тоже бухнул в перья. Священник: „Я-то, — грит, — здесь“. Ну, дьякон: „Ты здесь, да и я здесь“.

Ну, значит сходила там:

— Хто тако?

— А я, псаломщик, суседушка.

— Милости просим.

Ну, заходит, а те слышат, поп с дьяконом, што идет и псаломщик, ну, стали между собой обсуживать: „Псаломщик нас узнат — нам не видать больше этого прихода“.

Ну, вот опять значит самоварчик согрела этому псаломщику, молочка принесла хорошего и стала опять угощать.

Ну, псаломщику тоже пондравилось это молочко и запросил:

— Не продадите ли, суседушка, коровку, продайте.

— Ну, давай,—говорит,—небогатого сословья—дак с тебя сто рублей.

Он деньги ей—сто рублей—отдал: „Ладно, в утри,—говорит,—приведешь“.

Ну, немножко посидел, а муж следил—недалечко был: на сарае, либо на повети; выкраулил и заколотился.

Ну, псаломщик:

— Кто тако это?

— А это наверно муж.

— Ну, куда я таперичи?

— А там,—говорит,—на палатях есь короб большой с перьем, дак в короб—в перья туда падай.

К попу и дьякону туда и бухнул.

Ну, и заходит значит муж.

— Што воротился рано?

— А вот ехал—сидела коппала, стрелил да не попал. Надо вычистить ружье и в цель пострелить.

Ну, тут моментально побрякал—будто бы и вычистил:

— Жонка, поди: на палатях там короб стоит, возьми уголь—начерти цель, а я стрелю.

А они там вот и заперебарщивались все: „Надь вылезать, делать нечего“.

Он пыж вместо дроби запихал да как ухнул, они все и выскочили, и вон; а крыльцо-то было с приступинами, да в потемках—они все хряснули друг на дружку. А мужик-от подбежал да и начал их всех колотить тут, и приговариват:

— Вот вам к суседке в гости ходить, дуракам таким.

Отколотил да спустил—по домам разбежались.

Мужик домой зашел:

— Ну, жонка, гостей отправил всех.

— Да я корову им продала.

— А сколько денег-то взяла?

— С батюшка—тристо, с дьякона—двести, а с дьячка—сто: шестьсот рублей всего.

— Ну, слава богу, денег нажили. Ну, вот в утри поведи корову.

— Я уж не поведу—веди сам.

Ну, он поутру стал, она подоила, и повел. Привел к священникову дому, поколотился:

— Кто тако?

— Батюшко, обери корову, как купил.

Батюшко убегат:

— Поведи, поведи к дьякону, мне не надь.

К дьякону привел—поколотился:

— Отец дьякон, обери корову, как купил.

— И, бог с тобой, суседушко, поведи к дьячку,—мне не надь.

Ну, привел к дьячку—поколотился:

— Кто тако?

— А вот я привел корову, псаломщик, обирай, как купил.

— Поведи-поведи, мне-ка не надь,—и тоже не взял.

Пришлось домой вести.

73. ГОРЫНЯ, УСЫНЯ И МАЙДАН

Бывало-живало — было три брата: Горыня, Усыня и Майдан Попович. Ну, вот они задумали идти дичи промыслять. Шли и дошли до избушки. Ну, и вот подошли, птичины настреляли на варю себе, Горыню первого оставили варить дичи — обед сподоблять.

Прикатается, как клубок, сам с нготь — борода с локоть и кричит у дверей:

— Отворь, отворь!

Горыня и открыл дверь. Зашел в избу:

— Што, Горыня, делаешь?

— Суп варю.

— Дай похлебать.

— Братьям надь — из лесу придут.

А он зашел в избу, суп выхлебал — братний обед выкатал, этого Горыню взял и начал мять. До того намял, еле-еле живой Горыня остался.

Братья приходят — птичины нанесли довольно опять всякой, и рябцей, чухарей.¹ Зашли в избушку:

— Ну, што, Горыня, обед готов?

Он молчит-сидит.

— Што ты, Горыня, едакой невеселый?

— Угорел, — говорит.

Не досыта поели — приотдохнули. Усыне брат Майдан Попович говорит:

— Ну, Усыня, останься утку варить, а мы пойдем на охоту.

Усыня остался варить. Варю начал варить, опять таким же манером прикатается сам с нготь — борода с локоть ко двери: „Отвори“. Тот взял и открыл ему.

— Што, — говорит, — Усыня, делаешь?

— Суп варю.

— Дай похлебать.

— У меня, — говорит, — братья голодны из лесу придут.

А он супу хлебать и начал, наволтужил, колько мог, — сам убежал.

Опять братья пришли из леса на ужну — шабашить; дичины несли шибко много, обвесились.

— Ну, што, Усыня, обед готов — ужна?

Молчит-сидит, а Майдан Попович:

— Што, Усыня, невеселый?

— Угорел.

Остаток супа-то выхлебали — подужинали, повалились спать, повалились спать — переночевали.

Майдан Попович встает:

— Вы, братья, подьте в лес, — я останусь, моя очередь обед сподоблять.

¹ Глухарь.

Майдан Попович остался, птицы потерябил — варю направил. Варил-варил, вдруг там и закрычало: „Отворь, отворь!“ Майдан Попович кричит:

— Господов нет нонче, не барин, — сам отворишь!

Сам с ноготь — борода с локоть прискочил, двери за скобу открыл, прикатился:

— Што, Майдан Попович, варишь?

— А што тебе за дело? Обед варю.

— Дай мне пообедать.

— Нет, не для тебя сподобляется, а для своих братьев и для себя, — говорит.

Он подскакиват, берет ложку и начинат суп у его хлебать; Майдан за бороду его захватил:

— Значит ты выхлебал у братьев суп? Ну, товарищ, нахально у нас не делают.

Взял гвоздь в руку и топорик, его к потолку — к матицы и приколотил — треплется... От и зачал молить:

— Отпусти меня, Майдан!

— Нет, не отпущу; скажи, откуда ходишь к нам?

— А вот отколь: из чиста поля, в чистом поле плита — из-под этой плиты.

Ну, он трепался-трепался, до смерти затрепался — сдох у его на гвоздю. Братья пришли из лесу, а Майдан:

— Вот, братья, вам угар веснет, видите? — говорит.

Вот они сели — пообедали, отдохнули.

— Ну, идемте со мной, — Майдан Попович говорит, — этого чиста поля искать.

Перво домой в деревню вышли — набили волов и быков и накроили ремней — нарезали, потом и пошли. Шли-шли и нашли, и в чистом поле нашли плиту. Майдан Попович братьям и говорит:

— Ну-ко, Горыня, эту плиту откинь.

Горыня попримерился, захватил одной рукой, да где, даже не тряхнулась... ну, обеима руками, — опять не тряхнулась.

— Ну-ко ты, Усыня, откинь плиту.

Ну, Усыня взял — не мог и тот пошевелить ничего.

— Ну, двоима возьмите — откиньте.

И двоима ничего не могли пошевелить братаны.

Потом этот Майдан Попович взял сам — одной рукой плиту захватил и свистнул, десять сажень улетела плита, и открылась дыра под плитой. Майдан ремни наладил и говорит братьям:

— Я сяду на ремни, и вы на этих ремнях меня спускайте; до тех пор спускайте, пока ремни не спростаются. У этих ремней стойте — держите, караульте ежеминутно: как дерну — тяните кверху, вытягайте.

Ну, значит он сел на ремни и спустился вниз, от дыры куды свет светит, — и пошел в ту сторону. Как на земли — и под землей: леса, поля, луга...

Пошел, и нашла грозова туча, и пошел шибко сильный дождь...

Пришел к сосны, наломал сучков, расклат огонь, сел. Потом гроза прошла, огоничек прекратил и вперед подался.

Шел-шел, стоит дворец, и этот дворец медный. Он в этот дворец заходит,—сидит Марфа царевна.

— Ох, откуда ты явился, молодец? Трехглавый змеишке прилетит и тебя пожрет.

Он отвечает:

— Подавится, может, Марфа царевна.

Вдруг шум зашумел, и Марфа царевна ему: „Ухоронись в платяной шкаф“, и он стал там за барахло.

Этот змеишке прилетел:

— Фу-фу-фу, русский дух пахнет.

Марфа царевна и говорит:

— Змеишке, сам по России налетался — русского духу нахватался, дак тебе все пахнет.

Он больше ничего: „Давай ись, Марфа царевна“.

Она его напоила-накормила, Майдан Попович и выходит из платяного шкапа:

— Здесь будем равняться силой, али в чистом поле?

Они и отправились в чисто поле, и налетели друг на дружку. Майдан Попович налетел на змеишке, махнул мечом — три головы все слетели за раз... И пошел к Марфы царевны:

— Ну, Марфа царевна, змеишке погублен.

Она и говорит:

— Иди по такому-то направлению, разойдешься в серебряный дворец, там моя сестра Анна царевна.

От Майдан Попович и отправился. Шел-шел и до серебряного царьсва дошел. Заходит—сидит Анна царевна:

— Кто тут идет?

— Майдан Попович.

— Майдан Попович, Майдан Попович, зачем ты пришел в наше царьсво, шестиглавый змеишке прилетит—тебя сожрет.

Он и говорит:

— Ничего, подавится сам. Одного побил, думаю — и твоего побью.

Потом опять туча-тучишша, лес ломится — змеишке шестиглавый летит. Ну, взяла его, за платяной шкаф запихала.

Залетает змеишке:

— Фу-фу-фу, русским духом пахнет, откуда это может быть русский дух?

Она и говорит:

— Змеишке, сам налетался на Руси — русского духу нахватался.

Ну, он опять умирился: „Анна царевна, давай ись“. Кокал-кокал: на ту щеку ковригу и на другую щеку ковригу, на третью, на четверту... слопал и наелся.

Потом опять Майдан Попович выходит из шкапа:

— Надо выйти в чисто поле, и на сколько прыжков разлетимся — который которого погубит, поравняемся силой.

И отправились в чисто поле, и разошлись сажень на полсотни, и полетели друг на дружку... От Майдан Попович налетел на него, махнул своей сашкой: на ту сторону змахнул — три головы слетело, на другую сторону змахнул — опять три слетело; шесь голов ссек и отправился к Анны царевны:

— Ну, Анна царевна, погубил я шестиглавого змеишша. Ну, ишо где твоя сестра Елена Прекрасная?

— Вот,—говорит,—недалеко ее царсьво золото стоит; и вот есь у моей сестры двенадцатиглавый змей, с им не состоять — не погубить тебе будет.

Вот и отправился опять от той; шел-шел, до золотого царсьва дошел. Заходит в золото царсьво—Елена Прекрасная сидит:

— Откуда ты, молодец, взялся, каки ветры тебя занесли — как мог сюда попасть?

— Пришел вас выручить.

— Куды ты напустился, прилетит двенадцатиглавый змеишше и тебя сразу поглотит — не дас сдохнуть.

— Ничего, Елена Прекрасная, подавится.

Елена Прекрасная сказала:

— Ну, вот што, Майдан Попович, поди—я тебя сведу в подвал, там есь два шана с водкой: одна слабительна, а друга укрепительна; с места на место перенеси — где слабительно, в то место поставь крепительно, а где крепительно — слабительно. Потом вот перенесешь — из этого шана из закрепительного попей водки.

Ну, вот он пришел в погреб — она ему указала эти шаны. Он тот шан в ту подпазуху, а другой — в другу, с места на место и перенес. Взял-припал к закрепительному шану—водки попил, как попил — силы очень много прибыло; ушли опять с ей в этот дворец.

Вдруг туча-тучишша, лес ломится — двенадцатиглавый змеишше тут и летит. „Ну, как, Майдан, куды тебя?“ Запихала за печку, туды установила, — зашел и стоит.

Летит двенадцатиглавый змей, залетел:

— Фу-фу-фу, русский дух пахнет.

А Елена Прекрасная:

— Ох, по России налетался — русского духу нахватался, здесь нет у меня никого.

— Ну, давай ись.

Начала ковриг таскать, двенадцать ковриг натаскала... А он на ту голову ковригу, на другу голову ковригу, на третью голову ковригу... так до двенадцати ковриг и съел-смякал. Наелся, повалился и заспал-захрапел; спал-поспал, несколько времени проспал — вскинул глазища, в то время Майдан Попович выходит из-за печки:

— Желаю выйти в чисто поле и в чистом поли кровь пролить, там, уж.

От потом они с им и отправились в чисто поле, и разошлись они на сто шагов друг от дружки, и налетели один на другого. Майдан Попович махнул с той стороны, три головы слетело — ишо девять осталось, на другу сторону махнул и опять три головы слетело — осталось ишо шесь, ише махнул — опять три головы слетело, — осталось три. Ну, змеишше его запросил и замолил:

— Не тронь меня больше, пойдём,—я угошшу перед смертью, тогда ты со мной, што угодно, и делай.

Майдан Попович согласился и пошли на угошшение.

Змеишше его ведет в подвал этот, приводит к шанам:

— Пей из этого шана водка.— Он думал—слабительно. Майдан потихоньку пьет, а чусьвует—сила очень матера; и змеишше припал к шану и втянулся, тянул-тянул-тянул, ослаб совсем...

Очусьвовал—голову поднял:—„Оман,—говорит,—оманили...“ Взял Майдан саблю и ссек ему тут же сразу три головы, и пошел к Елены Прекрасной:

— Побежден твой змеишше.

Устал — повалился отдохнуть, спал сутки в аккурат. Потом пробудился—встал:

— Ну, Елена прекрасная, собирайся,—со мной пойдем.

Сейчас Елена собралась, колечко золото с руки на руку перекинула: и все царсьво собралось ей в колечко, и пошли. Пошли — до серебряного царсьва дошли. Майдан Попович сказал:

— Анна царевна, собирайтесь с нами.

Взяла Анна царевна кольцо серебряно—перекинула с руки на руку, и серебряно царсьво собрала в одно место, и отправились опять дальше.

Приходят к Марфы царевны в медно царсьво:

— Ну, Марфа царевна, собирайся с нами в путь-дорогу.

Марфа царевна собралась, взяла яйцо—с руки на руку перекинула, в яйцо собралось медно царсьво — исчезло все. Вот они и пошли. Шли-шли, подошли к этой дыры и пришли, де ремни веснут. Майдан Попович эту Марфу царевну саму первую на ремни посадил и дернул, дернул—братья и потянули, и утянули наверх—на свет. Они, братья, там заперебарщивались: тому надь и другому надь. Она им и говорит:

— Вот спущайте ремни,—есь там краше меня и лучше меня.

Ну, они значит спустили ремни,—Майдан посадил Анну царевну на ремни, ей опять и выдернули: та ишо лучше—тому надь и другому надь, и запоспаривали. А царевна и говорит:

— Спускайте ремни — есь краше меня и лучше меня.

Опять-таки сложили, што надь, ремни спустить...

Выдернули—ишо та лучше; и вовся заспорили братаны, и раздумались: „Брат выйдет, Елену Прекрасную ни тому ни другому не даст“. Перерезали ремни.

Загорюнился брат — закручинился: куды идти? Боле некуды, и пошел в обратну сторону—откуль шел с царевнами.

И вот, огонь под которой сосной жгал,—под эту сосну сел и запечалился вовся,—приходит гибель человеку.

Вдруг с этой сосны слетает орел:

— Што, — говорит, — Майдан Попович, запечалился-закручинился едак? Я тебе помогу. Когда ты вперед шел — огонь жгал, моих детей спас: они на сосны в гнезде сидели — тепло шло. Надь через три моря лететь с тобой. Иди в лес — постреляй дичи, сколько мога нести.

От Майдан Попович и отправился по лесу по подземельному, и там, кто бы ни попал: хоть сорока—хот ворона, и кака бы ни была птичина,—стрелял всех под ряд. И столько настрелял—обвесился кругом, сколько силушки его было нести, и пришел опять к этой сосны. Пришел — к ему орел слетел:

— Ну, Майдан Попович, садитесь на меня. Как полечу, стану вылетать—голову стану на тебя выворачивать, по птичины и суй в рот.

Ну, сел, и полетели. Летел-летел, долго времени все летел через море и стал заворачивать голову, он ему птичину снял—сунул. Потом опять орел полетел, опять голову заколупел—опять птичину сунул. И третью птичину сунул... четверту птичину было сунул, а ишо моря все не перенес одного. Большо море.

Пяту птичину запросил—гяту сунул... шесту сунул и седьму птичину сунул... опять голову заломил—восьму птичину съел. Тут уж море перелетел все-даки одно.

Море перелетел—девяту птичину съел, на второ море направился. Много—мало места пролетит—опять птичина... вылетается: нес ведь человека-богатыря.

Вот уж и двенадцата пошла—стало с одной стороны тонко птицы, а второ море ишо. Тринадцату отдал,—орел опять стал море избывать, близко стало то море на проходе. Пятнадцату птичину сунул—море пролетел.

На пятнадцати птичинах два моря пролетел, а то море ишо больше приходит—последне.

Через третье море полетел и начал чаще и чаще голову заворачивать. Его птицы на себе стало совсем тонко, а моря лететь много.

Майдан Попович закручинился: птицы мало — орел завыходил из курсу совсем; думат: „Гибель мне на этом море будет“.

Ну, орел летит—голову заламливат... До того дело дошло—через десять, через пятнадцать минут начал заламывать, а кушанья не стало совсем... ну, а дале—разом все заламливат и заламливат, усталый стал—все боле и боле запроминало его.

Уж пять птичин осталось, а ишо все земли не видно, Орел заколупел — он на тот раз не дал ему ничего... осталось только четыре птичины—опять продлил время... три осталось—до земли, все ишо далеко.

Третью пропустил—орел на низ пошел, ниже и ниже стал спускаться. Две только птичины осталось—земля видно стала, высоко уж оплыла. Орел летел-летел, и последню птичину отдал—земля стала порато близко... Орел летел-летел, голову завернул—дать нечего. Майдан Попович и подумал: „Чем на воды пропасть — лучше взять икры вытянуть из ног“. Взял—ноги разрезал, вытянул; вытянул—ему сунул в рот одну, как ишо заломил голову—втору сунул. Ну, этот орел его на землю вывез:

— Майдан Попович, соходись.

— Царь-орел, батюшко, соходиться не хитро—сойти не могу: тебе икры скормил.

— Скатись катком, как сойти не можешь.

Майдан Попович скатился; орел харкнул — икры обои выскочили вдруг (они у его не исчезли ишо), ему икры приложил — сбрызнул, сразу срослись.

Майдан Попович прямо при берегу несколько дичин пострелил, орла накормил досыта; ну, и простился орел с Майданом Поповичем и отправился в свою путь-дорожку через те же моря

опять. А Майдан Попович пошел: вдоль берега речка выпала к морю—он по этой речке кверху и пошел. Идет по этой речке—опять егонны братья, и эти царевны все рядом. „Ну,—подумал,—сонных убить не ладно“, им и стоворил:

— Ставайте, душегубцы!

Братья проснулись, и испугались, и заплакались перед им:
— Поздно плакать...

Рассек он тут обоих, и царевен взял и увел в свое место. На Елены Прекрасной женился, а тех на произвол дал— „за кого хотите“.

И сказка вся—боле врать нельзя.

Павлин Иванович Юдин. Дер. Лопшеньга

74. МАРКУША НА КРЫСЫ ЖЕНИЛСЯ

В одном царстве у одного отца было три сына. Был Карп первый сын, был Марк—второй, а третий—Маркуша.

Этот Маркуша все значит на печи за трубой и все золу ел. Отец выростил всех своих сыновей и сдумал сразу женить.

И вот у его было три лошади, две-то хороших, третья—плоха лошаденка: даже из двора худо могла выходить, даже стегали—выганивали. И вот отец благословил всех своих сыновей и дал всем им по яйцу и сказал:

— Ну, подите, сыновья, выбирайте себе невест, и гот кака невеста всех лучше испекет хлеб—та будет всех лучше.

Ну, как те десвительно ребята были как следует быть—деревенски, взяли получше лошадей и поехали себе невест прибирать. Ну, нашли они себе по невесты (как по-деревенски у нас—таки невесты), попросили напечь хлеб, штобы показать отцу.

А Марк вышел после братьев, ну, што—тоже надь забирать лошадь. Пришел во двор—захватил свою лошаденку худую, ну, кое-как таки вытянул из двора. Вел-повел по чистому полю, но лошадь никуды не пошла; разгорячился—с горячки захватил за хвост и сорвал шкуру: „Ну,—говорит,—ешьте, собаки и вороны!“

Взял яйцо в руки (оно было в кармане), вот и катат в руке: „Ех, како красивое“,—смотрит. Катал, пока пало это яйцо у его из рук, выпало—ну, вот и покатилося по тропины; вот катилось—подкатилось да в хворос и закатилось. Ну, этот Маркуша до того дорыл—весь хворост разрыл, аль не земли захватил, и мох увидал. И вот отрыл, видит—трап¹ вниз стоит, там огонек горит (как у нас в этой избушки).

Как спустился—мох закрылся. Вдруг откуль-то взялась крыса на столику и говорит по-человечьи:

— Откуда же ты,—говорит,—Маркуша, взялся?

Как был ни глуп, все-таки ужахнулся.

Вот тут у их и пошла торговля, вот он и спрашивает у крысы:

¹ Лестница для спуска и подъема (на морских судах).

— Вот,—говорит,—крыса, видала ли мое яйцо?

— Видала,—отвечат.—Если возьмешь меня в замуж, дак найду тебе яйцо.

Ну, Маркуша и поглядел на невесту, всю оглядел уж да и сказал ей:

— Кака ты,—говорит,—мне невеста? Глазки маленькие, ушки коротеньки и хвостик длинный.

Она ему и отвечает:

— А утро мудренее вечера.—Значит ему с вечера до утра ждать надь.

Пришло дело к утру — опять крыса выкатывается, ну, от и спрашивают:

— Што,—говорит,—Маркуша, надумался? — спрашивают весело так.

Он опять поглядел-посмотрел на ее, как следует быть всю оглядел: „Ни худа невеста — басота“.¹ Он опять ей и сказал:

— Кака ты мне невеста? Глазки маленькие, ушки коротеньки и хвостик длинный, брюшинка толста.

Она опять ему отвечает:

— Утро мудренее вечера. Опять спи.

Ту ночь не может он спать. „Как бы,—думает,—мне отсюда выбраться?“ Сколько он ни попризнамал люка да никак не мог открыть.

Ну, так и ночь прошла. Опять крыса пришла и спрашивают

— Ну, как,—говорит,—Маркуша, надумался?—с весела.

Ну, Маркуша поглядел-посмотрел, всю оглядел да што думать тут? И в конце концов сказал:

— Все-таки можешь,—говорит,—хлеб напекчи?

— Отчего не могу? Какой тебе нужно, такой и испеку.

— Ну,—говорит,—пеки.

Взяла — открыла свои норы, ну, из норок покатились мыши да крысы: ну, кака мучинку, кака крупинку несут, все на хлеб на белый. Ну, и собрала на ковригу хлеба. Ну, вот собрала — все опять по норам разошлись. Маркуша и смотрит-таки: собрала все мучинки и крупинки и дунула своим духом — ну, так и хлеб испекся. И в полотенце завернула и жениху подала — теплый. Отворила люк, ну и Маркушу отпустила: „Можешь идти“, и яйцо отдала.

Ну, жених с радостью и с весельем идет с хлебом к отцу. Он значит, когда те-то братья приехали с хлебом, — оглядел: што один хлеб, то и другой, сказал своим сыновьям:

— Невесты обои парны.

Ну, вот и Маркуша пришел к отцу открыто с хлебом,—уж братья за столом сидят, уж и родня: опять поезжают к невестам. Отдал свой хлеб с полотенцем—сам отправился за голубицу, за трубу — золу есь, соскучился.

Развертел отец полотенце и посмотрел хлеб да и сказал:

— Вот,—говорит,—дак хлеб, этот лучше всех и также и полотенце.

¹ Красота.

Ну, и родня осмотрела, и братья поглядели. От братья и сказали:

— В городе был, де-нибудь у булочницы украл.

Ну, родня жениха-то:

— Где он, где? На печи: назябся — отогревается. Ну, сейчас сго тут же нужно призвать за стол!

Ну, его сейчас за стол поставили. Не худой жених, утробился на печи-то там ловко.

Вся родня угостилась, братья поехали к своим невестам, а у отца было сказано так ишо: „Кака невеста другу задачу выполнит, лучше выткет полотно — лучше всех на похвальбы будет у всех“.

Ну, от значит так, опять братья сели на лошадей и поехали, ну, а Маркуша и пошел по тропинке в указанное место. К своим невестам приехали и заказали, как у отца было сказано: „Вытките опять полотна“. Ну, конечно, невесты по-деревенски выткали полотна, как одно: што у той, то и у другой.

Ну, а Маркуша пришел опять к своему люку. Люк открыл — опять спустился. И спрашивают крыса:

— Ну, што, Маркуша, опять пришел? (Наш-то уж никуды не девается — придет.)

— Да, — говорит, — пришел. Вот, крыса, можешь выткать полотно?

— Могу, — говорит.

Ну, вот тогда она опять открыла свои норы — опять мыши и крысы: кака несет нитинку — кака паутинку. Всех опять обратно отправила по норам; ну, вот все эти она собрала нитинки и паутинки, собрала и дунула духом своим, вот и выткалось полотно. Она взяла, зажала в ореховой кожух и дала Маркуше:

— Положи, — говорит, — в карман и неси отцу, передай и скажи — пускай берет молоток покрепче и трескат по этому ореху, штобы он мог разломиться.

Ну, взял Маркуша с радостью орех, положил в карман.

— Давай, бежи скорей к отцу, штобы застать у братьев свадьбу.

Только пришел, как раз братья все за столами. Сейчас отдает отцу орех и говорит:

— Бери молоток покрепче и стрескай по ореху и тада вытяни полотно.

Вся родня огляделась: „Што за чудо?“

Орех передал, и сразу опять золу ест там уж: золы ишо больше наедат.

Отец берет молоток и трескат по ореху. Ну, расколотил орех и потянул полотно: стянуть да подтянуть, да и вытянул тридцать шесть метров с половиной ишо. Ну, и растянули по всем столам.¹ Вся родня — все смотрят: „Вот так, — говорят, — невеста“. И сказал отец: „Вот у Маркуши лучше всех невеста“. Ну, а тем братьям, конечно, завидно: „Такому дураку лучше всех палось“.

¹ Во время свадебного обряда в комнате поставлено несколько столов.

Ну, уж надь за невестой тоже идти будет — катиться. „Ну, што, нужно,—говорит, — жениха с печки сжигать“: за раз всем отправка. Тут и жениха за стол посадили, и родня на жениха поглядела. А соплей все не убывают,—тех хватат уж.

Ну, опять всех угостили и все за невестами отправились, Маркуша пошел—думат: „Ох, теперь-то пропал я, человек. Красиво родни уж поглядеть-то на невесту“.

С дому-то шел не так весел; как люк открыл и спустился к невесты, а невеста уж снарядилась — сидит на столе... Тут вовсе уж страх одолит, ально ножки подрезало у жениха-то.

Вот невеста и говорит:

— Што, Маркуша, за мной приехал?—Ну, вот эта крыса сказала:—Когда открою свои норы все—ты стой на месте, никуды не шевелись. Когда сыму с каждой крысы шкуры и надену на себя—я повалюсь в ложку, и повезут меня мыши в ложке — и ты иди вперед до речки, назад не оглядывайся. Когда привезут меня к этой речке — бери свой ножик и отрежь у меня голову и брось в реку, я окажусь за рекой; брось ложку, и будет золота карета и златогривый конь, и ты будешь молодец — как следует быть. А если оглянешься назад — вот так же будешь крысой, как я теперь.

Вот тогда она открыла свои норы. Вот эти, конечно, потянулись мыши и крысы. Она снимала с каждой крысы шкуру и надевала на себя. Немало уж тут одела она, от растолстела — што бочка! немало уж тут свистожку было. Маркуша стоит уж, не шевелится, никуды и не вернется — ни колыбится. Ну, вот она сняла со всех крыс шкуры и надела на себя и села в ложку, Маркуше сказала: „Иди вперед“. Вот Маркуша пошел вперед, а взади уж немало было приплакиванья — песен: отправляли невесту — плакали и рыдали там.

У речки крыса сказала:

— Теперь, Маркуша, овернись и што приказано, то и делай. Берет Маркуша свой нож и от давай ей голову пилить. Ну, поди тут — не скоро разрежешь, естолько шкур надевано. Ну, отрезал он голову — бросил в реку. За рекой оказалась прекрасная девица. Бросил ложку в реку — вышла золота карета и златогривый конь, и вышел из Маркуши прекрасный молодец, што и не узнать. Ну, перешел мост, взял свою невесту, посадил на карету и сам сел и поехал.

Ну, у его долго шла канитель. За то время братья к отцу в деревню приехали, ну, и, конечно, свадьба там пошла. Ну, свадьба отошла, и живут, как следует быть.

Маркуша едет середка дня мимо своего двора — нарошно по деревне прокатить, штобы все ужахнулись.

Ну, свои — кто у окошка, кто на улицы: „Какой-то едет купец!“ А лошадь летит — дак ух...

Так Маркуша объехал деревню — всем показался, и подъехал онять к отцову двору, и остановился. Ну, тут вышел отец и братья, и невестки, которые были взяты, — молодых поглядеть. Ну, и все посмотрели на жениха и также на невесту, на карету и на коня. Не могут наглядеться — под золотом все. Сами за-

шли в дом, застали коня во двор златогривого, обрали карету — все как следует быть. Ну, вот тут у их пошел пир на весь мир. Этот пир кончился, после этого пира стали они жить да поживать, да хлеб наживать, да ишо детей добывать.

И сказка вся, боле рассказывать нельзя.

75. ПРО СКРЫПКУ

У бедной женщины был сынок, она его послала на работу. Он пошел на работу и нанялся к попу на три года: ряжено было три копейки, по копейке в год.

И он прослужил у попа три года и получил эти три копейки, и пошел домой.

И попадат ему встрету бедная старуха и спрашиват:

— Мальчик, дай-от бедной старушке копейку.

Он поглядел — думат: „У меня мать бедна, давай дам — две копейки останется матери“, — и отдал одну копейку.

Старуха обошла кругом и опять попадат ему встрету:

— Дай старушке бедной копейку.

Мальчик поглядел: „Бедна старушка — куда ей девать, надь тоже дать“, и дал.

Опять старуха обошла кругом его, опять попадат встрету — третий раз и говорит:

— Дай старушке бедной копейку.

Мальчик поглядел: „Тоже бедна старушка, дам последню копейку...“ Он и отдал, старушка скрылась.

Мальчик по дороге подошел да и подумал: „Как я к матери приду безо всякой копейки, што она мне скажет: жил три года, а не принес никакой копейки...“ Да и заплакал...

Вдруг откуль-то взялась опять эта старуха:

— Об чем ты, — говорит, — мальчик, плачешь?

— А как мне, бабушка, не плакать, служил я у попа три года и заработал три копейки, и отдал бедным старухам. Как я приду к матери безо всякой копейки, што она мне скажет!

Она ему ружье дала, дала и сказала:

— Когда увидишь ты птицу, и где у тебя глаза недохватит — тут и стреляй, все равно пострелишь — птица не улетит. — Она ему дала и скрыпку, и сказала: — Кака бы на тебя ни пришлась беда — заиграй в скрыпку, пока не перестанешь — никто тебя не может победит нигде.

Ишо она стала давать ему бисквитный кошелек и говорит:

— Придешь к матери, тряхнешь кошельком бисквитным — деньги посыплются, сколько ей надоть.

Та бабушка и скрылась. Мальчик пошел по дороге, — вдруг видит — сидит тетера на дереве, он взял ружье — стрелил, тетеру убил. Ехал монах на лошади — у его эту тетеру и подобрал к себе. Мальчик:

— Монах, отдай мне тетеру, я, — говорит, — пострелил.

А он:

— Почему так, это я нашел.

Никак не отдавает, сколько ни просил мальчик.

Мальчик взял в руки скрипку и начал играть: монах с тетерой заскакал и заплясал, — его уж подымат скрипка, эта скрипка не дает остановиться, как играт... Вот монах сказал:

— Перестань, — говорит, — свои дьявольски музыки.

А он и говорит:

— Покуда ты, монах, не отдашь мне тетеры, — до тех пор буду играть.

Монах до того доплясал и доскакал, што у его из ног кровь пошла; ну, потом тетеру отдал, отдал тетеру — мальчик перестал, этот монах и уехал (на его насерку понес).

Пришел к своей матери с кошельком бисквитным, с ружьем и со скрипкой, пришел — поздоровался: „Здорово, мамаша“; она ему сказала: „Здорово, сынок“. Мамаша и заплакала:

— Как, — говорит, — сынок, будем жить: ты пришел оборванный, а я бедна, — ничего мы себе не приобрели.

Он ей сказал:

— Мамаша, не плачь; сколько тебе денег надь, столько я и дам, уставь подол — я тебе тряхну.

Мамаша держала подол — он начал ей трясти, полный подол уж натряс, из подола посыпалось... Она и говорит:

— Довольно, сынок.

Ну, сынок перестал трясти и говорит:

— Купи мне пару белья, сахару фунт, сушки фунт, ну, и все.

Она пошла на рынок — покупать стала белье. Вот купила белье в первом шалашку, берет в горсть денег и кладет на выручку — сама уходит прочь, а ей и крычат:

— Воротись, ведь ты много денег-то дала!

Она и отвечает:

— У меня, деточки, хватит.

Опять к другому шалашку подходит, где торгуют сахаром, отвесили ей фунт сахару, — деньги берет из подола в горсть, опять кладет так же, а тут ей и крычат:

— Много ты ведь денег дала!

Отвечат:

— У меня, деточки, хватит.

Опять переходит к третьему шалашку, берет сушек фунт, остатки — сколько у ей денег в подоле — высыпала на выручку, штобы ей не мешали. Ну, значит ей стали преследовать: „Откуль ты деньги взяла?“ Взяли ей и захватили, вот и привели к царю.

Царь и говорит:

— Откуль ты таки деньги взяла?

От она и говорит:

— У меня есь сынок, есь у его бисквитный кошелек, он мне денег натряс, сколько в подол влезло, и велел купить мне три предмета; вот я купила и вот деньги все извела.

— А где у тебя есь сынок?

— Дома.

Ну, вот сейчас пошли к сынку, што тако за сынок? (Тот монах был в том же числе.) Пришли:

— Ну, деньги ты бы натряс.

Монах шляпу подставил — он ему полную натряс. Его монах захватил — привели к царю, царь и спрашивает:

— Откуда ты этот бисквитный кошелек взял?

— А откуда бы, — говорит, — я ни взял, — што тебе?

— Ну, — говорит, — покажи.

Он ему и сказал:

— Подставь шляпу, я тебе натрясу.

Ну, от царя подставил шляпу — ему начал трясти, ну, деньги из бисквитного кошелька и посыпались... Вот до чего досыпались, — уж тут начали собирать — ползать все. Царь сказал:

— Довольно трясти. — Он перестал — царь и отобрал у его бисквитный кошелек и сказал: — Сейчас его задавить на виселицы.

Ну, мальчик его и попросил:

— Ваше царско величесьво, будьте добры — каждому человеку перед смертью развлечение бывает, — мне-ка сыграть перед смертью в скрыпку.

Ну, царь ему и разрешил, и он начал играть, и до тех пор стал играть, што все заплясали и заскакали, и царь тут же. Ну, царь и кричит:

— Прекрати свои дьявольски музыки!

Он ему и отвечает:

— Нет, не прекращу до тех пор, покуда меня от виселицы не освободишь.

Ну, стало царю столь больно, — из ног кровь пошла, а все скачет...

— Ну, — говорит, — ослобожу!

Мальчик ишо играт, — царь все скачет...

— А што же ты, — говорит, — мальчик, меня мучишь?

— А отдай мне, царь, бисквитный кошелек, который ты у меня взял; как отдашь — я тогда тебя ослобожу.

Ну, царю стало тошно, кричит: „Возьми!“ Ну, он и бисквитный кошелек взял...

Ну, царь ему:

— Не выпускай много, деньги цену будут терять, только на свою потребность.

— Ладно, — говорит, — царь, я буду сам держать, — матери не разрешу.

Ну, царь его отпустил, пришел мальчик к своей матери. Ну, стали сынок с матерью поживать да хлеб поедать. Живут-поживают да хлеб поедают.

Петр Михайлович Юдин. Дер. Лопшеньга

76. СОЛДАТ СО СЛУЖБЫ УБЕЖАЛ

Дак ведь вот раньше были службы солдатски-то длинные, в прежню время служит было трудно... И вот один солдат задумал: „Год служу — другой служу и до того дослужусь за двадцать годов — старик стану почти...“ В одно прекрасное утро задумал убежать со службы — с поста прям, с ружьем.

Пошел—в лес ушел, и пошел и пошел, куда глаза глядят, куда голова несет—побрел... И вот ему встречу попадает тоже солдат: „Сошлись,—говорит,—два братана“. Один назвался Григорьем, а другой назвался Иваном.

Сошлись в одно место, один одному и говорит:

— Иван,—говорит,—заблудились мы.

А стоит, значит, ель высокая, этот Григорий Ивану и говорит:

— Вылезь на эту ель и посмотри, нет ли жилья какого.

Он вылез и говорит:

— Вот там вдали дом есь—стоит,—и указал, в каком направлении. Григорий говорит:

— Давай слезай—пойдем.—Пошли.

Шли-подошли, опять скука взяла, што далеко значит—никак не могут увидеть этого дома. Григорий Ивану и говорит:

— Неверно указал, ужо как я посмотрю—вылезу на эту ель.

Ну, вот этот Григорий вылез (у его значит была при себе фляга с вином), от—он вылез, а этот Иван значит флягу взял и давай подтягивать из ей—пить: „Пить,—грит,—страсть захотелось—жажда долит“. А Григорий там и кричит на лесины:

— Пей да пей, и мне оставь!

Тот половину вытянул, а остатки оставил:

— Ладно,—говорит,—я не все выпил,—оставлю.

Григорий слез с лесины и говорит Ивану:

— Пойдем, теперь точно узнал, де дом-то вот этот.

Вот шли-шли и к этому дому пришли они, километров может пятнадцать шли. Вот к этому дому пришли—в этом доме живут люди, подорожники: грабили людей—били; жило их: отец с сыном, хозяйка и немка,—четверо их было.

Вот значит они пришли как—в этом доме сидит только немка одна да старуха сама, а их нету. Это значит Иван и говорит старухе по-солдатски прямо сгруба:

— Давай, старая ведьма, ись, с дороги устали—кушать хотим.

Ну, она ничего не дает им:

— Нету,—говорит,—ничего,—отвечает.

Он не утерпел:

— Давай,—грит,—ключи, как это нету?

Взял ключи у ей—прямо выхватил из рук, и пошел. Там у их запечек есь, вот как у нас в деревнях таки запечки есь; открыл запечек, принес хлеба на стол перво, потом значит зглянул в печку—вытащил шти из печки—суп, притащил на стол и говорит:

— На, брат Григорий, кушай.

Значит Григорий ложку хлебнул; Иван как со второй полез туды,—а оказалось там в супу-то пальцы человечески; он говорит:

— Ну, брат Григорий, не метно зашли. Потом и говорит этой немке:—Давай-ко ключи; вы ежли грабили-били, дак должны у вас деньги быть.—Он взял эти ключи—пошел в погреб, а Григорий ишо не спустился—только полез, а немка из левольвера выстрела дала—и мимо значит. Этот Иван выскочил, у немки значит отнял этот левольвер—отобрал, и стали спускаться туда обои—опять в погреб; в этом погребу было очень много денег. Григорий Ивану-то и говорит:

— Набирай, колько можеш, а я не возьму—мне не надо.

Иван набрал, сколько влезало в карманы, и вылезли, и потом Иван и говорит:

— Ну, старуха, где бы нам отдохнуть, отдельну комнату дала бы.

— Полезайте на верхний чердак,—говорит.

Ну, вот значит туда зашли и повалились спать. Григорий заснул крепким сном, а Ивану не спится: у Григорья под шинелью он увидел—шашка обнажена, точена и востра; он взял у его (а тот спит) и сидит—ожидает, кто ле да должен быть ишо, ни двое тут было. Вечером подъезжают к дому эти хозяева-то, сын и отец; эта значит старуха и говорит старику:

— Старик, у нас есь два хлопца, и у одного золота шашка. (Увидела уж значит, видно из-под шинели конец, думала—золочена, а она медна.)

Этот старик и говорит:

— Тише, старая ведьма,—не крычи, сейчас мы обделаем,—грит.—Давай пошли точить ножииков,—говорит этому сыну.

Вот выточили, и походит к им на чердак перво сын—вера зарезать; „Поди, обделаешься один, может“,—старик сказал.

Он только двери открыл—тот шашкой ему по головы тюкнул, ссадил голову: голова пала в избу, а труп—за двери.

Вот потом этот старик и кричит:

— Што так долго не можеш справиться-то!

А этот Иван и кричит—отвечает:

— Да не могу справиться—денег много, иди на помощь!

Тот только заходит—он опять и у того башку снял-срубил; опять голова пала у того в помещение, а труп за дверь.

Ну, вот Иван Григорию говорит:

— Ставай, Григорий, время ставать, смотри, я сколько лесу нарубил.

Ну, вот этот Григорий стал и говорит:

— Молодец Иван, с умом собрался—меня спас, я тебя не забуду; ну, идем.

Вот и пошли в помещение обратно опять в то; от Григорий говорит:

— Ну, што будем делать с има, с этима женщинами?

А Иван и говорит:

— Возьмем—закроем все двери, и выйдем—подсветим: штобы прах один только остался, штобы духу не было ничего,—это Григорию Иван говорит.

Вот вышли—взяли лошадей (хороши лошади были у этих у хозяев), садиться стали—и подсветили. Вот и сели на лошадей, значит, и поехали: Григорий впереди, а Иван сзади.

Значит стал Иван перескакивать на лошади на этой через тын и ульнул мундиром—левым рукавом на огороу (было обнесено огородой) и разорвал; и вот Григорий: „Ну, вот поедем,—говорит,—на дорогу“. Как выехали—ехали-ехали...

Едут—видят город. Заезжают в этот город, заходят в гостиницу—лошадей останавливают у гостиницы. Этот Григорий и говорит Ивану:

— Ты кушай—пей, што тебе требуется, а я, обожди, ненадолго съезжу.

Иван тут остался, а Григорий значит уехал на время — и уехал во дворец свой: это был не Григорий, а царь Петр Великий был тут, это он только назвался Григорьем.

Приехал и дал приказ — написал, и разослали слуги по всем гостиницам: штобы значит поили-кормили этого Ивана бесплатно, денег не брали ни копейки.

А Иван перво вот зашел в эту гостиницу — подвыпил, вышел на улицу — собрал братву кое-каку: „Ребята, пойдете, ежели жаляете“, — говорит...

Собралось много, человек на зерно уж полсотни нашел их — денег надавал. И по всем гостиницам ходят-гуляют во-всю даже, едят — што хочут заказывают. Он деньги платит, сколько хошь он выкидывает — не берут, ну, всем удивление.

Потом этот царь послал значит слуг своих в кареты на лошадях, штобы привезти его в кареты во дворец.

Приходит к царю-то в комнату, де царь помещается, его удивление-то и взяло: „Ах, тут не Григорий, а тут царь Петр Великий“. Стал извиняться:

— Извиняюсь, ваше высоко величество...

Царь ему и говорит:

— Не надо, не извиняйся; за мое спасение вот дарю тебе пол-царства, и ты будешь у меня вечно жить здесь. Когда, — говорит, — я буду помирать, — ты оставайся на моем месте, царствуй.

И опять отправил, одел в хорошу одежду — чисту: „Иди, ишо погуляй!“

Иван не пошел: „Не могу ваше царство-величество идти — вышло время...“

Так и спас царя, а то бы гибель была бы ему.

Анна Егоровна Майзерова. Дер. Лопшеньга

77. ТЯЖБА БАРИНА С БЕДНЯКОМ

Ну, вот в одном месте жил богатый барин и самый бедный крестьянин Кузьма. Ну, вот у барина была усадьба на всех четырех дорогах, куда ни поедут — все мимо дома, а у Кузьмы была хорошая лошадь. Вот он поедет мимо усадьбы в лес за дровами — барина и смотрит... Пока она одевается — он три раза съездил. Один раз Кузьма едет — она вышла на крыльцо — вот говорит ему:

— Кузьма, почему же ты дрова кривые возишь?

А бедняк и говорит:

— Э, барина, дрова кривые да горят прямо.

Барине ответ не понравился, а Кузьма проехал мимо.

Потом на другой раз едет, — барина и говорит:

— Кузьма, продай лошадь.

— Нет, барина, не продажный — заветный у меня конь, — и опять проехал.

Вот опять на следующее утро Кузьма опять едет как нарочно мимо дома,—барина опять пристаёт:

— Продай лошадь.

А Кузьма и шутит:

— Кто,—говорит,—со мной ночь проспит,—тот и коня поведи.

Ну, вот барина все-таки не отступат; когда барин уехал по делу—она приказала взять значит у Кузьмы коня и бросила ему сто рублей денег.

Кузьма погоревал и с конем розостался. Потом барин приезжает и видит—Кузьмин конь в ихней конюшне; жена и говорит ему:

— Злющий Кузьма—не отдавал коня, я заплатила ему больше денег.

Барин знал Кузьму, што он плут первой марки; он только хотел послать за Кузьмой, а Кузьма сам катит. Горничная и говорит:

— Барин, идет корявый мужичишка в тряпосьном зипунишке. Вот барин и спрашивает:

— Што, Кузьма, невесел—голову повесил?

А Кузьма и говорит:

— Как, барин, не весить,—одна лошадь была, и ту барина отобрать приказала.

А барин говорит:

— Слушай, Кузьма, сегодня ночью украдь коня; украдешь—сто рублей, а не украдешь—сто розог в спину.

— Украду,—говорит,—барин.

Когда стал вечер, Кузьма сходил в казенку—принес четверть вина, ну, и когда кухарки обряжались,—он потихоньку забрался в барский дом и там запрятался; а барин в это время поставил конюхов, замкнул конюшню—отдал одному из конюхов ключи и сам повалился.

Кузьма выждал, когда в доме все стихло—заспало; навернул барский халат, взял вина, по коридору прокрался в конюшню и говорит конюхам:

— Ребята, вы наверно устали и озябли,—согрейтесь, по чарке выпейте.

Ребята и рады. От он им подал по стакану—по другому и спрашивает:

— Довольно будет?

Один и говорит:

— Барин, кабы ишо по третьему.

Ну, Кузьма подал ишо по стакану:

— Ладно, хватит, только не засыпайте.—Сам пошел угощать того, который стоял у замка—тому налил всех больше и сам спрятался.

Вот слышит Кузьма—ребята в конюшни запели. Ну, запели, вот пели-пели, потом задрался; а тот, который стоял у замка, сразу в сон ударился, заснул. Кузьма обшарил карманы—нашел ключ и отомкнул конюшню; ну, пока дрались,—Кузьма потихоньку подкрался, коня взял и отправился.

Ребята проснулись — коня как век не бывало, и двери все полы оставлены. Утром пришли со слезами к барину — в ноги повалились:

— Батюшка барин, не вели казнить, а вели миловать, украл коня мошейник.

Барин кричит:

— Как, сукины дети, четыре облома и упустили коня!

— Да все вино, милосливый государь-батюшка, кабы не подали вы вина, дак не упустили бы коня.

Барин выгнал их; знал, што проделка была Кузьмы сделана, — послал за Кузьмой. Вот заходит Кузьма, и кричит барин:

— Как, негодный плут, украл коня?

— Э, барин, не правиться, дак и правому не быть, вы посулили мне сто рублей.

— Говори сейчас, где вино брал?

— Да в казенке, господин барин.

— Как халат мой достал, хто тебе дал?

— Никого винить нельзя, все вы немножко халатны, это я сам взял, — говорит.

— Вот тебе сто рублей, — барин говорит; — ну, негодный плут, сегодня ночью украдь у меня жену, украдешь — двести рублей, не украдешь — двести розог. (Ему забавно было, барину, што плут с ним тяжбу заводит; думат: „Отыграюсь-таки, барин — умный, а мужик — простой“.)

— Украду, — говорит, — барин.

От Кузьма знат, што барина спать дома не будет, он сходил в лавку — взял сапоги не новы, ну, и вот значит ушел на большу дорогу в потемках — там сел на большой дороге.

Барин и говорит жоны:

— Давай, Лиза, бери тройку и поезжай в имение к матери.

Ну, вот, когда уж стал вечер, — барина поехала. А Кузьма заметил, што летит тройка, взял один сапог — о саму дорожку повесил на лесину, немного подошел — сажень двадцать — и другой повесил, ну, и сам спрятался, конечно.

Вот тройка подлетела к сапогу, кучер и говорит:

— Барина, сапог висит.

Она и говорит:

— Один?

Он говорит:

— Один.

— Ну, поезжай дальше, один, дак...

Когда приехали к другому, ко второму, — кучер и говорит:

— Барина, другой висит.

— Ладно, иди сходи — заберешь.

Тут кучер соскочил — Кузьма прыг в карету, мимо полей да в свой домишко привез барину... Она и не глядит, куда ее везут. Вот когда приехали, Кузьма говорит барины:

— Выходите, я вам помогу.

Приехали, барина выходит и говорит:

— Как, ведь это же наше имение, избенка эта Кузьмы.

Он говорит:

— Барина, и сам-то я Кузьма.

Ну, и барина завизжала:

— Не хочу я в избенку — такую гадость!

А Кузьма кланяется:

— Не гордитесь, госпожа моя, чем богаты, тем и рады...

А барина топчется:

— Да не могу же я, нужно обратно ехать!

Кузьма не везет и все ей кланяется.

Она кое-как влезла в избенку — хоть заткнувши нос, а Кузьма крыкнул на коней, — кони ринулись к барской усадьбы.

А ямщик бегат — весь припотел: к дому сбегал — опять на то место, где карету оставил, с сапогами-то... пот в семь ручей катится. Ну, и только увидел — сворочено к Кузьминой избенке — побежал по следам, а колокольчик уж бренчит — к самому барскому дому летят кони, он опять за конями... Ну, и не зашел к Кузьмы в избенку, думат — барина назад вернулась, и пошел к усадьбы. Туда приходит, а лошади пусты, — барины нету...

Барина топчет ногами у Кузьмы:

— Не могу же я в этой вонючке, отвези меня домой.

Кузьма выглянул:

— Батюшки, тройка ведь убежала!

— Вот ведь негодный плут, давай твоего коня — верхом поеду.

Ну, Кузьма в один миг... Уздишка связана веревкой в трех местах, седлишко ни на божий лад: захотела седла у нищеты!

Барина поморщилась — все же села; ну, едет потихоньку, а Кузьма вслед идет и улыбается: „То-то барин обрадуется, — говорит, — как мы подкатим к дому“.

Ну, значит она едет, — он взадь идет и думат: „Жаль барину двести рублей, — знамо дело, поругает сперва“.

И барина прилетела! То на мужа, то на кучера: в такое положение поставил... а народ-то смотрел из окошка, как барина ехала.

Ну, уж барин ходил-ходил над Кузьмой, на чем свет белый представил! А деньги все же отдал и говорит:

— Вот, негодный плут, сегодня ночью украдь у меня место из-под боков, украдешь — триста рублей, не украдешь — триста розог.

— Украду, — говорит Кузьма.

Ну, вот Кузьма знат, што все двери будут уж плотно заперты теперь, а он знал один подвал под домом, у которого был один замчонко; поздно ночью Кузьма взял в карман гвоздишко, отвернул простой замок — забрался туда (замок был один с улицы, другой из дому был — из нутра).

Вот стали к ужны там готовить — девки заприходили за продуктами: за яблоками, за вишнями, за чем-нибудь... Девки-то из сеней по лестницы да в подвал туда, а ведь там темно (как ложатся, так его умыкали, а пока не спят — из нутра не замыкали)... Ну, вот Кузьма оттуда — как двери открыли... Ну, вот он этим подвалом пробрался в кухню, ну, и там запрятался в каком-то шкапике платяном, де старо вешали.

Ну, вот, когда значит все заспали — успокоились, Кузьма на-вертел тряпков: сверток сделал—вид ребенка такой; ну, как девки заспали,—он сунул этого робенка в середку к девкам и упрятал у их спички, взял квашню с раствором, ну, и потихоньку поплелся по комнатам.

Вот добрался до спальни значит, ну, и увидел, што барин и барина спят на одном месте; он сейчас этот раствор вылил им на перину, на ноги, везде (потихоньку открыл окно заранее), и сам сунулся под кровать. Немного подождал—барин заворочался и говорит барины: „Што же это“? Она скочила. Оба с места скочили: „Девки, спичек несите, огня, огня, девки!“

Вот девки пробудились,—одна тяпнула по свертку: „Тут-то кто, робенок лежит?“ А друга говорит: „Разве ты родила,—уж ни я...“ А та: „Нет, ты!“ Да вот и закрычали, а барин ногами топал: „Огня несите!“ Девки спичек хватать-похватать, негде взять... не могут натти.

Как барин с баринной встали, Кузьма место схватил—в окошко с местом, сам перевернулся туда и был таков. Когда нашли спички и все осмотрели, и видят, што проделки все корявого мужичишка в рваном зипунишке. (Девки осмотрели—не робенок, а сверток, да тесто,—так и заявили.)

Вот утром Кузьму зовут на покаяние, а Кузьма идет и улыбается. Не по сердцу барину отдать триста рублей, а приходится. Ну, опять барин над им ходил-ходил, уж все же отдал триста рублей и говорит Кузьмы:

— Завтра,—говорит,—у меня будут хороши гости, и много будет гостей; и ты украдь при всех ложки и вилки со столов, украдешь — четыреста рублей, не украдешь — четыреста розог.

— Украду, барин,—говорит.

Вот Кузьма вышел от барина — дверями хлопнул, будто и домой ушел, а сам не уходил. Вот опять теми же сенями да в темный туда коридор, и забрался на чердак; а там у барина в зале было отверстие с потолка, не знай какая стеклянная дверка — мраморна там была.

Ну, вот Кузьма туда и забрался; а барин с утра во все стороны послал своих людей — звать гостей.

Ну, вот значит в указанный час гости собрались; гости собираются, а сторожа то и дело смотрят,—как бы за има Кузьма не пролез в двери... Кузьмы и горюшка мало, поляживат там да посмехается.

Ну, вот когда уж гости собрались — маленько подвыпили: тут были князья и архиереи, все-таки — все знатные люди.

Кузьма знал, де кожи у барина веснут коровьи, сходил — небольшую выбрал, соломой набил и чучело сделал, как коровку маленьку: прилепил из палок рога и овертел черной тряпкой.

Вот как гости уж стали хмелеть — он открыл эту дверку на-верху: вот эти рога-то выпустит да утянет, выпустит да утянет... вот и показыват сверху-то. Одна дама заметила и говорит мужу: „Што же это, нежить у их в доме?“ Муж посмотрел: „Действительно, кто-то есь; а Кузьма опять спустит да утянет, спустит да утянет рога.“

Когда барин вышел куда-то, а жена весело разговаривала с гостями,—Кузьма незаметно корову бросил на стол эту и сам выполз за ей вслед; гости с испугу выбежали в другую комнату,—Кузьма взял ложки да вилки (хоть бывает не все собрал) да был таков, опять окошком (тут уж и раму выломил) так и выскочил... Гости попрощались — домой засряжались. Хозяин пришел:

— Што случилось, хто тако нарушил порядок?

А жона вот и говорит ему:

— Ах, бог мой, ужасно надоела твоя тяжба, смотрико-се: вот опять Кузьма набезобразил!

Барин увидал чучелу и стал уговаривать гостей:

— Не бойтесь, давай сядемте, тут у меня тяжба с одним мошенником, он четвертый раз меня надуват, и это меня забавляет, — говорит.

Его архиерей и заругал, начал стыдить его архиерей:

— Ты такой славный барин,—говорит,—отличаешься умом—богатством, а с бродягой знаешься. — Все ему высказал, — ему стало совестно, этому барину.

Вот он утром призвал Кузьму и говорит:

— Вот, негодный плут, тебе четыреста рублей, сделай над архиереем насмешку; сделаешь—пятьсот рублей, не сделаешь—пятьсот розог.

А Кузьма радехонек:

— Ладно,—говорит,—барин, дай бог краски—вывертят глазки, сделаю.

Ну, вот он того часу пошел к сторожу к церковному да там уж выклянчил:

— Продай мне ризу и троесвечник, и колпак на голову.

Ну, вот ему заплатил деньги—тот нашел стары какие-то, ему дал. Ну, пошел Кузьма к архиерейскому дому, осмотрел кругом дома, ну, и увидал, де спальня архиерейска.

Вот потом, когда стемнелось, Кузьма нашел высокоу лестницу, ну, вот прилез ко спальне архиерейской—навернул ризу, надел колпак, зажгал свечку и кричит ему:

— Владыка!

Архиерей:

— Я здесь, хто ты такой?

Кузьма и говорит:

— Я андел с небеси, послан взять тебя живого на небеси!

А владыко:

— Андели, иду, иду!

А Кузьма кричит:

— Скорее, владыко, скорее, — пока люди не видят!

Ну, архиерей скорее надел камлавку, подрясничшко замахнул — бежит к окошку; ну, Кузьма оцепил архиерея за шиворот, стянул вниз да в куль закинул. Зашил в кулю-то и сам побежал искать грамотного кого-нибудь.

Вот видит — дьячок идет, он ему и канается:¹

¹ Просить.

— Напиши на куле, чтоб кто прошел — три раза хлопнул палкой.

Дьяк не пишет:

— Кто у тебя там? (Архиерею стыдно кажется — молчит.)

— Да тебе-то не все ли равно? — говорит Кузьма, — напиши — отдам деньги.

Дьяк ему и написал: „Хто пройдет три раза — хлопни палкой“.

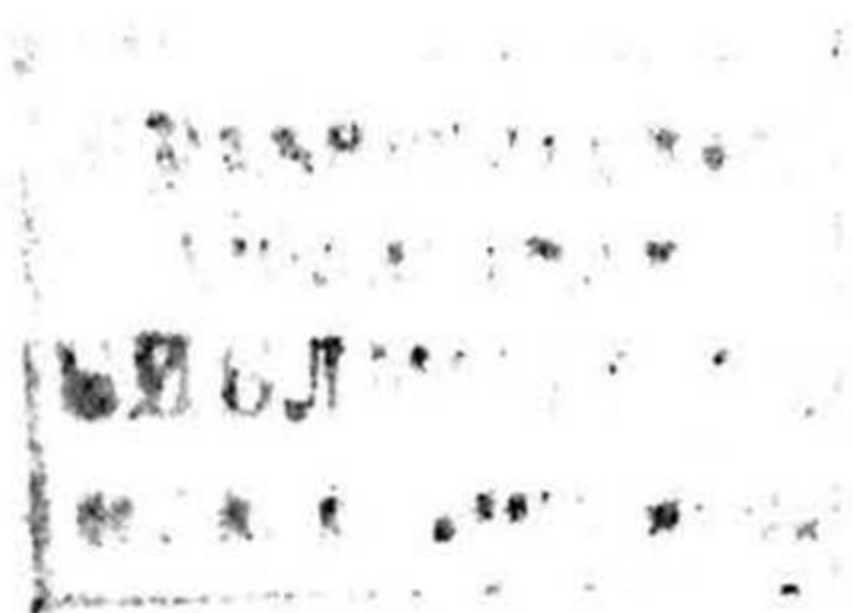
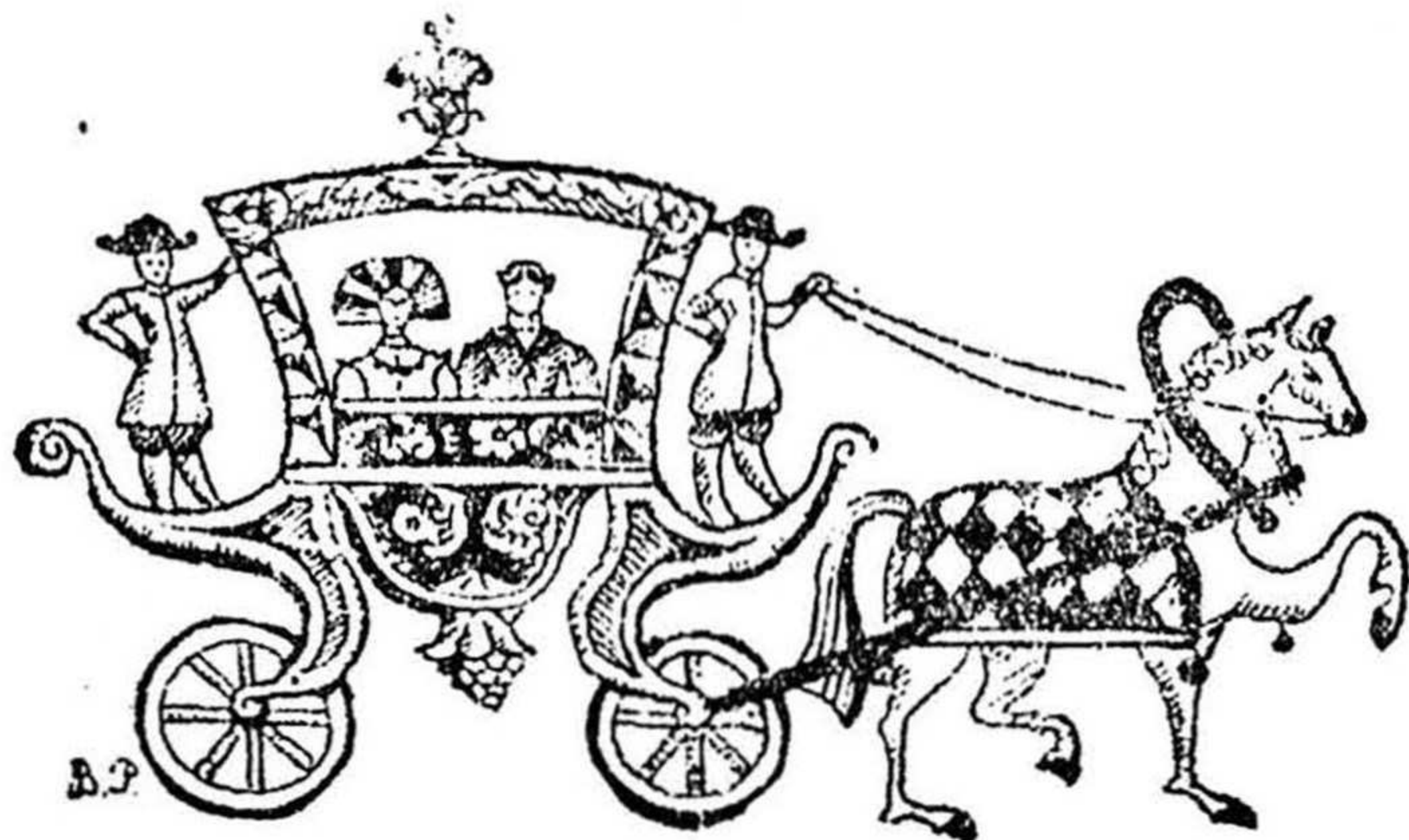
Кузьма заплатил дьячку и потащил куль к самой церкви на дорогу. Архиерей дрожит и проклиная свою глупость, в кулю-то там: вместо неба в кулю залетел.

Вот утром идет сторож снега отрывать — лежит куль на дороге, у церкви в огороде; он стал разбирать по складам, разобрал — взял палку и три раза стегал по кулю, ну, архиерей там: „Э...“ — только кричит: бедный, больно ему кажется. Потом значит другой дьяк идет (не тот, который писал), прочитал — опять окрестил архиерея палкой, а тот и думает: „Пусть убьют, а кричать не буду“.

А потом поп идет, тоже прочитал — взял куль, распорол; архиерей скорчился, чтобы не показать рыла, — вот домой и поперся. А барин из окна видит, что по кулю стежут, — значит архиерей в кулю. Ну, а Кузьма идет с результатом опять — всю рожу улыбается.

Ну, а барин отдал деньги — ишо пятьсот рублей заплатил, и полно боле с Кузьмой знаться.

Ну, а Кузьма стал жить-поживать, дочерей одевать. И вся сказка.



КОММЕНТАРИЙ К СКАЗАМ И СКАЗКАМ

СКАЗЫ

Пинежский район

1

Сообщила Аграфена Васильевна Лукина. Дер. Труфана-Гора. (Запись 1935 г.).

2

Сообщила Ефросинья Семеновна Порядина, 64 лет, неграмотная. Дер. Труфана-Гора. (Запись 1935 г.).

3

Сообщила Наталья Гавриловна Порядина, 62 лет, малограмотная. Дер. Труфана-Гора. (Запись 1935 г.).

Интересно сопоставить текст сказа Порядиной с известной на Севере песней: „Уж как выдал меня батюшка“, записанной в нескольких вариантах и в Пинежском районе. Песня сходна по настроению и по стилю изложения с поговоркой: „Первый год промолчу, второй год промолчу, а третий — рог наживу, свекора забоду“, которую приводит в своем сказе Порядина. Возможно воздействие одного из вариантов песни на этот сказ.

4

Сообщила Татьяна Осиповна Кобелева (слепая), 75 лет, неграмотная. Дер. Юбра. (Запись 1935 г.).

Наряду со сказами из личной жизни от Т. О. К. записан ряд сказок. Более подробное сообщение о ней смотреть: Комментарий. Сказки 25 — 32.

5

Сообщил Иван Алексеевич Чупаков, 81 года, грамотный. Дер. Усть-Ежуга 2-я. (Запись 1935 г.).

Наряду со сказами из личной жизни от И. А. Ч. записан ряд сказок. Более подробное сообщение о нем смотреть: Комментарий. Сказки 22 — 23.

6

Сообщила (про свекровь) Н. Г. Порядина. (См. сказ 3). (Запись 1935 г.).

Обращение мужа к жене в сказе 6 — мало измененное начало веселой песни, которую поют местные крестьянки:

Не успела самовар скипятить,
Да мой миленький из Вологды катит,
Он катит-катит, посвистывает... и т. д.

Два стиха этой песни пригодились в сказе как подходящая веселая иллюстрация события.

7

Сообщила Т. О. Кобелева. (См. № 4). (Запись 1935 г.).

8

Сообщила Анна Дементьевна Попова, 68 лет, грамотная. Дер. Усть-Ежуга 2-я. (Запись 1935 г.).

9

Сообщила Устинья Федоровна Петрухина, 72 лет, неграмотная. Дер. Усть-Ежуга 2-я. (Запись 1935 г.).

10

Сообщила Прасковья Филипповна Серебренникова, за 60 лет, неграмотная. Дер. Чакола. (Запись 1935 г.).

11

Сообщила Лукерья Ивановна, дер. Матвера. (Запись 1935 г.). Кроме сказа 11 — „Смерть сына“, от нее записано причитание на эту же тему:

... Уж и молодехонька я без вашего татушки осталась,
Уж и славушки да натерпелась,
Чужу работушку да наробилась.
Уж чужа работушка да непосильная,
В чужих людях надь сердечюшко да затменно,
Штобы ись скоро да не хотело;
Надь силушка да зверинна,
Надь плечушка да лошадинны... и т. д.

Интересно сопоставить взволнованность этого плача с эпической сдержанностью, почти бесстрастием ее прекрасного сказа.

Приморский район

12

Сообщила Сусанна Петровна Майзерова. Пожилая, неграмотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1937 г.). С. П. М. — одна из лучших рассказчиц Лопшеньги и соседних деревень; от нее записано много причитаний и много разнообразных песен.

Созыв родни на совещание о женитьбе или замужестве кого-либо из членов семьи (описываемый ею в сказе 12) был общепринятой традицией при старинном свадебном обряде.

Сообщила Александра Андреевна Бронникова, 64 лет, неграмотная. Дер. Дураково. (Запись 1938 г.).

Конец сказа объясняется тем, что женщина не имела права на „душу“, т.-е. на надел пахотной и покосной земли, а также на участки моря для рыбной ловли.

Сообщил Илья Степанович Ершов, 55 лет, малограмотный. Дер. Лопшеньга. (Запись 1938 г.).

Сообщила Елизавета Васильевна Майзерова, 62 лет, неграмотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1938 г.). Одна из лучших рассказчиц, знает кое-какие сказки для детей. В послереволюционные годы происходит быстрое разрушение старинного свадебного обряда, но остатки его в сжатом и искаженном виде сохранились до настоящего времени; до настоящего времени сохранилась часть обрядовых песен и плачей. В сказе 16, типичном для современной деревни Приморского района, хождение родни с песнями по деревне, „госьба“ — один из традиционных эпизодов старинного свадебного обряда.

Праздничные обрядовые круги (сказ 17) прекратились в дер. Лопшеньге сравнительно недавно в связи с отмиранием церковных праздников, с организацией клуба, усердно посещаемого в настоящее время молодежью.

Сообщила Олена Романовна Федотова. Старуха, неграмотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1937 г.).

Сообщила Анна Александровна Петрова, 39 лет, грамотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1937 г.).

Сообщила Федора Ильинична Майзерова, около 40 лет. Дер. Лопшеньга. (Запись 1937 г.).

Сказы 18—20 — беседы — праздничные обрядовые сборища с осени до весны. Нарядно одетые девушки собирались в специально откупленную избу, рассаживались по лавкам „по богатству“, пели беседные песни и виноградьа, ходили уточкой, в последние годы — плясали.

Беседы прекратились около 1932 года. Порядок рассаживания по богатству прекратился за несколько лет раньше.

В 1932 году мной записана в дер. Луда (Приморского района) от молодых девушек имеющая отношение к беседам частушка следующего содержания:

Все богаты — по богатым,
Бедняки — по беднякам,
Не подумайте, богаты, —
Уважать не будем вам.

Эта частушка показывает отношение советской молодежи к имущественному неравенству.

21

Сообщила Наталья Аверьяновна Федотова, 60 лет, неграмотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1938 г.).

22

Сообщила Анна Егоровна Майзерова, 50 лет, грамотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1938 г.).

От А. Е. М. записан ряд сказок. Более подробное сообщение о ней смотреть: Комментарий. Сказка 77.

23—25 ¹

Сообщила Марфа Ивановна Майзерова, 68 лет, неграмотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1937—1938 гг.).

М. И. М.—одна из лучших рассказчиц дер. Лопшеньги и соседних деревень.

26, 33

Сообщил Василий Егорович Пунанцев, 64 лет, малограмотный. Дер. Дураково. (Запись 1938 г.).

27, 29

Сообщила Улита Леонтьевна Бронникова. Старуха, неграмотная. Дер. Дураково. (Запись 1938 г.).

28 ²

Сообщила Марфа Ивановна Майзерова. (См. сказы 23—25). (Запись 1937 г.).

Ловля белух способом, описываемым ею, прекратилась несколько лет назад. В настоящее время мужчины-промышленники добывают белух с ботов.

30

Сообщила Сусанна Петровна Майзерова. (См. сказ 12). (Запись 1937 г.).

31

Сообщила Фекла Тихоновна Ярыгина. Пожилая, неграмотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1937 г.).

32

Сообщил Матвей Осеевич, 59 лет, неграмотный. Дер. Лопшеньга. (Запись 1938 г.). Хороший рассказчик, знает сказки. Более подробное сообщение о нем смотреть: Комментарий. Сказка 73.

34

Сообщил Петр Михайлович Юдин, 49 лет, малограмотный. Дер. Лопшеньга. (Запись 1937 г.).

¹ — ² См. Архив Гослитмузея.

Он знает сказки. Более подробное сообщение о нем смотреть: Комментарий. Сказки. № 76.

35

Сообщила Надежда Андриановна Репина, 70 лет, неграмотная. Дер. Дураково. (Запись 1938 г.).

36

Сообщил Лука Гаврилович Бронников, 51 года, малограмотный. Дер. Дураково. (Запись 1938 г.).

37

Сообщила Ульяна Ивановна Ершова, 52 лет, неграмотная. Дер. Лопшеньга. (Запись 1937 г.).

Сказы 35—37. Необходимость в прикупном хлебе, предварительные расходы на организацию промысла (исход которого не был всегда удачным), отдаленность от Архангельска и неналаженность путей сообщения с ним — все эти и ряд других причин ставили в дореволюционное время бедноту и средняков в тяжелую зависимость от местных и архангельских богатеев.

Средствами наживы для последних были: торговля хлебом, ссуда денег и продуктов под тюлений и семужий промыслы, скупка и перепродажа промысла; также (для лопшеньгских богатеев) посредничество между крестьянами и архангельскими купцами в использовании так называемых „монастырских“ тоней (т.-е. лучших тоней около деревни, находившихся во владении Сийского и Воскресенского монастырей).

Онежский район

38

Сообщил П. Н. Марьин, 33 лет, грамотный. Дер. Нижмозеро. (Запись 1934 г.).

39

Сообщила Паладья Васильевна Козьякова, 60 лет, неграмотная. Дер. Нижмозеро. (Запись 1934 г.).

Сказы 38—39. Летом 1919 года отряд белых высадился с парохода на морской берег и лесными тропами подошел к селу Нижмозеру. Занял его, квартировал несколько недель делая разведки, пока не был застигнут врасплох красными, шедшими также с целью разведки со стороны Онеги. В числе красных были крестьяне Нижмозера и соседних деревень Онежского района. В деревне произошла стычка разведывательных отрядов, а затем белые, опасаясь дальнейшего на них наступления, бежали в сторону Архангельска, красные же отошли в сторону Онеги. Вскоре от белых опять зашла разведка, в этот раз увела с собой крестьянина П. М. Марьина (сказ 38). И уже осенью, на пути в Онегу, отряд белых снова, в последний раз задержался в Нижмозере недель около двух (сказ 39).

¹ См. Архив Гослитмузея.

Этим кончилось их активное вмешательство в жизнь деревни. Интересно сопоставить сказ П. В. Козьяковой, полный образности и мрачной экспрессии, с ее причитаниями на эту же тему:

... Дак уж роню гяркие-то слезы горючие,
Дак уливается да бедна мать горе-горькое,
Дак уж утираюсь, да глупа сиза голубушка,
Уж своим белым полотенцем хорошим.
Уж только не могу, да глупа сиза голубушка,
Забуть тебя-то я, сердесьнее дитятко.
Уж как крепкие-то сны когда найдут забудущие,
Тогда закинет да меня, сизу голубушку,
Уж и ставаю-то я — споминаю:
Уж не во собрании-то у меня, сизой голубушки,
Уж все мое-то ведь сердесьнее дитятко,
Уж все убили-то его — погубили... и т. д.

40

Сообщил Петр Яковлевич Смолокуров, 60 лет, грамотный. Дер. Луга, Приморского района. (Запись 1934 г.).

В период интервенции и гражданской войны посад Луга, бывший в стороне от фронта, по невыгодному территориальному положению был избавлен даже от кратковременных заездов белых, поэтому приезд белогвардейцев (главным образом офицеров, как вспоминает население) был неожиданностью для местных крестьян.

Произошел он в феврале 1920 года, когда белогвардейские войска (отряды генерала Миллера), в беспорядке и панике бежавшие от Архангельска, продвигались по почтовому тракту на Онегу, Ворзогоры и далее.

Жители местных деревень, встречавшихся на пути, под страхом расстрелов принуждены были снабжать отступавших недостающими лошадьми и прочими средствами передвижения.

СКАЗКИ

Пинежский район

1—3

Сообщила Анна Михайловна Евтяева, 93 лет, неграмотная. Дер. Труфана-Гора.

А. М. родилась в дер. Поче, в бедной крестьянской семье. Была выдана насильно замуж в Труфану-Гору. 45 лет овдовела, после смерти мужа несколько лет прожила в Архангельске (кухаркой в общежитии лесопильного завода), потом вернулась к сельскому хозяйству. В 1937 году она переехала в Архангельск к своим детям, которые работают на лесопильных заводах.

Все сказки слышала в ранней молодости от отца. В молодости любила петь и знала множество песен; о сказках говорит: „Тоже много знала — все забыла, интереса не было“.

Наиболее сохранившиеся в ее памяти: № 1 — Еленушка девка Чернавка (А 403),¹ № 2 — Про разбойников (А 955), № 3 — Еретики-жалезны зубы (А. П. 7, опред. номер не указан).

Знает еще несколько, главным образом волшебных, сказок, но помнит их плохо.

Все сказки записаны от нее в 1935 и 1938 гг.

4—7

Сообщила Настасья Никитична Овдокимова, 67 лет, неграмотная. Дер. Почезерье. № 4 (Фрол Скабеевич) (А 1383). № 5 (Хитрая жена) (А 1406). № 6 (Хитрая жена) (А 1406). № 7 (Старик, медведь и лисица) (А 154). Сказки записаны в 1935 году.

8

Сообщила Марья Петровна Пашкова, неграмотная. Дер. Почезерье. М. П. родилась в зажиточной семье в дер. Почезерье и до смерти (умерла в 1937 году около 75 лет отроду) жила в ней со своими детьми и внуками. Ее родители, братья, сестры, муж, свекор со свекровью, золовки были знатоками былии.

Среди пинежских сказительниц конца XIX века, описанных Григорьевым, она была одной из наилучших и по количеству знаемых ею старин, и по полноте исполнения, по сюжетной и стилевой сохранности отдельных образцов древней эпической поэзии. В 1935 году она была наилучшей из встреченных мною сказительниц.

„Дурня-бабина“ М. П. исполнила, как и старины, речитативом; сообщить еще какие-либо сказки отказалась: „Прежде сказывала да позабыла“.

8 — Дурень-бабин (А 1696). Запись 1935 года. Многочисленные варианты этого сюжета в различных сборниках обычно в прозе; интересно отметить, что стихотворный вариант Пашковой по форме более схож с „Дурнем“, помещенным в сборнике Кирши Данилова.¹

9—16

Сообщила Татьяна Ивановна Чупакова, 70 лет, неграмотная. Дер. Березник.

Родилась в дер. Городец — в бедной семье, в бедную же семью вышла замуж. Работала всю жизнь по сельскому хозяйству.

У Т. И. прямая связь с северной классической сказкой и с лучшими представителями ее. Она в родстве с М. Д. Кривополеновой, подруга известной в Пинежском районе песенницы и сказочницы Т. О. Кобелевой, в юности — постоянная гостья в доме ее матери, также прекрасной сказочницы.

Сказки слышала на вечереньках и в гостях (многие из них — в молодости) главным образом от женщин. Она обладает большой памятью: „Раз слышала — то мое“. Например, сказку про Белоснежку (11) читал ей лет тридцать тому назад мальчик-

¹ В скобках — ссылка на „Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне“. Н. П. Андреев. Л. 1929.

² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Гослитиздат. 1938 (№ 58).

ученик; редкий вариант сказки „Про брата и сестру“ (9) слышала лет пятьдесят назад от упомянутой выше матери Т. О. Кобелевой и т. д.

Слушает сказки (хотя слышит плохо) и рассказывает их ребятам и взрослым до сих пор.

Сказка 9—Про брата и сестру (А 403. См. № 1 в этом сборнике); 10—Козелок-ивленные глазки (А 430 + 302); 11—Белоснежка (А 709) (в ее редакции она ближе всего к сказке „Белоснежка“ или „Беяночка“, много раз печатанной в общедоступных русских изданиях сказок бр. Гримм); 12—Служимый и смерть (А 330 в); № 13—Концовка (А 1880); 14—Про Балдушу (А 1007, 1132, быть может и другие номера этого раздела); 15—Про козу (А 212).

Эти и еще 15 сказок (главным образом волшебные) записаны от нее в 1938 году.

17 — 19

Сообщила Домна Ионична Пашкова, 33 лет, малограмотная. Дер. Березник.

Д. И. П.—дочь Т. И. Чупаковой (см. сказы 9 — 17), живет с детьми у матери, работает в колхозе: летом—на сельском хозяйстве, зимой — ямщиком.

Сказки знает от крестьян и крестьянок своей деревни, также от матери. Любит рассказывать их сама: в зимние вечера — когда прядет, на почтовой станции.

17 — Жил старик со старухой (А 555); 18 — Во городе Вахромее (А 460 В — отчасти); 19 — Беленька рубашка (А 882 + 1730). Слышала от матери, мать — от Кривополеновой.

Эта сказка, как и другие сказки, узнанные ею от матери, почти ничем не отличаются от сказок последней. Близость ее и кривополеновских вариантов очевидна (см. сказку М. Д. Кривополеновой „Верная жена“, помещенную в книге О. Э. Озаровской „Пятиречье“).

Все сказки записаны в 1938 году.

20 — 21

Сообщил Иван Александрович Чупаков. Старик, грамотный. Дер. Усть-Ежуга 2-я. (Умер летом 1938 г.).

И. А. из зажиточной семьи, вместе с братом держал почтовую станцию. В молодости года полтора прожил в Архангельске на военной службе; в деревне занимался сельским хозяйством, работал на лесозаготовках.

Сказки слышал в лесных избушках от крестьян-лесорубов, главным образом от высокогорского сказочника Кузьмы Тюшина.

20 — Два брата (А 1535 А. Частичное и относительное сходство с этим типом); 21 — Почтение к родителям (А 981).

Кроме вышеупомянутых сказок, от И. А. в 1935 года записано еще 6 сказок. Его репертуар — главным образом сказки-анекдоты, многие из-за непристойных подробностей к печати непригодны.

22

Сообщила Устинья Федотовна Петрухина. Старуха, неграмотная. Дер. Усть-Ежуга 2-я.

У. Ф. П. родилась в дер. Почезерье, вышла замуж за усть-ежугского. Работала в сельском хозяйстве, на лесозаготовках (помогая мужчинам), отличалась энергией и выносливостью и, несмотря на это, жила в бедности, так как муж все пропивал.

В 1935 году она тяжело заболела, вскоре после моей встречи с ней скончалась.

В молодости У. Ф. любила песни, сказками особенно не интересовалась. Знала несколько легендарных сказок и сказок для ребят. Наряду со сказками, в 1935 году от нее записан сказ „Из жизни“ (см. сказ 9), имеющий, подобно легенде о богаче (24), резко выраженную социальную заостренность.

23 — 30

Сообщила Татьяна Осиповна Кобелева, 75 лет, неграмотная (слепая). Дер. Юбра.

Т. О. родилась в деревеньке Залесьи близ Чаколы, в большой семье. Мать Т. О., от которой она выучила сказки, была любительницей, хорошим знатоком сказок (в их числе редчайших и уникальных), также старин.¹ Отец — грамотей и „заливной песельник“, славившийся по окрестным деревням своим умением петь. В доме родителей (хотя и небогатом) постоянно множество народа: по праздникам — крестьяне окрестных деревень, зимой — на конях с Двины, с Мезени, нищие... Всех поили-кормили.

„Соберутся — кто во што, а я на печи — все слушаю“, — вспоминает Т. О. Двадцати одного года ее выдали насильно замуж, в дер. Юбру. С замужества жизнь изменилась: строгий свекор, суровый муж, постоянная работа, тяжелые роды и смерть детей (из девяти умерло шесть)... И все же (уже в пожилом возрасте) со сказками, с загадками, с песнями Т. О. — самая желанная гостя на зимних вечереньках (см. ее прекрасный сказ 7 о вечереньке с присутствием на ней М. Д. Криг-поленовой).

Лет около двадцати назад Т. О. ослепла; „ослепла — пуще стала петь, пуще стала сказывать“. Интерес к старинам, слышанным от матери в детстве, появился у нее лишь после потери зрения. В настоящее время Т. О. живет с мужем (который работает в колхозе), продолжая радостно и щедро одарять крестьян своим искусством; в ответ на это она получает от всех без исключения, старых и молодых, заботу, уважение и привязанность.

В 1925 году О. Э. Озаровская записала от нее (уже слепой) одни из лучших сказок, помещенных ею впоследствии в „Пятиречин“.

23 — Талань (соответственного типа в указателе Аарне — Андреева не имеется, сказка сходна с № 71 „Сказочных материалов Пинежья“ А. Никифорова.²

24 — Эй-брат (Б 551 — частично).

25 — Про львицу (А 931 11 — частично). По сравнению с записью Озаровской (Пятиречие, № 33) добавлен пересказ начала сказки

¹ Сказочная комиссия 1927 г.

² Былины и духовные стихи.

Пушкина „О царе Салтане“, которую Т. О. слышала от двоюродного брата, читавшего ее по книге.

26 — Моряжка (соответственного типа в указателе Аарне — Андреева нет; насколько известно, вариантов этой легенды и в печатных сборниках фольклора не имеется. Ср. с записью Озаровской „Пятиречие“, 2 (в этой же книге ценные примечания к тексту).

27 — Про скомороха (соответствующего типа в указателе Аарне — Андреева нет; насколько известно, вариантов этой легенды в печатных сборниках фольклора не имеется). Интересно провести параллель с французской рифмованной легендой XIII века „Жонглер богоматери“.¹

Сказка 28 — Три загадки (А 1940). Т. О., будучи в гостях у невестки в гор. Архангельске, слышала эту сказку в передаче по радио и заучила ее.

29 — Никола Дупленьской (А 1380).

30 — Про ерша (А 254). По старинным рукописным текстам и лубочной литературе известна русская „Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове“ — сатира на судопроизводство Московской Руси.

Т. О. знает еще несколько легенд, анекдотов, сказок о животных. Все сказки записаны от нее в 1935 и 1938 гг.

31

Сообщила бабушка Матрена, 94 лет, неграмотная. Дер. Холм.

Она из бедноты, с малых лет ходила по работницам, в 1935 году работала в колхозе. (Теперь — покойная.)

Сказка 31 — Свекор и невестки. (А 921+915). Запись 1935 года. От прочих вариантов ее сказка отличается определенно выраженной бедняцкой идеологией.

Знала только одну сказку.

32

Сообщила Лукея Зарубина, 63 лет, неграмотная. Чакольского сельсовета.

Сказка 32 — Глупая жена (А 1383).

Знает еще сказку о старухе-ворожее. Сказки записаны в 1935 году.

33

Сообщила Марфа Никитична Потяркина. Около 58 лет, неграмотная. Дер. Чакола.

33 — Старик и старуха (А 1210). Запись 1935 года,

От нее же записан ряд сказов на темы деревенского быта и гражданской войны.

34

Сообщила Дарья Дементьевна Онохина. Пожилая, неграмотная. Дер. Конечерье.

¹ См., например, в хрестоматии по западноевропейской литературе. Учпедгиз. Москва, 1936.

Сказка 34 — Овечка-серебрянка. Частично сходна с А 123, помещенной в разделе „Животные сказки“. В распространенной редакции этой сказки главные действующие лица — животные; в сказке Д. Д. О. ягнят крадет баба-яга, овечка-серебрянка находит своих детей с помощью чудесных предметов: мыла, шила, ксромысла и ступы.

35 — 37

Сообщил Кузьма Тюшин, 77 лет, неграмотный. Дер. Высокая-Гора. К. Т. был охотником, лесорубом, занимался земледелием. Теперь работает конюхом в своем колхозе. Кроме Архангельска, в котором был всего два раза, в городах не бывал.

Как сказочник, знавший множество самых разнообразных сказок (в их числе много сказок про богатырей), К. Т. был известен за пределами своей деревни. Многие из крестьян слышали его сказки на покосах, на лесозаготовках — в лесных избушках.

„Столько знал, двое сутки бы занялся — не перескажешь, хороша книга можно было написать“, — говорит он сам.

Лет около двадцати назад он начал терять память. В 1935 году он с трудом вспомнил и сообщил мне сказку „Петр Великий и солдат“, сказки о подвигах Ильи Муромца. В 1938 году он не мог вспомнить даже и этих сказок.

35 — 37 — Сказки об Илье Муромце (А 650 1). Известно существование на Пинеге былин, книжек и сказок, передаваемых из уст в уста, об Илье Муромце.

К. Т. говорил, что сказки эти, или отдельные эпизоды одной сказки, он помнил очень длинными, и что слышал он их со сказа, от стариков дер. Плеса.

Онежский район

38 — 50

Сообщила Алена Кирилловна Калинина, 49 лет, грамотная. Дер. Кянда. А. К. К. родилась в дер. Тамице от бедных родителей, росла в семье бабушки. Девушкой занималась сельским хозяйством, ловила рыбу с мужчинами в Тамице и Покровском и, — что было исключением среди крестьянок, — охотилась на птицу. Вышла замуж в дер. Нижмозеро. После смерти мужа осталась с многочисленными детьми. На несколько лет выезжала в Онегу, была там чернорабочей, потом вернулась в свою деревню и стала рыбачить. В настоящее время живет в Кянде пекаркой на хлебозаводе. Сказки знала с детства, главным образом от бабушки, неграмотной старухи-сказочницы, родом с Ворзогор, от тамецких старух, от девушек-подруг, из книжек (сама читала, читали в семье мужчины), несколько сказок переняла от мужчин.

В юности А. К. сказывала сказки на вечерках подругам, позднее — своим детям. Ее дочь, 16 лет, знает сказки от матери и сама сказывает деревенским ребятам.

38 — Мачеха и падчерица (А 480); 39 — Мачеха возненавидела сноху (А 313); 40 — Про бедного и богатого (А 563, 564); 41 — Про парня (А 333 В); 42 — Ленивая прядея (А 501). Несомненно

сходство этой сказки в ее передаче со сказкой бр. Гримм „Три пряжи“, — см. в русском общедоступном издании сказок бр. Гримм; 43 — Варушка и Анюшка (А 333 1); 44 — Леший унес трех дочерей (А 311); 45 — Житинка (А 1885); 46 — Балька дурак (А 16811); 47 — Про попа и про казака (А 1361 1); 48 — Лапотек (А 170); 49 — Про репку (А 37).

Кроме указанных выше сказок, в 1938 году от нее записано еще около 30 сказок: сказки волшебные, сказки-анекдоты, сказки о животных, бывальщины и легенды.

50 — 55

Сообщила Марфа Степановна Дьячкова, 76 лет, грамотная. Портниха. Дер. Тамица.

Родители М. С. — кяндские крестьяне. В раннем детстве она упала с лестницы, и начал расти горб. Когда ей исполнилось 15 лет — умер отец; так как у матери было еще трое маленьких ребят, — училище, в котором проучилась она два года, пришлось оставить. Семья нуждалась, и, несмотря на инвалидность, М. С. стала работать по сельскому хозяйству, ловить рыбу, водиться с ребятами. Братья выросли, М. С. начала шить. После смерти матери и братьев, оставшись одна, она продолжала зарабатывать шитьем и в своей деревне и разъезжая по соседним деревням.

Большинство сказок (которые лучше помнит) слышала в детстве, главным образом от старух и от отца, будучи взрослой — читала их в книжках. Любила она и сама рассказывать сказки: в детстве — сверстникам-ребятам, в зрелом возрасте и старухой — девочкам-подросткам, которые приходили к ней учиться шить.

50 — Хитрый мужик (А 1381); 51 — Свекор и снохи (А 915); 54 — Небылица (А 1920 Д); 55 — Крестьянин и журавль (А 1887).

Кроме вышеуказанных, в 1938 году от нее записано еще около 20 сказок: среди них — волшебные, но главным образом сказки о животных и бывальщины.

55 — 57

Сообщила Анна Максимовна Севостьянова, 69 лет, неграмотная. Дер. Тамица.

А. М. занималась сельским хозяйством, рыбной ловлей; теперь водится с ребятами. Сказки слышала, от матери, от бабушки; сама сказывала и сказывает ребятам.

Сказка 56 — Микита Высота (А 545 В).

Знает еще несколько сказок, главным образом о животных. Сказки записаны в 1938 году.

58 — 63

Сообщил Василий Андреевич Калинин, 62 лет, малограмотный. Дер. Кянда.

Сказка 59 — Кузьма Фарафонтьевич (А 1640); 61 — Петр Великий и солдат (А 922); 62 — Про богатого и бедного (1535); 63 — Про попа Жукова (А 1641).

Наряду с этими сказками, в 1938 году от него записано еще восемнадцать сказок (среди них несколько сказок волшебных, легенд, бывальщин, но главным образом сказки-анекдоты).

Более подробно о В. А. К. см. во вступительной статье „Сказы и сказки Беломорья и Пинежья“, стр. 14 — 15.

64 — 65

Сообщил Иван Федорович Чичеров, 37 лет, грамотный. Дер. Кянда. Родился в семье крестьянина-средняка. Образование получил в Кяндском министерском училище (учился 5 лет). По окончании училища работал в деревне (зимой — на путине, летом — пастухом; в гражданскую войну был в Вологде, в Сибири, на Украине в тылу у красных (поваром, переписчиком, рассыльным). После демобилизации вернулся к деревенской работе, года на два уходил чернорабочим на лесопильные заводы Сороки, Ковды. С 1930 года колхозник. В настоящее время член правления колхоза, бригадир МТФ.

И. Ф. выделяется большой любознательностью: интересуется историей, географией, ботаникой. Любит русскую литературу и произведения русских классиков: Гоголя, Пушкина, Тургенева и т. д., из современных — Шолохова. Читал много сказок: „Оле-пушкины сказки“, про богатырей и пр.

Несколько лет назад вел дневник, сочинял стихи (лирические) и басни, придерживаясь формы басен Крылова. После того как показал деревенскому учителю, и тот их не одобрил, — все уничтожил.

Сказки главным образом слышал в детстве от старухи-бабки, от местных старух и ребят-учеников, от красноармейца на Украине в 1920 году.

Будучи мальчиком, сам сказывал их своим товарищам, сестрам и их подругам — на дому, в гостях, у речки близ деревни. Вырос — детские сказки стал сказывать только ребятам; а взрослым — анекдоты и свои басни, изредка сказки о гражданской войне, слышанные на Украине.

В сказывание он вносит элемент театрализации: „Басни представлял — все гримасы указывал“; сказ о Махно, зная, что он вымышлен, для занятости выдавал за истинное происшествие, а себя — за красноармейца, главного героя сказки. Кроме сказок, с детства любил петь песни. Сказки 64 — 65 слышал от красноармейца на Украине в 1920 году.

Приморский район

66 — 68

Сообщил Андрей Иванович Бронников, 54 лет. Дер. Дураково.

А. И. родился в бедной семье. Несколько лет был работником при Соловецком монастыре, работал немного на лесопильных заводах в Онеге и в Кеми, остальное время прожил в своей деревне, занимаясь рыбным и звериным промыслами.

За свою жизнь А. И. слышал много сказок: в детстве — от зятя, от местных крестьян — когда промышлял зверя, от приез-

жего торговца, заманивавшего покупателей чтением сказок из привезенных им книжек. Слышанное помнит плохо или забыл совсем, запомнил лишь некоторые легенды и предания, которые рассказывал отец, 35 лет проживший в Соловках.

66—67—из распространеннейших преданий, известны также и в окрестных деревнях.

68—про Виталия. В этом предании рассказан эпизод из времени нападения Англии на Соловецкий монастырь в 1854 году. В монастырской летописи были вскоре же записаны „все замечательные случаи сей осады, дабы они могли послужить в нази-дание современникам и потомству“. С той же религиозно-дидактической целью уже в 1855 году появился ряд общедоступных брошюр, распространявшихся и в Соловках, с полулегендарным описанием этого события и героических подвигов отдельных лиц. Предания на эту тему существовали и в среде богомольцев.

Запись 66—68 сделана в 1938 году.

69—70

Сообщил Александр Васильевич Павловский, около 40 лет, грамотный. Дер. Лопшеньга.

А. В. родился в бедной семье. С 15 лет начал ежегодно ходить от мудьюжских купцов на парусниках и на моторке за рыбой, за звериным салом в Норвегию, на Терский и Мурманский берега. С 1926 года и до настоящего времени промысляет зверя и близ деревни и в различных местах Белого моря. В последние годы работает кроме того рыбаком на колхозных тонях и в Уиской губе, куда съезжаются крестьяне различных деревень Приморского района.

Сказки А. В. слышал от крестьян из Неноксы и из Дуракова, неприличные анекдоты про попов — от матросов-поморов, с которыми плавал на судах, бывальщины — главным образом на военной службе. Читал „Ивана-царевича и жар-птицу“, „Протупея прапорщика“, „Дон-Кихота“ и т. д. Сказывал сказки „во время досуга“ на тонях, в станах, где собирались промышленники.

69—Про охотника (А 300); 70—Поп одичал (А 735).

Знает еще несколько волшебных сказок и бывальщин.

Все сказки записаны от него в 1937, в 1938 гг.

71—72

Сообщил Федор Егорович Петров, 51 года, малограмотный. Дер. Лопшеньга.

Ф. Е.—сын заезжего дьячка и местной крестьянки. Рос у деда, работая в сельском хозяйстве и на тонях. Взрослым—ходил от купцов в Норвегию, промыслял тюленя на Соловецких островах. Перед войной работал в Кеми на лесопильном заводе. Участвовал в империалистической войне, три года был в австрийском плену. При советской власти лет семь под ряд ходил на ледоколах в Горло Белого моря, к Канину, то пекарем, то обделывателем зверя. Последние годы работает главным образом на колхозной путине, также на лесозаготовках.

Сказки Ф. Е. слышал: на ледоколе от зимнезолотицкого крестьянина, от местного крестьянина П. М. Юдина на тоне, но главным образом от лучшего из сказочников, известного далеко за пределами своей деревни, лопшеньгского крестьянина Н. Н. Петрова, прозвищем Фараона (умершего в 1937 году), с которым хаживал за зверем. Сам рассказывал и рассказывает их до последнего времени: на ледоколах, на тоне, на озерах — когда артелью ловят рыбу, на рубке леса.

71—Иван Запечина (А 530); 72—Поп, дьякон и дьячок (А 1730).

Кроме вышеуказанных сказок, в 1937—1938 гг. от него записано еще 14 сказок, художественной ценности большинство из них не имеет, они интересны лишь как материал для исследования.

73

Сообщил Матвей Осеевич, 58 лет, неграмотный. Дер. Лопшеньга.

М. О. родился в многодетной семье. Мальчиком был отдан на время („с хлеба долой“) в Соловецкий монастырь. Затем лет десять работал на путине в Пертоминском монастыре, жил в казаках по соседним деревням и по Двине, остальное время — в своей деревне, занимаясь земледелием, рыбным и звериным промыслами. В течение ряда лет ходил на зверобойном судне к Терскому берегу и к Канину, по веснам — на острова. Последние годы занимается исключительно рыбной ловлей.

Сказки „Про ступу самоходку“, ¹ „Горыня, Усыня и Майдан“ слышал всего по одному разу, когда был подростком, в Соловках, от крестьян Тверской губернии и из Дуракова. Сам рассказывал их часто: на девичьих вечерках, в промысловых избах.

73—Горыня, Усыня и Майдан (А 301). Запись 1938 года.

74—75

Сообщил Павлин Иванович Юдин, 46 лет, малограмотный. Дер. Лопшеньга.

74—Маркуша на крысы женился (А 402); 75 — Про скрипку (А 592).

Наряду с этими, в 1937 — 1938 гг. от него записано еще 13 сказок, волшебных главным образом и анекдотов.

Более подробно о Юдине во вступительной статье „Сказы и сказки Беломорья и Пинежья“.

76 ²

Сообщил Петр Михайлович Юдин, 49 лет, малограмотный. Дер. Лопшеньга.

П. М. родился в бедной семье. Жил в работниках у местных богачей, от богатых крестьян Лопшеньги и Сюзьмы ходил матросом на Терский берег и в Норвегию. Был на военной службе, участвовал в империалистической войне. Занимался сельским хозяйством, промыслял рыбу и морского зверя, зимой — с ледоколов в Горле Белого моря, ромшей; весной — на

¹ — ² См. Архив Гослитмузея.

Соловецких островах. В настоящее время живет главным образом около дома, работая на колхозном строительстве и на путине.

Сказки слышал от солдат на военной службе, в окопах, от местного сказочника Фараона, с которым много лет под ряд ездил на острова.

76 — Солдат со службы убежал (А 952).

В 1937 году от него записано еще восемь сказок, главным образом волшебных, также анекдоты и бывальщины.

П. М. рассказывал и рассказывает сказки крестьянам-промышленникам на ледоколах, на ромше, в стану, в избушках, на тоне, также на покосах.

77

Сообщила Анна Егоровна Майзерова, 50 лет, грамотная. Дер. Лопшеньга.

А. Е. родилась в бедной семье. Росла в своей же деревне у богатой тетки. Окончив деревенскую школу, работала на поле, торговала в лавке дяди, по торговым делам постоянно ездила с ним к архангельским купцам. Когда ей исполнилось 18 лет, случился пожар; сгорел дом, сгорело все имущество. Вскоре она вышла замуж за местного крестьянина-промышленника, стала работать в сельском хозяйстве. А. Е. любит читать. Читала книги про святых, „интимна жизнь монархов“, кое-что Некрасова и Пушкина, читает учебники по литературе и детские книги сына. Отличается прекрасной памятью, от нее записано много разнообразных песен и причитаний. В Лопшеньге и соседних с нею деревнях женщины в настоящее время почти не знают сказок, кроме немногих детских. А. Е. даже по тому небольшому количеству, которое она помнит, — исключение. Сказки слышала в детстве; сказки о животных и анекдоты — от старух-теток, анекдоты и волшебные — от местного сказочника Фараона, от „питерки“, вышедшей замуж за лопшеньгского крестьянина.

77 — Тяжба барина с бедняком (А 1525). Реализм в ущерб фантастике — типичная особенность сказок А. Е. Эта сказка — лучшая из них. От многочисленных вариантов, известных по сборникам фольклора, она отличается осознанностью социальных мотивов, яркой индивидуализацией характеров (хитрый Кузьма, своенравная и капризная барыня), полнотой психологических деталей.

В 1937 году от А. Е. записано еще шесть сказок. Сказками она интересуется мало и рассказывает их лишь своим, еще небольшим ребятам.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ

Басота — красота.

Батог — палка.

Бахилы — сапоги деревенского шитья.

Берда — часть ткацкого станка.

Божатка — крестная мать.

Вакуша — лягушка.

Венец — один из рядов бревенчатой кладки в деревянной архитектуре.

Верхоньки — кожаные рукавицы.

Вица, вичье — прут, прутья.

Вороница — черная ягода, употребляемая крестьянами в пищу.

Вызнять — поднять.

Галушить — балагурить.

Гольная — чисто-начисто.

Граять — смеяться, каркать.

Грядка — перекладина под потолком внутри помещения.

Деенка — жена дяди.

Домовишше — жилье, гроб.

Жаровица — клюква.

Живот — и в смысле „имущество“.

Житник — хлеб из ячменной муки.

Жито — ячмень.

Жира — житье.

Заплесток — часть берега, омываемая морской волной.

Зарод — стог сена.

Зводень — волна.

Звоз (взвоз) — деревянный помост для въезда на поветь.

Казак — работник по найму.

Камаша — башмаки, штиблеты.

Канаться — просить.

Каменка — печка, выложенная из камней (без дымохода).

Карбас — вид большой лодки, несколько отличающийся от нее по своему строению.

Катанцы — валенки.

Клеть — домашняя кладовка.

Кокора — колода.
Колоб — булочка из теста.
Колыбаться — качаться, двигаться.
Короб — ручная корзина.
Костер — выложенные дрова.
Костыч — сарафан.
Кошка — травянистая равнина близ моря.
Кресла — сани.
Кубач — связка обмолоченного хлеба.
Ласт — хвост.
Лосо — прозрачно.
Малица — верхняя одежда из оленьего меха.
Матерящий — большой, здоровый.
Морхи — лохмотья.
Мотовило — изделие для сматывания пряжи с веретена.
Наволоок — мыс.
Назем — навоз.
Насерка — злоба.
Новыжды — иногда.
Нос — большой мыс.
Обредня, обрядня — каждодневный уход за скотом.
Орать — пахать.
Обрут — узла.
Осторожить — поставить.
Пестерь — короб из бересты, надеваемый на спину.
Пластина — тюленьё сало.
Поветерь — попутный ветер.
Поветь — пристройка к дому, под одной с ним крышей, помещается над двором для скота.
Погода — плохая погода, шторм.
Пожня — покосная земля.
Позем — лес.
Позоряна — зрители.
Поканаться — попросить.
Порато — очень.
Портно — своедельный холст.
Примост — деревянный настил в проходе между избами.
Простень — количество льна на одно веретено.
Поблазнить — померещиться.
Расчистка — расчистка леса под поля и покосы.
Ремхи — лохмотья.
Робить — работать.
Ропак — намерзания на льдине.

Ростань — место расхождения дорог.
Рукомолотна — жернова для размолки зерна ручным способом.
Рыть — бросать.
Свистожок — свист.
Сначаться — думать, надеяться.
Совик — верхняя одежда.
Сорога — плотва.
Скоротать — вытащить лодку на лед.
Списьник — полотенце.
Спичка — также и деревянный гвоздь в стене.
Страда — летние земледельческие работы.
Суземок — лес.
Тайбола — лес.
Тилисайчик — детеныш тюленя.
Тоня — определенный участок воды, на котором ловят рыбу.
Туес — берестовая посудина.
Тулиться — прятаться.
Угор — холм.
Уромы — стаи.
Утропаться — выпачкаться.
Чеботной — сапожник.
Червяк — и в смысле серп.
Чищанины — лес, расчищенный под поля или покосы.
Чунки — санки.
Чухарь — глухарь.
Шалашки — небольшие санки.
Шалга — лес.
Шаньги — типа ватрушек с крупой, с картофелем, с творогом, с ягодами.
Шолнуша — перегородка, отделяющая часть избы с русской печью.
Шоркоток — шорох.
Шошток — шесток.
Щелья — скалистый берег.
Юнды — сети на морского зверя.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сказы и сказки Беломорья и Пинежья	5

СКАЗЫ

Пинежский район

1. Как насильно замуж выдавали	19
2. Жизнь с мужем	21
3. В семье мужа	—
4. Роды и материнство	22
5. Раздел	23
6. Раздел	24
7. Вечереньки	25
8. Из жизни	26
9. Из жизни	—
10. На поиски сына	27
11. Смерть сына	28

Приморский район

12. Брата женили	30
13. Женихи	31
14. О женитьбе	33
15. Свекровь	—
16. Современное замужество	34
17. Круги водили	35
18. На беседах	—
19. На беседах	36
20. На беседах	—
21. Спроводины	—
22. Проводы в Красную армию	37
23. Выдры	—
24. Лебеди	38
25. Встреча с медведицей	39
26. Название деревни	40
27. Снасть для промыслов	—
28. Ловля белух	41
29. На тою с шаньгами	42
30. Погода	—
31. Тилисайчик	43
32. В море	44
33. За тюленем	45
34. Как ромшей ходили	46
35. Возвращение с ромши	47
36. Под промысел	48
37. Деревенские богачи	49

Онежский район

[illegible]

СКАЗКИ

Пинежский район

1.	Еленушка и девка Чернавка	61
2.	Про разбойников	64
3.	Еретики-жалезны зубы	65
4.	Фрол Скабеевич	66
5.	Хитрая жена	68
6.	Хитрая жена	—
7.	Старик, медведь и лисицз	—
8.	Дурень-бабин	69
9.	Про брата и сестру	71
10.	Козелок-ивленные глазки	74
11.	Белоснежка	78
12.	Служимый и смерть	81
13.	Концовка	84
14.	Про Балдушу	—
15.	Про козу	86
16.	Сказочка	87
17.	Жили старик со старухой	88
18.	Во городе Вахромее	89
19.	Беленька рубашка	91
20.	Два брата	95
21.	Почтение к родителям	97
22.	Про богатого человека	98
23.	Талань	—
24.	Эй-брат	101
25.	Про львицу	104
26.	Моряжка	106
27.	Про скомороха	107
28.	Три загадки	108
29.	Микола Душлянский	109
30.	Про ерша	110
31.	Свекор и невестки	113
32.	Глухая жена	114
33.	Старик и старуха	—
34.	Овечка-серебрянка	115
35.	Илья Муромец	116
36.	Бой Ильи Муромца с поленицей	119
37.	Илья Муромец и Петрушишко	120

Онежский район

38. Мачеха и падчерица	122
39. Мачеха возненавидела сноху	124
40. Про бедного и богатого	126
41. Про парня	128

42. Ленивая прядея	128
43. Варушка и Анюшка	129
44. Леший унес трех дочерей	131
45. Житника	133
46. Балька-дурак	134
47. Про попа и про казака	135
48. Лапотек	136
49. Про релку	138
50. Хитрый мужик	140
51. Свекор и снохи	141
52. Бедный мужик девок выбирал	142
53. Пустодомка	143
54. Небылица	144
55. Крестьянин и журавль	146
56. Микита Высота	147
57. Спирыюшка	149
58. Царь черно книжник	—
59. Кузьма Фарафонтьевич	151
60. Леший	155
61. Петр Великий и солдат	156
62. Про богатого и бедного	158
63. Про попа Жукова	161
64. Скрипач Мирон	163
65. Смерть	164

Приморский район

66. Колга, Жижга и Кошчак	166
67. О Святом посе	167
68. Про Виталия	—
69. Про охотника	168
70. Поп одичал	173
71. Иван Запечина	175
72. Поп, дьякон и дьячок	178
73. Горыня, Усыня и Майдан	181
74. Маркуша на крысы женился	187
75. Про скрыпку	191
76. Солдат со службы убежал	193
77. Тяжба барина с бедняком	196
Комментарий к сказам и сказкам	203
Словарь местных слов	219

Сказы и сказки Беломорья и Пинежья

Архангельское областное издательство. 1941 . Индекс X-1. Изд. № 997.

Редактор *К. И. Коничев*. Техред.-корр. *А. А. Веселовская*.

Художник *В. В. Рождественский*.

Сдано в набор 21/VI—39 г. Подписано к печати 6/V—41 г. Форм. бум. 60 x 92/16. Объем 7 б. л. 14 п. л. 16½ уч.-изд. л. 48300 тип. знаков в печ. л. Тираж 5000 экз. сл 2085.

Цена книги 5 р. 80 к. Переплет 80 коп.

Отпечатано с матр., изготовл. тип. изд-ва „Красный Север“, Вологда, ул. К. Маркса, 70.

Тип. им. Склепина изд-ва „Правда Севера“, Архангельск, пр. Сталинских ударников, 86.